

АЛЕКСАНДРЪ САЛТЫКОВЪ.
(Rus)

ДВѢ РОССІИ.

Національно-психологическіе
очерки.

Издательство Милавида
МЮНХЕНЪ.

Издательство Милавида · Мюнхенъ

подготавливается къ выпуску:

МИЛАВИДА

Художественный Журналъ-альманахъ
литературы, культуры, исторіи, философіи, критики
и библиографіи.

Четыре выпуска въ годъ.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать И. А. Бунинъ,
С. А. Горный, Г. Д. Гребенщиковъ, М. М. Ивановъ (композиторъ),
А. И. Купринъ, И. С. Лунашъ, М. К. Первухинъ, С. Черный
и др. писатели.

Въ научномъ и историко-философскомъ отдѣлѣ участвуютъ:
Профессоръ Кершенштейнеръ и приватъ-доценты д-ръ Н. Буб-
новъ (Гейдельбергъ) и д-ръ О. ф. Гильденштуббе (Мюнхенъ).

Въ ближайшихъ выпускахъ будутъ междупрочимъ напечатаны:
„Царица морей“ (Очерки Венеціи) М. К. Первухина и его-же
„Вѣчный Городъ“ (Очерки Рима) и рядъ разсказовъ и
эскизовъ изъ итальянской жизни; также „Сибирскія
воспоминанія“ (1894—1904) генерала Барона Будберга
и его-же „Воспоминанія о войнѣ“ (1914—1918).

Адресъ редакціи: München, St. Annaplatz 7.

Двѣ Россіи.

1.

Зима... Русская зима... Но день — не холодный; почти оттепель... Пологий скатъ холма... И на холмѣ — березки... А между березовыми перелѣсками — занесенныя снѣгомъ поля... И народъ... много народа... Но его какъ-то не слышно... И въ сторонкѣ — церковка... И также въ сторонѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто-бы посреди народа, — Христось... Снѣжныя поля и березы тянутся въ гору, въ далекую необозримую даль... И все: и народъ, и березы, и церковка, и Христось — какъ-то ушли въ самихъ себя: они полны созерцанія и несказанной кротости... Да, чувствуется, что такими и должны быть, что такіе и есть — русскія березы, русская церковь, русскій народъ и русскій Христось... И все это — и народъ и березы и сама церковка и смиренный, таинственный Христось — молится Богу... И даже самъ воздухъ — грустный и ласковый — какъ будто молится Богу... Это — картина Нестерова: Святая Русь.

Эта картина — одно изъ поразительнѣйшихъ прозрѣній русской природы и русской жизни: на нее невозможно смотрѣть безъ какого-то особеннаго волненія и умиленія. Но спрашивается: всю-ли русскую жизнь, всю-ли русскую душу, весь-ли русскій міръ отражаетъ эта картина?

Нѣтъ! не весь...

2.

И потому уже Святая Русь Нестерова не отражаетъ всей Россіи, что, наряду со святою, есть и грѣшная и даже много-грѣшная Русь. Эта вторая Русь не менѣе грѣшна, чѣмъ свята первая. Эта вторая Русь есть разбойничья, дикая, грубая Русь былого казачества и современнаго массоваго безумія, Русь Пугачевщины и «иллюминацій» 1905 и 1917—18 годовъ. Эта вторая Русь есть Русь повальнаго грабежа и пьянства и гордаго, высоко держащаго голову, корыстолюбія и лихоим-

ства. Это — Русь «византийской», до мозга костей, испорченности и всяческой неправды и разврата. И вмѣстѣ съ тѣмъ это есть Русь упрямой, безпросвѣтной «принципиальности», идущей до полной безпринципности: Русь массовыхъ казней Ивана Грознаго и «массоваго террора» Владиміра Ленина... Таковы многочисленные грѣхи Святой Руси.

Впрочемъ, дѣло не въ этой святости и не въ этой грѣховности. Праведникомъ можетъ быть человѣкъ, но, очевидно, цѣлый народъ не можетъ быть праведенъ. Но когда рѣчь идетъ о Россіи, то бросается въ глаза не только эта вообще присущая жизни — антитеза добра и зла, но и еще что-то иное, неизмѣримо болѣе глубокое и дѣйственное. Эту самую Русь, ея святую, молитвенную природу, которую такъ трогательно изобразилъ въ своей картинѣ Нестеровъ, эту Русь, этотъ край родной долготерпѣнья, а значитъ прежде всего — вѣрности своему долгу, раскрыли намъ въ такихъ-же проникновенныхъ, горящихъ образахъ и художники русскаго слова и, можетъ быть, проникновеннѣе всѣхъ — Достоевскій... Однако не кому другому, какъ именно Достоевскому, — принадлежатъ пророческія слова, что самымъ соблазнительнымъ правомъ для русскаго человѣка является — право на безчестіе.

До 1917—18 года мы только смутно догадывались о томъ, что означаютъ эти странныя, эти оскорбительныя слова. Но послѣ того какъ русскій народъ, растлѣвъ съ садическимъ сладострастіемъ свою ранѣе ничѣмъ не запятнанную международную честь, нарушилъ данное слово и измѣнилъ союзникамъ, мы хорошо поняли истинный смыслъ ужасныхъ словъ сердцевода... Да, я знаю: мы можемъ объяснить, какъ случился съ Россіей этотъ поворотъ, этотъ грѣхъ. Мы можемъ сказать, что Брестскій миръ заключила не Россія, не русскій народъ, а большевики, т. е. кучка проходимцевъ; что они овладѣли довѣріемъ темной, невѣжественной массы обманомъ и льстивыми рѣчами; что навязавъ народу, противъ его воли, этотъ миръ, они удерживаютъ власть насиліемъ, убійствами и казнями. Мы можемъ, съ другой стороны, подчеркнуть, что несмотря на то, что Россія выбыла изъ общаго союзническаго строя, ея трехлѣтнее военное напряженіе сыграло огромнѣйшую роль въ подготовкѣ побѣды союзниковъ и даже болѣе того: что Россія буквально спасла Францію отъ полнаго разгрома въ началѣ войны... И еще многое, очень многое могли-бы мы сказать союзникамъ въ день разчета съ ними... Но плохо дѣло, когда въ вопросахъ чести приходится вступать въ объясненія. Плохо дѣло, когда въ вопросахъ чести что-нибудь начинаетъ становиться неяснымъ. Ибо вопросы чести тѣмъ и отличаются отъ всякихъ другихъ,

что они должны быть ясны для каждого — безо всякихъ объясненій. Фактъ остается фактомъ. Пусть Брестскій миръ заключили большевики, а не Россія, міровой скандалъ въ благородномъ семействѣ произошелъ въ Россіи и съ Россіей. Русскія пушки и русскія ружья перестали стрѣлять, вопреки торжественному, облеченному въ форму международнаго договора, обѣщанію Россіи... Трудно будетъ доказать міру, что Россія тутъ ни при чемъ.¹⁾

И развѣ въ этомъ безчестіи, въ этомъ непониманіи чести 150 милліоннымъ одураченнымъ народомъ, — вопросъ только въ нарушеніи буквы и смысла торжественно-заключеннаго международнаго договора? Нѣтъ! въ русскомъ скандалѣ 1918 года есть даже нѣчто большее простого неисполненія добровольно принятыхъ на себя обязательствъ. Русская армія покинула союзниковъ въ трудную, тяжелую минуту. Она обнаружила этимъ отсутствіе рыцарства и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе сознанія христіанскаго долга... Или русскій, Нестеровскій, Христосъ не сказалъ, что положить душу за други своя есть долгъ христіанской любви?

3.

И эта трагедія произошла съ народомъ, который ранѣе, во всю свою исторію, отличался рыцарскою щепетильностью въ вопросахъ національной и международной чести, съ великодушнымъ русскимъ народомъ. Вспомните Двѣнадцатый годъ, вспомните полныя мужественной рѣшимости слова и дѣла Александра I, оскорбленнаго за честь и достоинство Россіи... Президентъ Соединенныхъ Штатовъ объявилъ передъ тѣмъ, какъ Америка вступила въ міровую войну, что его страна не ищетъ въ этой войнѣ никакой матеріальной выгоды: Америка, по словамъ своего вождя, выступила исключительно потому, что считала долгомъ чести встать на сторонѣ союзниковъ. Значительная часть человѣчества привѣтствовала заявленіе

¹⁾ Не будучи отнюдь пацифистомъ, мы считаемъ истекшую войну величайшимъ несчастіемъ, когда-либо испытаннымъ человѣчествомъ; убѣждены мы и въ томъ, что потребность въ мирѣ достаточно назрѣла въ 1917—18 году, что войну давно слѣдовало прекратить. Но прекратить ее было можно и должно дипломатическимъ дѣйствіемъ, въ предѣлахъ обще-признанныхъ принциповъ права (къ чему и стремились дальновидные и благомыслящіе люди различныхъ странъ), но отнюдь не одностороннимъ отказомъ одного изъ воюющихъ отъ принятыхъ на себя по договору обязательствъ. Такой отказъ былъ и остается измѣною, которая лежитъ на Россіи позорнѣйшимъ пятномъ. Практически-же эта, прикрывавшаяся пацифизмомъ, тактика измѣны лишь затянула войну и послужила одной изъ главнѣйшихъ причинъ того положенія неустойчиваго равновѣсія, въ которое повергнулъ европейскій міръ Версальскій мирный договоръ.

президента, услыхавъ въ немъ нѣкое новое слово... Но это новое американское слово было ничѣмъ инымъ, какъ старымъ, престарымъ русскимъ дѣломъ. Развѣ не во имя долга чести, развѣ не во имя принциповъ, которые она считала священными, велось Россіей громадное большинство ея войнъ? Россія только то и дѣлала, что воевала во имя идей и принциповъ. Развѣ не тотъ-же Александръ I, Агамемнонъ Европы, освободилъ европейскій міръ отъ Наполеоновскаго имперіализма? Развѣ не во имя высокаго принципа національной свободы выступила Россія въ борьбу съ Турціей въ 1877 году? ... У насъ не разъ высказывалось мнѣніе, что и европейскіе походы 1813 и 1814 года и война за освобожденіе Болгаріи были политическими ошибками и что вести ихъ — было не въ интересахъ Россіи. Еще чаще высказывалось подобное мнѣніе и о венгерской кампаніи 1849 года. Но и эта кампанія, какъ ни относиться къ ней съ политической точки зрѣнія, была, во всякомъ, случаѣ, рыцарскимъ жестомъ со стороны императора Николая Павловича, за который ему заплатила такую черною неблагодарностью — Австрія... И эта самая Россія, рыцарская вѣрность которой склонна была порою переходить даже въ допикхотство, вдругъ оскандалилась на весь міръ: она не только измѣнила своимъ союзникамъ въ великой войнѣ народовъ, но сдѣлала это — точно захлебываясь отъ восторга съ какимъ-то невѣроятнымъ озорствомъ и цинизмомъ. Да, точно всему міру хотѣла Россія показать, что она добивается права на безчестіе и горда этимъ правомъ. «Я знаю, что я подлець и горжусь тѣмъ, что я подлець», — говоритъ одинъ изъ героев Достоевскаго.

4.

Да развѣ одна измѣна союзникамъ? Развѣ не по всей линіи обнаружила Россія въ 1917—18 годахъ неопровержимыми историческими фактами и громко провозгласила — полный отказъ отъ принциповъ чести и даже элементарной честности? Вспомнимъ отказъ большевистскаго правительства платить по старымъ, заключеннымъ прежнимъ правительствомъ, но использованнымъ несомнѣнно всѣмъ народомъ, т. е. націей, какъ цѣлымъ, — займамъ. Вспомнимъ экспроприацію принадлежащихъ частымъ лицамъ процентныхъ бумагъ, золота и драгоценностей, находившихся на сохраненіи въ кладовыхъ банковъ. Вспомнимъ, наконецъ, лежащій на совѣсти далеко не однихъ только большевиковъ — всеобщій грабежъ земли и разрушеніе затраченныхъ въ нее поколѣніями тружениковъ — капиталовъ. Пусть эта программа прикрывалась принципами социализма — хотя въ отношеніи грабежа земли въ ней не только не было

никакого социализма, но было даже нечто совершенно противоположное ему. Социализм!... Но зрячим было ясно съ самаго начала, а скоро стало ясно и слѣпымъ, что именно принципа-то никакого и никакого идеала вовсе и не заключалось во всей этой программѣ ограбленія, а заключался въ ней наоборотъ отказъ отъ всѣхъ принциповъ и идеаловъ и прежде всего отъ выработанныхъ тысячелѣтіями — понятій и навыковъ чести и добросовѣстности. Такъ-то всего только и осталось отъ этой широковъщательной программы — вызывающее, садическое и проведенное въ невиданномъ еще никогда людьми масштабѣ — нарушение заповѣди: Не укради!... Съ такимъ-же озорствомъ и сладострастіемъ «права на безчестіе», съ какимъ — пусть большевики, но какъ ни какъ, а все-же русскіе люди — измѣнили въ 1917 году союзникамъ, бросились они тогда-же на банковскіе вклады и «сейфы» и еще ранѣе бросились другіе русскіе люди — и уже совсѣмъ не большевики — на совершенно имъ ненужныя, какъ показали ближайшіе-же года, помѣщичьи усадьбы и поля. Безъ этихъ усадебъ и полей, именно какъ усадебъ и полей помѣщичьихъ, народъ не можетъ жить: безъ частно-владѣльческаго хозяйства народъ умреть и уже умираетъ съ голоду. И не могъ онъ не понимать, какъ народъ смиренный и богобоязненный, какъ народъ христіанскій, что строить счастье своей жизни на ворованной землѣ, украденныхъ капиталахъ и не-платежѣ своихъ долговъ — есть чистѣйшее безуміе... Какая-же сила заставила его отринуть, вдругъ потерявъ разсудокъ и обратившись въ звѣря, всѣ устои, выработанные его тысячелѣтней жизнью, вообще выработанные жизнью всѣхъ человѣческихъ обществъ: вѣрность данному слову, право и государство, нравственный законъ и церковь — и начать разрушать. разрушать до безконечности, плоды своего собственного и чужого труда?

5.

Я остановился на печальныхъ событіяхъ 1917—18 года потому, что они вскрываютъ какую-то глубокую темную тайну русской природы, русскаго характера, русской души. Эту тайну видимо зналъ Достоевскій и часто думалъ о ней. Когда онъ говоритъ о томъ, что русскій народъ любитъ кощунствовать надъ тѣмъ, что у него есть самаго драгоцѣннаго и самаго святого въ жизни, онъ, въ сущности, говоритъ о той-же страшной тайнѣ нашего національнаго характера. Что-же это за тайна?

Да, что-же это за тайна и что такое, въ своей истинной сущности и глубочайшемъ внутреннемъ существѣ, — этотъ

національний характеръ, вѣчная загадка европейскаго міра, ставшая теперь загадкою и для насъ самихъ? Какова-же, наконецъ, истинная природа этой Святой Русь, то улыбающейся, трудолюбивой, терпѣливой, мягкой и добродушной, и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезной и творческой, то прайдной, ожесточенной и презрѣнной? То спокойной, покорной, и даже инертной и неподвижной, но вмѣстѣ съ тѣмъ полной самоотреченія и любви къ родинѣ, порою сгорающей отъ кипучей дѣятельности и достигающей великолѣпныхъ результатовъ подъ згидою патріархальной власти, то малодушной, трусливой, младенчески-безпечной и старчески-безсильной и легкомысленной и, кажется, лишенною всякаго чувства благородства, патріотизма и чести? То грезящей и наивной, и вмѣстѣ съ тѣмъ удалой, крѣпкой и сильной, упрямо идущей къ своей цѣли, храброй, дисциплинированной, переходящей Альпы съ Суворовымъ и мстящей за пожаръ Москвы сохраненіемъ Парижа въ 1814 году? ... И вдругъ та-же самая Русь дѣлается безпорядочной, разгульной и необузданной. Она поджигаетъ и уничтожаетъ свой собственный домъ, теряетъ всякую послѣдовательность въ мысляхъ и дѣйствіяхъ и становится неспособной и плоской, убійственно-бездарной, лишенной всякой идеи порядка, права или прогресса, ненавидящей всякую цивилизацію, всякое творчество, всякій трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ революціонною до мозга костей и какъ-бы по самой своей природѣ. И та самая Русь, которая назвала себя святою, вдругъ дѣлается полною богохульства и настоящею бѣсноватою... Какой изъ этихъ двухъ образовъ истиненъ и какой ложенъ? ... Они истинны оба, ибо образы эти — два одинаково реальныхъ лица одного и того-же — двойственнаго — національнаго типа.

Да, это два лица одного и того-же народа. И эта двойственность проходитъ красною нитью чрезъ всю его природу и чрезъ всю его историческую судьбу. О чемъ грезилъ этотъ дѣтскій, несмотря на свою тысячелѣтнюю исторію, народъ, который, казалось, имѣлъ порою всѣ данныя, чтобы стать великою націей? Чего ожидала, какими предчувствіями жила эта страна безъ настоящей цивилизаціи, безъ настоящихъ традицій, даже безъ настоящихъ дорогъ и почти безъ памяти и которая создала однако одну изъ величайшихъ литературъ міра? Къ чему приготовлялся этотъ странный анти-патріотическій народъ, эта нація, грезившая о правѣ на безчестіе, которая однако оказывала не разъ чудеса патріотизма и часто играла одну изъ благороднѣйшихъ ролей въ мірѣ? И какъ отгадать загадку этого народа, сдѣлавшаго изъ царя — Бога и вдругъ возненавидѣвшаго, оплевывающаго и умертвившаго своего царя? ... и не только умертвившаго своего царя — смертнаго человѣка, но и свою живую любовь къ нему? Какъ отгадать загадку народа,

ставшаго одной изъ величайшихъ военныхъ державъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы по самой природѣ своей анти-милитаристскаго, пацифистскаго и социалистическаго? И наконецъ послѣдній вопросъ, самый рѣшительный: чѣмъ кончитъ, въ концѣ концовъ, этотъ народъ, въ общемъ, несомнѣнно, не бездарный, а, напротивъ, очень способный и давшій много доказательствъ искры Божіей и истиннаго генія, и вмѣстѣ съ тѣмъ безразсудный и тупоумный, какъ, кажется, не былъ никогда тупоумнѣе ни одинъ народъ міра?

6.

Два противоположныхъ теченія, два враждующихъ духа, двѣ совершенно различныя ментальности и психологіи борются другъ съ другомъ въ народномъ характерѣ съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ Россія. Вся ея историческая судьба прошла подъ вѣдѣніемъ взаимнаго отталкиванія ея двухъ противоположныхъ полюсовъ: положительнаго и отрицательнаго. И это взаимное отталкиваніе, эта борьба продолжаются донинѣ и во всемъ русскомъ мірѣ и въ каждой отдѣльной русской душѣ. Какъ есть плюсъ-электричество и минусъ-электричество, такъ есть и двѣ Россіи: плюсъ-Россія и минусъ-Россія. Только этимъ и можно объяснить такіе парадоксы, что наиболѣе анархическій по природѣ своей, наименѣе дисциплинированный и наиболѣе чуждый самой идеѣ принужденія изъ европейскихъ народовъ сталъ, въ первой половинѣ XIX вѣка, — жандармомъ Европы. Такъ европейцы называли Россію во времена Николая I. Исключительно этою двойственностью русской души и широтою русскихъ крайностей объясняется и тотъ фактъ, что классическая страна непротивленія сумѣла выковать сильнѣйшій аппаратъ сосредоточенной власти. И какъ-же объяснить иначе, что страна, самый пейзажъ, самый воздухъ которой, кажется, дышетъ пассивностью и самоотреченіемъ, если не прямо «пораженчествомъ», стала крупною военною державой и вела втеченіе полутора вѣковъ активнѣйшую міровую политику?

Таковы основныя противѣчія русской исторіи и русской психологіи; такова необъятная широта діапазона русской души. Но углубляясь въ темную бездну этихъ противорѣчій, мы обнаруживаемъ въ ней присутствіе нѣкотораго свѣта. Въ сущности, русскія противорѣчія, до нѣкоторой степени, объясняютъ сами себя. Такъ, напримѣръ, потребность сосредоточенной власти, какъ кажется на первый взглядъ, совершенно непримиримая съ природнымъ анархизмомъ русскаго характера, въ сущности, вытекаетъ именно изъ этого анархизма. Если вдуматься въ этотъ вопросъ поглубже, то станетъ понятно,

что именно самый анархическій въ мірѣ народъ и долженъ былъ создать, въ борьбѣ со своимъ анаризмомъ, самую сильную, самую рѣзко-очерченную въ мірѣ власть. Точно такъ-же и милитаристскій уклонъ, по которому издревле развила свои стремленія Россія, былъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крайняго пацифизма русской души. Этотъ пацифизмъ, это непротивленіе имѣли непосредственнымъ результатомъ — слабость, плохую сопротивляемость при столкновеніяхъ съ сосѣдями, что и заставляло, обратнымъ дѣйствіемъ, особенно заботиться о защитѣ и лучшей формѣ ея — нападеніи. И такъ-же — приведу еще одинъ русскій парадоксъ, уже изъ нашихъ дней — нѣтъ, въ сущности, противорѣчія между общеизвѣстнымъ фактомъ отсутствія трезвости въ Россіи и той непримиримой борьбой, въ которую она вступила на нашихъ глазахъ — не только съ пьянствомъ, но и съ умѣреннымъ даже потребленіемъ крѣпкихъ напитковъ. Между двумя этими фактами существуетъ прямая логическая связь: именно страна усиленнаго пьянства должна была вступить на путь усиленной трезвости.

7.

Такимъ образомъ русскія противорѣчія не только объясняютъ русскій національный характеръ и основныя черты русской исторіи, но, до извѣстной степени, объясняютъ сами себя. Эти-то противорѣчія и дали иностранцамъ поводъ назвать Россію страню неограниченныхъ возможностей. И то, что Россія есть дѣйствительно страна неограниченныхъ возможностей, — мы доказывали нѣсколько разъ втеченіе нашей исторіи въ сторону плюсъ; а теперь, нашу революціей, мы, кажется, какъ никогда, постарались доказать эту-же истину въ сторону минусъ... Однако не слѣдуетъ думать, что подобныя противорѣчія составляютъ исключительную принадлежность лишь русской природы. Каждый національный характеръ имѣетъ немало подобнаго-же рода противорѣчивыхъ чертъ и контрастовъ. И если я старался возможно рельефнѣе представить русскія противорѣчія, то я сдѣлалъ это лишь потому, что нигдѣ крайности противорѣчій національнаго характера такъ не велики, какъ въ Россіи. Русскіе люди, писалъ еще въ XVII вѣкѣ Юрій Крижаничъ, любятъ ходить по краямъ пропастей. Присущія національному характеру другихъ народовъ противорѣчія, даже глубокія, какъ, напр., у нѣмцевъ, англичанъ и даже французовъ, все-же не нарушаютъ основнаго единства ихъ національнаго типа. Но тамъ, гдѣ въ національномъ характерѣ этихъ народовъ происходитъ борьба противоположностей, у насъ порою обнаруживается полный разрывъ. Оттого-то историческая эволюція европейскаго міра могла

совершаться и дѣйствительно совершалась по законамъ діалектическаго развитія: отъ тезиса чрезъ анти-тезисъ къ синтезу. У насъ-же... у насъ-же кто-то сказалъ, что всѣ русскія драмы неразрывно связаны съ пейзажемъ... И это глубоко вѣрно, такъ-же вѣрно, какъ и то, что синтезъ русской жизни очень часто оказывается невозможнымъ. Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, заключается этотъ таинственный синтезъ русской жизни и русской души? Въ мертвой неподвижности, въ Обломовщинѣ, въ религіи терпѣнія, — или въ убійственныхъ прыжкахъ въ неизвѣстное во имя рационализма или Града Небеснаго? Въ не-дѣланіи, непротивленіи, — или въ кровавыхъ потѣхахъ большевиковъ или Ивана Грознаго? Въ Пугачевщинѣ или въ старцѣ Зосимѣ? Въ Самодержавіи или въ Революціи?... Ибо всѣ эти черты и силы — одинаково реальныя, одинаково абсолютныя, одинаково русскія, подлинно-русскія черты и силы, въ нѣкоторомъ смыслѣ столь-же древнія, какъ сама Россія. Таковъ русскій надломъ, русскій разрывъ во всѣхъ сферахъ жизни.

8.

Мнѣ кажется, что самый фактъ этаго надлома и разрыва — отрицать невозможно. Невозможно отрицать, что нигдѣ противорѣчія національнаго характера такъ не рѣзки, какъ въ русской душѣ и въ русскомъ мірѣ. Невозможно отрицать, что русскіе люди любятъ ходить по краю пропасти. Что касается объясненія этого факта, то сводить его къ особенностямъ расы — значить не отвѣчать на вопросъ, а обходить его. Развѣ сама раса не является результатомъ географическихъ и историческихъ условій? Да и что такое русская раса? Что такое раса вообще? И если расы существуютъ не только въ нашемъ воображеніи, то въ Россіи, во всякомъ случаѣ, жили искони не одна, а нѣсколько расъ. Между тѣмъ рѣзкость заложенныхъ въ русскій міръ и въ русскую натуру противорѣчій обнаруживается у насъ въ большей или меньшей степени не только въ финскомъ Центрѣ, не только на славяно-литовскомъ Западѣ, но и въ крайне смѣшанномъ по своему расовому происхожденію — казачьемъ Югѣ, и на Востокѣ, и на Сѣверѣ. Эта черта русскаго національнаго характера даже переходитъ границы собственно-русскаго міра. Вспомнимъ знаменитый романъ Сенкевича — Безъ догмата и то, что говоритъ его герой, Плошовскій, объ *improductivité slave*. Развѣ не коренится эта *improductivité* на тѣхъ самыхъ чертахъ національнаго характера, которыя я выше старался раскрыть? Я протестую противъ термина *slave*; онъ только путаетъ вопросъ, ибо дѣло тутъ вовсе не въ «славянствѣ». Но,

хотя и совершенно другими словами, Сенкевичъ говоритъ, въ сущности, то-же самое, что только-что сказалъ и я... И такъ было всегда. Если вы прочтете описаніе скиѣскихъ народовъ у древнихъ писателей, то вы поразитесь множеству сходныхъ чертъ — внѣшнихъ и внутреннихъ — между нами и ими. И скиѣы болѣе чѣмъ два тысячелѣтія тому назадъ были, подобно намъ, одновременно и анархистами и жандармами Европы: жандармами и палачами. Вспомнимъ, что въ древне-греческой трагедіи роль палачей всегда принадлежитъ скиѣамъ. И такъ было, повидимому, и въ древне-греческой жизни. И вмѣстѣ съ тѣмъ скиѣы, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя ихъ племена, были, несмотря на свою дикость и грубость, народомъ добродушнаго и мягкаго характера. И, несмотря на свою *improductivité slave*, они не были чужды даже нѣкотораго литературнаго пониманія, и ихъ языкъ, повидимому, легко поддавался литературному развитію. Извѣстно, что Овидій, сосланный Августомъ въ Томи, на берегу Чернаго моря, устраивалъ тамъ литературныя чтенія и даже написалъ на гетскомъ языкѣ цѣлую поэму. Эта поэма имѣла у слушателей большой успѣхъ; намъ свидѣтельствуеть объ этомъ самъ поэтъ:

Et longum getico murmur in ore fuit...¹⁾

9.

Я коснулся скиѣовъ не случайно. Къ стародавней скиѣской чертѣ рѣзкихъ противорѣчій національнаго характера и сводится, въ сущности, извѣстное противоположеніе Россіи и Европы. На тему этого контраста было говорено и писано столь много, что онъ сталъ общимъ мѣстомъ. Но мнѣ кажется, что обычныя разсужденія о контрастѣ между Россіей и Европой скользятъ больше по поверхности вопроса, не проникая въ его глубь. Вотъ почему мнѣ и пришлось остановиться такъ долго на русскихъ противорѣчіяхъ. Главное-же въ чемъ, какъ мнѣ кажется, можно упрекнуть историковъ Россіи и психологовъ русской души, такъ это въ томъ, что они обратили слишкомъ мало вниманія на одинъ изъ центральнѣйшихъ, главнѣйшихъ фактовъ русской судьбы. Фактъ этотъ совершенно безспорный, ослѣпительно-ясный, даже рѣзкій, бросающійся въ глаза и въ полномъ смыслѣ этого слова — основной. Между тѣмъ, хотя всѣ знаютъ его, изъ него какъ будто не хотятъ вывести всѣхъ необходимыхъ послѣдствій, какъ будто не замѣчаютъ ихъ. Этотъ общеизвѣстный фактъ заключается въ томъ, что изъ всѣхъ странъ Европы только одна Россія не входила въ составъ

¹⁾ «И по гетскимъ устамъ пробѣжалъ продолжительный гулъ одобренія» (*Pont.*, IV, 13, 19).

Римскаго міра. Италія, Франція, Англія, даже Германія (хотя послѣдняя — въ меньшей степени) — все это страны Римскаго міра. Россія-же есть Скиѣія, Сарматія, или дайте ей еще какое угодно иное имя, но она никогда не была страной Римскаго міра. Вотъ почему такъ странны рѣчи объ отсталости Россіи. Да какъ-же ей не быть отсталою — когда Италія, Франція и другія страны Запада имѣютъ подъ собою культуру Рима и Эллады, наслѣдницу тысячелѣтнихъ цивилизацій Египта и Востока, а Россія, въ нѣкоторомъ смыслѣ, только-что родилась въ кочевой кибиткѣ скиѣа. Вотъ самое простое, а вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе ясное, наиболѣе объективное и глубокое объясненіе того факта, что не только русская нація, но и сама русская душа не успѣла еще найти себя въ борьбѣ своихъ внутреннихъ противорѣчій. Она все еще бродитъ въ смертельной тоскѣ, по краю пропасти. И такъ какъ исторія Рима не кончилась, а продолжается новыми народами Европы, то Россія, возводя зданіе своей исторіи, всегда находилась, продолжаетъ находиться и, можетъ быть, останется вѣчно — въ исключительно невыгодномъ, роковомъ положеніи: ей приходится строить безъ фундамента.

10.

Человѣческая культура едина, хотя формы ея могутъ быть различны. Но когда сталкиваются двѣ формы, то побѣждаетъ неизбежно та, которая совершеннѣе, которая сильнѣе. Но какой-же можетъ быть вопросъ, которая изъ двухъ культуръ сильнѣе: культура съ фундаментомъ или культура безъ фундамента? Вотъ почему у Россіи не можетъ быть двухъ путей, а есть только одинъ путь — европейскій. И на этотъ путь, какъ намъ свидѣтельствуетъ Овидій, она вступила еще во времена скиѣовъ; но только эта европеизація русскаго, скиѣскаго міра, — и главнымъ образомъ по географическимъ причинамъ, — происходила крайне медленно и несовершенно.

Но вопросъ не въ этомъ, не только въ этомъ. Спросимъ себя, прежде всего, что такое есть, въ самомъ своемъ существѣ, культура. Какъ показываетъ корень этого слова, культура, какъ и культъ, происходящіе оба отъ латинскаго глагола *colere*, означаютъ любовь: любовь, привязанность, почитаніе и прежде всего — любовь къ жизни.¹⁾

¹⁾ По поводу этихъ строкъ автору возражали, что если «культура» и происходитъ отъ *colere*, то не въ смыслѣ «любить», «почитать», а въ смыслѣ «воздѣлывать» (*colere agnum, agricola*). По существу противъ этого словопроизводства спорить нельзя, ибо культура, конечно, есть «воздѣлываніе» (и хлѣбной и, въ болѣе широкомъ смыслѣ, человѣческой нивы), т. е. усиліе и трудъ. Но исторически мои оппоненты, какъ мнѣ

А если любовь къ жизни, то и борьба за нее и за все то, чѣмъ красна и сильна жизнь, т. е. любовь къ свѣту и устроению. И значитъ — борьба съ мракомъ и Хаосомъ. Ибо Хаосъ есть смерть. Хаосъ и есть темный Сатурнъ античнаго міа, и этотъ-то Хаосъ и пришелъ побѣдить Юпитеръ. Царство Сатурна имѣетъ также аспектъ первобытнаго человѣческаго счастья, земного рая; это есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, царство естественныхъ законовъ природы, натуральнаго права Руссо. Но въ сущности и прежде всего царство Сатурна есть царство Хаоса, царство первобытной неустроенности и смерти. А устроение принесъ только Юпитеръ... И Эросъ Платона, и Логосъ Филона и христіанской религіозной философіи — суть то-же устроение, тѣ-же свѣтъ и порядокъ, побѣдившіе хаотическую тьму и смерть Сатурна.

Реальную задачу древне-восточныхъ цивилизацій, Эллады и Рима и составляла борьба съ этой хаотическою тьмою на исторической сценѣ Средиземнаго міра: Эллада и Римъ дали ему свѣтлое, Юпитеровское устроение. И по мѣрѣ этого устроения анархическія волны первобытнаго Хаоса все болѣе отбѣснялись въ периферію этого міра. За периферіей-же его, т. е. тамъ, гдѣ менѣе всего могло чувствоваться давленіе римскаго устроения и куда излученія римской культуры могли достигать лишь въ крайне ослабленномъ видѣ, волны первобытнаго Хаоса разлились въ широкое и глубокое море. Такъ-то областью древняго Хаоса неизбѣжно сталъ обширный Hinterland Чернаго и Балтійскаго морей, — страна древнихъ Гипербореевъ, Скиѣя, Сарматія, Россія...

кажется, все-таки неправы. Вопросъ сводится къ тому, какой изъ двухъ смысловъ глагола *colere* — первоначальный и какой — производный, что, въ свою очередь, зависитъ отъ разрѣшенія историческаго вопроса: родился ли «культъ» въ «культурѣ», или наоборотъ, «культура» родилась въ «культѣ»? Между тѣмъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что родоначальникомъ всей человѣческой культуры былъ именно — религіозный культъ. Добываніе огня, обработка металловъ, прирученіе животныхъ, разрыхленіе земли для посѣва, самый посѣвъ и послѣдующая жатва — были первоначально актами сакральнаго ритуала, не преслѣдовавшими никакой, узко-практической, хозяйственной цѣли. Хозяйственное-же значеніе всѣхъ этихъ актовъ, т. е. утилизація огневыхъ искръ, камня и металла, а также «изобрѣтеніе» скотоводства и земледѣлія, явились не болѣе, какъ акциденціями, послѣдующимъ утилитарнымъ произрастаніемъ на чисто религіозной почвѣ. Вышеизложенное даетъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, какой смыслъ глагола *colere* является первоначальнымъ. Такимъ смысломъ является несомнѣнно — «почитать»; «воздѣлывать»-же является производнымъ смысломъ этого глагола. Но отъ «почитанія» неотдѣлима — любовь, или, лучше сказать, «почитаніе» является рудиментарной формой любви. Поэтому-то я и челъ себя въ правѣ сказать, что культура есть любовь. Она является ею генетически и всегда остается ею субстанціально. Гдѣ оскудѣваетъ любовь, тамъ гибнетъ и культура. Но вмѣстѣ съ тѣмъ культура есть субстанціально — упорный трудъ.

11.

Что-же такое, въ самомъ дѣлѣ, первобытныя, анархическія крайности русскаго міра, русской души, порождающія и крайности имъ противоположныя, если это не есть идущій изъ глубины вѣковъ и даже тысячелѣтій — ропотъ первобытнаго анархическаго Хаоса?.. Непротивленіе, не-дѣланіе — вотъ наша подлинная, природная, исконная религія. Эта религія отнюдь не христіанская, ибо христіанство есть, во первыхъ, вовсе не равнодушіе и не не-дѣланіе, а, наоборотъ, дѣятельная любовь; во вторыхъ-же, христіанство направлено къ вѣчной жизни, а наша первобытная религія направлена къ вѣчной смерти, т. е. къ тому-же Хаосу, въ которомъ она родилась. Назвать эту первобытную религію язычествомъ — значило-бы незаслуженно оскорблять язычество. Ибо и въ древнемъ язычествѣ были большія положительныя и творческія цѣнности, о которыхъ и не снилось нашей мертвой религіи. На самомъ дѣлѣ она несравненно хуже язычества. Въ сущности, она есть не что иное, какъ нигилизмъ, ибо Хаосъ есть nihil, ничто... Пассивность, неподвижность, тупое, равнодушное, весьма отличное отъ христіанскаго, терпѣніе, отсутствіе желаній, отсутствіе любви — не только къ чему-либо отдаленному, высокому, святому, но даже къ близкому, своему и къ самимъ себѣ, вообще отсутствіе всякой любви къ чему-бы то ни было — вотъ наши подлиннѣйшія, глубочайшія, порою сокровенныя чувства. Да и можетъ-ли оно быть иначе? Вѣдь намъ нечего ждать и не на что надѣяться: всѣ наши чувства идутъ изъ того-же Хаоса... Склонность къ первичному, къ плоскому, къ незамысловатому — вотъ наши природные вкусы. Боязнь вершинъ. Боязнь углубленій. Боязнь всего многограннаго, сложнаго. Склонность къ упрощенію и къ опрощенію. Склонность ко всему рудиментарному, механическому, отрывочному. Нелюбовь — къ органическому, къ цѣлостному. Нелюбовь къ силлогизму, какая-то боязнь его и безпомощность передъ нимъ — это отмѣтилъ еще Чаадаевъ. И поразительное отсутствіе любопытства, то отсутствіе любопытства и лѣнь мысли, которыя такъ обезкураживали Пушкина... И какъ результатъ всего предъидущаго — отсутствіе любви къ культурѣ, ибо, во 1-хъ, культура сложна, а мы любимъ простое, а, во 2-хъ, — культура есть любовь къ жизни, а мы, дѣти Хаоса, т. е. смерти, ея любить не можемъ.

Культура сложна и культура есть порядокъ, а мы — дѣти Хаоса, который есть беспорядокъ. Культура есть іерархія цѣнностей и неравенство, а мы любимъ равенство Хаоса и знать не хотимъ никакой іерархіи. Культура есть свѣтъ, а нашъ привыкшій къ темному Хаосу глазъ не выноситъ свѣта. Куль-

тура есть творчество и созиданіе, а мы, Хаосъ, способны только на разрушеніе. . . И вмѣстѣ съ тѣмъ культура есть красота, а насъ она оскорбляетъ, какъ всякое неравенство. Красота и есть настоящій свѣтъ жизни, а намъ она кажется грѣшной, и мы даже боимся ее. Боимся и ненавидимъ. Къ чему намъ красота? Что скажетъ она нашему уму и сердцу? Вѣдь мы привыкли глядѣть не на жизнь, которая прекрасна, а на смерть Хаоса, которая безобразна. . . Наконецъ культура есть истина. А мы не хотимъ, мы боимся ея вершинъ и ея возвышающаго обмана. Наша мысль не идетъ дальше низкихъ, сумеречныхъ хаотическихъ полу-истинъ. . . И культура кромѣ того есть всегда талантъ и Божій даръ, а мы не любимъ Бога и не выносимъ таланта. Мы не выносимъ ничего, что возвышается надъ плоскостью тупой и мертвой посредственности. Да и вообще мы не можемъ любить. Мы умѣемъ только ненавидѣть. Какъ-же можемъ мы постигнуть и усвоить культуру, которая есть любовь? . .

Мы не понимаемъ порядка ни въ сферѣ идей, ни въ сферѣ соціальной. Мы ненавидимъ всякую форму уже потому, что Хаосъ безформенъ. Всякая форма есть жизнь и красота, а мы не любимъ ни красоты, ни жизни. Мы не знаемъ мѣры ни въ чемъ: всякая мѣра намъ кажется принужденіемъ, всякій порядокъ — насиліемъ, всякая власть — произволомъ. Въ сущности, мы не понимаемъ ни власти, ни свободы: оттого-то душа души нашей есть своеволие. У насъ и на вершинахъ культуры всегда остается что-то первобытно-варварское; это и отмѣтили въ свое время французы, говоря: поскребите русскаго, — вы всегда найдете въ немъ татарина. . . И мы искренни, когда говоримъ, что даже для себя не желаемъ власти. Мы не только привыкли къ анархіи и любимъ ее, какъ фактическое состояніе, но, по свойствамъ нашего интеллекта и предрасположенію нашей души, мы всегда склонны возводить ее въ принципъ. Мы въ самомъ дѣлѣ — природныя анархисты. Анархизмъ есть наша исконная религія и наша подлинная философія. И мы ненавидимъ всякую власть, всякое неравенство — пусть даже настойчиваго труда и истиннаго таланта. И въ сущности — мы презираемъ и самый трудъ, какъ презираемъ и славу и геройство. . . Не сказалъ-ли Достоевскій, что самое соблазнительное для насъ право есть право на безчестіе?

12.

Такова порою глубоко скрытая подъ вѣковымъ наносомъ государственной и соціальной культуры и дисциплины — материковая анархическая основа отдѣльной русской души. И таковы анархическія, какъ ни у какого другого народа въ

мірѣ, черты нашей історіі. Вся історія Кіевской Руси єсть історія боротьбы со степью, т. е. съ анархическимъ Хаосомъ. И эта-же боротьба составила главное содержаніе государственной работы и въ Москвѣ; тамъ анархія приняла имя казачества. Въ эпоху Смутнаго времени волны первобытнаго Хаоса прорывають возведенныя съ непомѣрнымъ трудомъ плотины и опрокидывають все уже многовѣковое политическое и социальное зданіе Россіи. . . Но Россія спасается — чудомъ своей історіи, о которомъ я скажу дальше. И не только спасается, а втягивается постепенно въ культурную работу, начинаетъ постигать искусство государственнаго строительства, получаетъ вкусъ ко столь противнымъ ея природѣ — порядку, власти, славѣ, даже культивируетъ красоту и геройство и въ хорошихъ рукахъ дѣлаетъ чудеса. Да, эти чудеса творчества совершаетъ, несмотря на свою *improductivité slave*, тотъ самый народъ, который, предоставленный самъ себѣ, умѣлъ только разрушать. Развѣ не доказывалъ онъ свой особый талантъ къ разрушенію нѣсколько разъ втеченіе своей історіи и развѣ не подтвердилъ онъ еще разъ эту истину самымъ нагляднымъ, самымъ потрясающимъ образомъ въ наши дни? . . И вдругъ этотъ самый народъ становится дѣятельнымъ, дисциплинированнымъ, организованнымъ, на диво чуткимъ и гибкимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ начинаетъ упрямо итти, во всѣхъ сферахъ жизни, къ поставленнымъ передъ нимъ высокимъ, творческимъ цѣлямъ. . . Неужели русскій народъ совершилъ чудеса своей історіи только изъ подъ палки? Неужели мы вообще можемъ работать только изъ подъ палки? Да, почти что такъ. Восемнадцатый вѣкъ, вѣкъ русскаго величія и русской славы, вѣкъ русской культуры и русскаго европеизма — открыла дубинка Петра Великаго. И странное дѣло: золотая пора русской литературы, эпоха Пушкина и Гоголя, была вмѣстѣ съ тѣмъ эпохою Николаевскихъ жандармовъ. Удивительный народъ! Поразительная судьба!

Но подъ этою поразительною судьбою анархическія волны первобытнаго Хаоса продолжали глухо роптать, невзирая на дубинку Петра Великаго и на Николаевскихъ жандармовъ. Каждый вѣкъ посылалъ громкіе отзвуки этого глубокаго ропота. Эхо Смутнаго Времени отозвалось въ Разинѣ и вновь повторилось въ Пугачевщинѣ, посреди блеска вѣка Екатерины. Даже въ прославленномъ Двѣнадцатомъ году, когда Россія поднялась къ самому апогею своей славы и спасала Европу, не все было у насъ благополучно въ этомъ отношеніи. И вмѣстѣ съ тѣмъ — не успѣла реформа Петра подготовить въ Россіи классъ просвѣщенныхъ людей, будущую русскую интеллигенцію, какъ въ этотъ, созданный по европейскому образу и подобию, верхній культурный слой — стали быстро просачиваться изъ

глубокой подпочвы тѣ-же старыя, вѣковѣчныя струи Хаоса и анархїи.

Въ томъ-то и дѣло, что анархїя мысли и анархїя чувства суть не въ меньшей степени отличительные признаки русской интеллигенции, чѣмъ анархїя внѣшняя, анархїя быта и вѣковыхъ привычекъ, — представляетъ собою основную черту русскихъ народныхъ низовъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ религія и философія анархизма, въ народѣ на половину безсознательныя, очень часто являются также религіей и философіей и русской интеллигенции. Не написаны-ли самыя сильныя книги теоретическаго анархизма самыми блестящими представителями русской интеллигенции и даже аристократіи — Толстымъ и Крапоткинымъ? Не было-ли отмѣчено подобными-же чертами не только анархїи, но и анархизма и не было-ли направлено прямо въ первобытный Хаосъ и одно изъ типичнѣйшихъ теченій русской интеллигентской мысли — народничество? Развѣ не возвращаетъ насъ къ первобытному Хаосу его программа чернаго передѣла и всеобщаго поравненія? . . Не кто другой, какъ богатый русскій баринъ — Бакунинъ, проповѣдовалъ революцію еп регманенсе, революцію, какъ цѣль. И не только проповѣдовалъ, но и самъ оказался чуть-ли не главнымъ героемъ нѣмецкой, Дрезденской, революціи 1848 года. Герценъ, тоже богатый русскій баринъ, былъ слишкомъ скептиченъ и, можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и безсознательно, слишкомъ славянофиломъ для жестовъ этаго рода. Однако и онъ часто сожалѣлъ, въ дни разочарованія, что не погибъ въ 1848 году на Парижской баррикадѣ. Какъ не вспомнить при этомъ Рудина и другихъ Тургеневскихъ героев! Какъ не вспомнить, наконецъ, испанское кантоналистское движеніе 1873 года! Во время этого движенія горсточка русскихъ интеллигентовъ стала во главѣ коммунистскаго правительства въ Картагенѣ. . . Вотъ истинные предшественники Ленина и Троцкаго! Вотъ какъ далеко — въ полуденную Испанію — забирались изстари русскіе интеллигенты только для того, чтобы продѣлывать «соціальную революцію!» . .

Такова исторія русской революціи. Она столь-же стара, какъ сама Россія, ибо она начинается въ ея первобытномъ Хаосѣ. Замѣьте: Хаосъ социалистиченъ и даже коммунистиченъ; въ немъ все — общее. Онъ не знаетъ національности и отечества: идеаль Интернаціонала свободно умѣщается въ немъ. Вотъ почему Россія всегда была социалистична по самой своей природѣ, хотя русскій социализмъ принималъ постоянно своеобразную окраску и весьма отличенъ отъ европейскаго: тѣмъ-то онъ и отличенъ отъ европейскаго, что онъ — первобытный Хаосъ. . . Тѣмъ не менѣе только-что приведенные примѣры Бакунина и Картагенскихъ коммунистовъ 1873 года показы-

ваютъ, что русская революція есть революція всемірная. Она всемірна, она не можетъ не быть всемірной не только потому, что она не знаетъ націи, но главнымъ образомъ потому, что она есть не что иное, какъ загнанный римскою культурою въ скиескія степи — древній Хаосъ... Нынѣ этотъ Хаосъ поднялся вновь на римскую, европейскую культуру, чтобы смести все, что встрѣтится на его пути. И эту всемірную Революцію, этого Звѣря русской хаотической бѣдны, можно было-бы назвать синтезомъ русской жизни и русской души, если-бы русская жизнь и русская душа не имѣли и иного, обратнаго первому, синтеза: Самодержавія. Ибо и Самодержавіе, въ томъ особомъ значеніи, какое оно получило въ русской психо- и идеологіи, — также отъ первобытнаго русскаго Хаоса.

13.

Словами отчаянія, вызванными этимъ Хаосомъ, и желаніемъ освободиться отъ него начинается политическая исторія Россіи. Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ: приходите и володѣйте нами — сказали новгородскія послы варягамъ, призывая ихъ на княженіе. Можетъ быть, дѣло происходило и не совсѣмъ такъ, какъ рассказываетъ лѣтописецъ. Но всѣ легенды заключаютъ въ себѣ долю истины... Почему, спрашивается, ни одинъ народъ, кромѣ русскаго, не создалъ легенды, подобной разсказу о призваніи варяговъ? Исторія всѣхъ другихъ государствъ начинается подвигами удалства и храбрости, пусть даже порою разбойничьими подвигами, войною, возстаніемъ, вообще какимъ нибудь активнымъ проявленіемъ силы; наша-же исторія начинается съ пассивной отдачи своей судьбы въ чужія руки, краснорѣчивѣйшимъ свидѣтельствомъ о собственной простраціи. Въ крылатыхъ словахъ записанной Несторомъ легенды мы находимъ уже какъ-бы прозцію, эмбрионъ будущаго Самодержавія... И въ сущности — въ этой легендѣ разсказана вся исторія Россіи...

Да, вся исторія Россіи была сплошнымъ призваніемъ Варяговъ! Я не хочу, конечно, сказать, чтобы среди туземныхъ элементовъ Россіи не было вовсе положительныхъ, творческихъ силъ порядка и устроенія. Такія силы были, но ихъ всегда было немного. Если-бы ихъ не было вовсе, то мы, очевидно, не смогли-бы создать, одними иноземными силами, могущественную міровую Имперію и стать великимъ народомъ, все-же достигшимъ высокой степени культуры и благосостоянія. Но едва-ли не главную историческую черту этого народа составляетъ то, что его положительные, творческіе элементы

почти никогда не имѣли силы сами обнаружить себя. Роль оплодотворителя дремлющихъ положительныхъ силъ русскаго народа, роль демиурга-устроителя Россіи почти всегда играла у насъ сила, пришедшая извнѣ. Такимъ-то образомъ и получается впечатлѣніе, что у насъ не-національно все то, что я называлъ выше плюсь-Россіей и, наоборотъ, національна — минусъ-Россія, т. е. не-дѣланіе, непротивленіе, всѣ центробѣжныя силы и элементы разложенія, однимъ словомъ — первобытный Хаосъ.

14.

И хотя, повторяю, положительные, творческіе элементы были и въ этомъ Хаосѣ, впечатлѣніе это имѣетъ подъ собою несомнѣнную реальную почву. Плюсь-Россія въ самомъ дѣлѣ никогда не имѣла силы обнаружить себя, и основныя начала государственной дисциплины и соціальной іерархіи и субординации, и вмѣстѣ съ ними главнѣйшіе творческіе импульсы — замѣтите: все не-русскія слова — мы всегда получали извнѣ. Между тѣмъ, безъ воздѣйствія этихъ, чуждыхъ русской перво-бытно-анархической природѣ, началъ — Россія не только не могла-бы стать міровой Имперіей, но не стала-бы, вѣроятно, — даже темной, средневѣковой Московіей. И безъ ихъ воздѣйствія русскій народъ, конечно, никогда-бы не нашелъ самъ себя и не сталъ-бы великимъ народомъ. Безъ помощи творческихъ и устроительныхъ началъ, внесенныхъ въ страну извнѣ, русскій народъ, по выраженію одного изъ знаменитѣйшихъ памятниковъ нашей древней литературы, вѣроятно, растекся-бы мыслию по древу.

Такимъ-то образомъ борьба между + Россіей и — Россіей (а къ этой боѣрбѣ и сводится вся русская исторія) получила значеніе борьбы иноземныхъ элементовъ — идей, учреждений, психологіи и навыковъ — съ туземными, русскими. Началось съ варяжскихъ вліяній и продолжалось византійскими. Потомъ наступила полоса вліяній татарскихъ, затѣмъ, въ XVII вѣкѣ, польскихъ и шведскихъ. Къ нимъ присоединяются далѣе, въ XVIII вѣкѣ, нѣмецкія, голландскія, англійскія и французскія. Не все было въ этихъ вліяніяхъ хорошо. Были въ нихъ черты трагическія, въ родѣ Бироновщины, и комическія, въ родѣ французскаго-нижегородскаго языка, на которомъ говорила Грибоѣдовская Москва. Но ясно одно: то, что безъ этихъ элементовъ чужеземнаго Россія не могла-бы дышать и никогда-бы не достигла тѣхъ соціально-политическихъ и культурныхъ результатовъ, которыхъ она достигла въ XIX вѣкѣ... Борьба иноземныхъ элементовъ съ туземными была порою жестокой и беспощадной, но въ общемъ она творила чудеса. Спасеніе

иноземнымъ и есть то чудо русской исторіи, на которое я намекнулъ, говоря о Смутномъ времени и которое составляетъ основное содержаніе вообще всей нашей исторической судьбы. Поразительна быстрота, съ которою расцвѣла древняя Кіевская Русь. Давъ ей свое имя, Рюриковичи сумѣли втеченіе полутора вѣковъ сообщить ей видимость національной фیزیономіи и сдѣлать ее одной изъ сильныхъ европейскихъ державъ. Мы называемъ эту Русь — вѣчевою. Но въ высшей степени вѣроятно, что тамъ, гдѣ вѣче не развилось, какъ, напр. въ Новгородѣ, въ настоящую торговую республику, оно начало обмирать уже при Рюрикѣ. Его окончательное исчезновеніе замедлялъ удѣльный распорядокъ. Но когда удѣлы были уничтожены и княжеская власть сосредоточилась въ Москвѣ, то сами собою забылись и вѣчевыя преданія... Какія причины обусловили упадокъ Кіевской Руси, столь-же быстрый, какъ и ея возвышеніе? Указываютъ на экономическія причины этого упадка: перемѣщеніе міровыхъ торговыхъ путей. Но, кажется, непослѣдней причиной заката Кіевского величія послужило просто-на-просто то обстоятельство, что Рюриковичи быстро обрусѣли. Государства и народы губятъ чаще всего не грѣхи совершенія, а грѣхи упущенія. И грѣхомъ послѣднихъ кіевскихъ Рюриковичей было то, что они проглядыли грозившую со стороны степи опасность. Объ этомъ непротивленіи, не-дѣланіи, объ этомъ отсутствіи живого государственнаго инстинкта — краснорѣчивѣйшимъ образомъ свидѣлствуетъ намъ Слово о полку Игоревѣ. Въ этомъ высоко-поэтическомъ литературномъ памятникѣ, бесспорно, много патріотизма. Но, наряду съ нимъ, въ немъ уже звучать и сильныя ноты пацифизма: Рюриковичи обрусѣли, и имъ надоѣло воевать... Въ частности, они этимъ самымъ и компрометировали тотъ Днѣпровскій путь, отъ котораго въ значительной степени зависѣло благосостояніе Кіевской державы: этотъ путь сталъ неблагополученъ отъ степныхъ хищниковъ, и торговля отхлынула отъ него.

Рюриковичи обрусѣли, да не совсѣмъ. Сохранилось извѣстіе, что Иванъ Грозный хвастался, подъ пьяную руку, тѣмъ, что онъ изъ нѣмцевъ: вотъ насколько еще были живы память о происхожденіи нашей первой династіи и ея древнія традиціи на самомъ канунѣ ея конца. Эту маленькую черточку XVI вѣка можно сблизить со случаемъ Ермолова, въ XIX вѣкѣ. Какъ извѣстно, даровитый генералъ, будучи недоволенъ своей карьерой, говорилъ, что хотѣлъ-бы быть произведеннымъ въ нѣмцы... Это все, разумѣется, анекдоты. Но анекдоты эти весьма типичны. Они показываютъ, насколько всегда была велика въ Россіи роль иноземнаго воздѣйствія и вліянія и иноземнаго престижа. И если провести черту отъ Ивана Гроз-

наго къ Ермолову, то эта черта окажется восходящей линіей иновѣрныхъ вліяній въ гооударственномъ строительствѣ и социальномъ укладѣ Россіи. Вспомнимъ также, что эта линія была вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сказать восходящею кривою русской славы, русской культуры и русскаго могущества.

15.

А вотъ уже не анекдотъ, а крупный историческій фактъ, также, кажется, единственный въ своемъ родѣ. Этотъ фактъ — Московская Нѣмецкая слобода и ея политическая и социально-экономическая роль въ Московскомъ государствѣ.¹⁾ Нѣмецкая слобода была не только государствомъ въ государствѣ: она была его опорой, однимъ изъ необходимѣйшихъ колесъ его административнаго механизма, порою единственной его надеждой. И кончилось тѣмъ, что это маленькое государство поглотило большое. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе, которое составилъ себѣ о такъ называемой реформѣ Петра Великаго — одинъ изъ лучшихъ его историковъ. Но каково-бы ни было мнѣніе отдѣльныхъ историковъ о той или другой сторонѣ этой реформы, мы всѣ знаемъ съ дѣтства, что Петръ въ Европу прорубилъ окно. И мы знаемъ также, что Новая Россія, весь ея социальный и политическій укладъ и культурный обликъ, начиная съ могучаго аппарата царской власти и кончая Пушкинымъ, есть дѣло рукъ Петровыхъ. Петръ былъ вторымъ Рюрикомъ Россіи: онъ снова оваряжилъ ее.

И только вновь оваряжившись, мы стали тѣмъ, чѣмъ были еще вчера, т. е. житницей Европы и сильной и уважаемой всѣми міровой державой, съ установившимся политическимъ и социальнымъ укладомъ, съ традиціями, съ просвѣщеніемъ, съ финансами, съ бурнымъ экономическимъ развитіемъ, съ несравненной арміей, съ великолѣпнѣйшей литературой, не уступающей другимъ великимъ національнымъ литературамъ, и съ чудеснымъ даровитымъ народомъ, который уже начинала признавать себѣ равнымъ и начинала уже любить — Европа. И только вновь оваряжившись, объевропеившись, ощутили мы сами въ себѣ русскій патріотизмъ, русское національное чувство и вмѣстѣ съ нимъ силу и волю на творчество, на подвигъ,

¹⁾ Нѣмецкая, на языкѣ нашихъ предковъ, не значило: населенная нѣмцами, въ современномъ значеніи этого слова. Въ старину въ Россіи называли нѣмцемъ всякаго не-русскаго. И хотя въ Нѣмецкой слободѣ было немало и нѣмцевъ (въ современномъ смыслѣ), это была, въ полномъ смыслѣ слова, международная иностранная колонія военныхъ, купцовъ, ремесленниковъ и вообще, какъ-бы мы теперь сказали, интеллигентовъ. Въ эту колонію входили представители всѣхъ европейскихъ народовъ: англичане, французы, голландцы, итальянцы, шведы, швейцарцы и др.

на героизмъ. И даже русскій языкъ, тотъ благородный языкъ, на которомъ писалъ Пушкинъ и который такъ трогательно завѣщалъ намъ беречь — Тургеневъ, родился у насъ лишь послѣ того, какъ насъ оваряжили Петръ и Екатерина. Чудо русской исторіи — спасеніе иноземнымъ — вновь повторилось на трехъ-четырехъ поколѣніяхъ, выросшихъ отъ Петра до Николая I. Да, только вновь оваряжившись, Россія побѣдила — казалось, что побѣдила — свой анархическій Хаосъ. Но даже если она не побѣдила вполне свой природный анархизмъ, она и другихъ заставила о немъ забыть и сама забыла о немъ: забыла такъ основательно, что не только Европа, но и мы сами стали считать себя стражемъ порядка, жандармомъ Европы. Анархистъ Европы — въ роли ея жандарма: это-ли не поразительнѣйшее изъ зрѣлищъ! И какъ долго подавались этой иллюзіи и мы сами и Европа!.. Но во второй половинѣ XIX вѣка мы снова начали быстро русѣть. И вотъ, предъ лицомъ изумленного міра, въ жандармѣ вновь проснулся анархистъ.

16.

Онъ проснулся теперь вновь послѣ глубокаго трехсотлѣтняго сна, и, хотя, въ сущности, онъ никогда не переставалъ бурлить и во снѣ, намъ надо вернуться къ XVII вѣку, чтобы увидеть прообразъ его теперешняго пробужденія. И вмѣстѣ съ тѣмъ XVII вѣкъ, его острый революціонный кризисъ Смутнаго времени, обнаруживаетъ особенно рельефно, особенно наглядно и ярко, основное чудо русской исторіи — спасеніе иноземнымъ. Вотъ двѣ причины, почему, говоря о современныхъ русскихъ событіяхъ, нельзя не коснуться, хотя-бы вкратцѣ, и событій Смутнаго времени... Русскіе революціонные дѣятели склонны смотрѣть на теперешнюю нашу революцію сквозь призму событій Великой французской революціи. Но надо-ли доказывать, что все сходство между этими двумя историческими движеніями ограничивается нѣсколькими чисто-внѣшними чертами второстепеннаго значенія? Надо-ли доказывать, что принципы, которыми вдохновлялась Русская революція, и цѣли, къ которымъ она направлена, не только не одинаковы съ принципами и цѣлями Французской революціи, но прямо имъ противоположны?¹⁾

¹⁾ Это обнаруживается особенно рѣзко въ отношеніи общихъ Революцій къ собственности. Послѣдняя является краугольнымъ камнемъ Французской революціи, ея главнѣйшею дѣйственной силой и результатомъ. Напротивъ, Русская революція направлена на полное ея отрицаніе. Въ связи съ этимъ глубочайшимъ различіемъ реальнаго дѣйствія общихъ Революцій находится и другое, заключающееся въ области ихъ общихъ идей. Такъ вся полнота активной творческой силы Декларации правъ была заключена

Напротивъ, аналогіи современнаго русскаго революціоннаго пароксизма съ кризисомъ Смутнаго времени, по истинѣ, поразительны. И такъ оно и должно было быть, ибо оба этихъ національныхъ кризиса вызвалъ тотъ-же самый, глубоко лежащій въ подпочвѣ русскаго мира — скиескій первобытный Хаосъ...

Война съ внѣшнимъ врагомъ, династическій кризисъ, гражданская война внутри страны, государственное банкротство, острый экономическій кризисъ, крестьянскія возстанія и «иллюминаціи» помѣщичьихъ усадебъ, голодъ въ городахъ, всеобщій грабежъ, партійный деспотизмъ и очевидная неспособность вождей, происки честолюбивыхъ интригановъ и бѣшенство неистовыхъ демагоговъ, разнузданность страстей городской черни и обезумѣвшаго сельскаго населенія — вся эта горестная драма національной агоніи 1917—18 годовъ есть точнѣйшее воспроизведенія плачевной картины, которую представляла Россія въ 1606—1612 годахъ. И общая рамка, въ которой происходили событія этихъ давно забытыхъ годовъ, и главнѣйшія, дѣйствовавшія тогда, силы, и основныя видимыя цѣли, къ которымъ было направлено народное движеніе, и даже его главнѣйшіе лозунги были въ эпоху Смутнаго времени приблизительно тѣ-же, что и въ наши дни. Какъ и революціонный кризисъ нашихъ дней, великій кризисъ Смутнаго времени былъ въ началѣ чисто династическимъ, но вскорѣ сдѣлался политическимъ. Вызванный первоначально, какъ и въ наши дни, высшими классами общества, онъ быстро превратился, сообщившись народнымъ низамъ (опять таки — какъ и въ наши дни), — въ настоящую социальную революцію, направленную прежде всего противъ земельныхъ собственниковъ. И хотя это народное движеніе было, въ сущности, какъ и въ наши дни, не только противо-помѣщичьимъ, но и направленнымъ противъ всякаго общественнаго порядка, какъ таковаго, и хотя оно,

въ принципѣ политической и гражданской свободы. Равенство Французской революціи было не столько фундаментальной идеей социальнаго переустройства, сколько способомъ атаки, который казался полезнымъ для разрушенія историческихъ препонъ свободнаго развитія чловѣка и его индивидуальной дѣятельности. Другими словами, равенство было во Французской революціи лишь средствомъ, а истинной цѣлью ея была свобода. Совершенно иначе сложилась идеологія и психологія Революціи русской и вообще всего русскаго либерализма. Дѣйствительной цѣлью ихъ всегда было равенство, полное и всеобщее равенство: пусть даже равенство голодной смерти, но лишь-бы равенство! А свобода, освобожденіе были для Русской революціи лишь однимъ изъ средствъ достиженія этой цѣли. Въ сущности, Русская революція никогда не принимала «свободу» за самостоятельную цѣль развитія. Она никогда не дорожила ею. Можно даже сказать, что Русская революція понимала свободу столько же мало, какъ и русская Реакція. Не доказала-ли она этого самымъ нагляднымъ, самымъ потрясающимъ образомъ въ наши дни?

какъ и въ наши дни, не имѣло, въ дѣйствительности, ничего общаго съ социализмомъ, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, все-же и Руси Смутаго времени уже не была чужда нѣкоторая варварская идеологія социализма, приуроченная къ понятіямъ невѣжественной и жадной толпы. Отъ этой односторонней и плоской, какъ и сама страна, въ которой она родилась, революціонной идеологіи эпохи Болотникова и импровизированнаго Тушинскаго «царя», въ сущности, мало чѣмъ отличалась — расцвѣтшая на нашихъ глазахъ идеологія «революціонной демократіи» эпохи Керенскаго, импровизированнаго «Верховнаго главнокомандующаго» Россійскихъ вооруженныхъ силъ. . . Впрочемъ, среди дѣятелей Смутаго времени вообще можно уже найти представителей всѣхъ нынѣ существующихъ въ Россіи партій: и разбитую правую, и кадетовъ, и социалистовъ-революціонеровъ, не говоря уже о большевикахъ.¹⁾ Къ этимъ чертамъ поразительныхъ аналогій между Смутнымъ временемъ и Россіей нашихъ дней можно добавить, что борьба партій и социальная революція осложнялись и запутывались въ Россіи XVII вѣка, какъ и въ Россіи современной, пробужденіемъ мѣстныхъ партикуляризовъ и взрывомъ національнаго движенія среди инородческихъ группъ населенія, заключенныхъ въ предѣлы Московскаго государства. . .

Какъ и въ наши дни, все рушилось въ этомъ государствѣ триста лѣтъ тому назадъ, и казалось, что Россія погибла навсегда. Разрываема на части страна, истощенная матеріально и нравственно приниженная, умирала медленною смертію, погружаясь въ свой первобытный Хаосъ. И чтобъ спасти, ей приходилось съизнова начинать всю свою исторію. Но откуда могло прійти спасеніе? Кто могъ оказаться новымъ Рюрикомъ Россіи, предназначеннымъ судьбою Лоянгриномъ, могущимъ вдохнуть въ нее новую жизнь?

Историки доселѣ не разобрались еще, какъ слѣдуетъ, во всѣхъ перепетіяхъ этой великой Разрухи, этой самоубійственной драмы народа, ранѣе обнаруживавшаго много признаковъ жизнненности и, казалось, бывшаго достойнымъ лучшей участи. Но несомнѣнно одно: то, что официальная вер-

¹⁾ Знаменитый трибунъ Прокопій Ляпуновъ представляетъ собою совершенный типъ современнаго кадета. Съ другой стороны въ тогдашнихъ казакахъ нельзя не увидать настоящихъ предшественниковъ теперешнихъ большевиковъ. Что касается социалистовъ-революціонеровъ, то ихъ историческій типъ былъ представленъ, въ эпоху Смутаго времени, Болотниковымъ и другими, подобными ему, главарями крестьянской революціи. Вообще число современныхъ портретовъ, которые можно найти въ галереѣ дѣятелей этой отдаленной эпохи, очень велико. Такъ, напр., Федька Андроновъ, мелкій приказный, вершившій втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ всѣ дѣла въ Москвѣ, былъ живымъ прототипомъ Керенскаго.

сія событій этой трагической эпохи въ значительной степени затемняетъ ихъ, затемняетъ намѣренно — въ интересахъ новой династїи. Даже многіе документы эпохи были, по видимому, ретушированы, если и не прямо фальсифицированы, съ весьма опредѣленными цѣлями; и еще большее количество документовъ было, въ тѣхъ-же видахъ, истреблено. Многаго мы, конечно, не узнаемъ никогда. Но даже и того, что мы знаемъ, достаточно, чтобы быть увѣреннымъ въ томъ, что патріотическая эпопея Гермогена, Минина и Пожарскаго, созданная лишь въ послѣдствїи, и главнымъ образомъ въ XIX вѣкѣ, не соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности: эта эпопея противорѣчитъ историческимъ фактамъ и сама по себѣ противорѣчива и неправдоподобна¹⁾. . . Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Романовы — и еще со временъ Ивана Грознаго — играли весьма большую роль въ завязкѣ, ходѣ и развязкѣ великой драмы Смутнаго времени. Но вмѣстѣ съ тѣмъ является несомнѣннымъ, что рѣшительный моментъ кризиса предшествовалъ избранію на царство Михаила.

Какъ ни близка была природа кризиса Смутнаго времени къ современному русскому революціонному кризису, какъ ни похожи другъ на друга, — и въ главномъ и въ подробностяхъ, и въ лицахъ и въ дѣйствїи — обѣ эти русскія революціи, въ одномъ отношенїи Россїя XVII вѣка существенно отличалась

¹⁾ Патріархъ Гермогенъ былъ несомнѣнно человѣкомъ святой жизни и, по видимому, весьма образованнымъ для своего времени человѣкомъ. Но въ событіяхъ Смутнаго времени онъ, въ сущности, не игралъ большой роли: онъ не руководилъ движеніемъ, а лишь слѣдовалъ за нимъ. Когда-же онъ выступалъ самостоятельно, его роль была, въ національномъ смыслѣ, большею частью вредна. По всему видно, что онъ не понималъ событій и не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ положенїи Россїи. Оттого-то онъ и мнѣялъ такъ часто свои мнѣнія, легко поддаваясь любому вліянію и часто начиная служить тому самому, что онъ еще вчера проклиналъ. Въ знаменитомъ столкновенїи съ боярами былъ правъ (правъ политически), конечно, не онъ, а бояре. И надо отдать святителю справедливость: онъ созналъ свою ошибку и сталъ дѣятельнымъ сторонникомъ договорнаго избранїя, противъ котораго сначала такъ горячо выступалъ. Вообще можно вкратцѣ сказать, что п. Гермогенъ не былъ исторической личностью и что, поскольку онъ былъ личностью, онъ работалъ противъ исторїи, и исторїя не оправдала его. Но если роль Гермогена въ событіяхъ Смутнаго времени второстепенна, то роль Пожарскаго въ этихъ событіяхъ слѣдуетъ называть прямо таки третьестепенной. Этотъ, съ точки зрѣнія московскаго боярскаго распорядка, homo novus (княжескій титулъ и происхожденіе отъ Рюрика не имѣли сами по себѣ въ старой Москвѣ никакого значенїя) былъ, по видимому, очень хорошимъ хозяиномъ и богатымъ человѣкомъ; но въ смыслѣ политическомъ онъ представлялъ изъ себя весьма некрупную величину. Онъ былъ не что иное, какъ креатура болѣе вліятельныхъ круговъ, орудіе въ чужихъ рукахъ. И при томъ орудіе плохое: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить бранное письмо, посланное ему однимъ изъ членовъ Семибоярщины (истинной вершительницы событій) —

отъ современной: Московское государство обладало однимъ чрезвычайно важнымъ соціальнымъ факторомъ, котораго нѣтъ въ современной Россіи, а именно — политической аристократіей. И это то-политическое сословіе, органомъ котораго въ Смутное время была извѣстная Семибоярщина, и спасло тогда Россію своею здоровою, обдуманною, творческою и рѣшительною политикою.

Слабость всѣхъ трехъ правительствъ, возникшихъ послѣ смерти Фёдора Ивановича (Годуновыхъ, названнаго Дмитрія и Шуйскаго) ясно показала трудность установленія новой національной династіи. Съ другой стороны положеніе стало въ 1609 и 1610 годахъ — катастрофическимъ. Цѣлыя области отложились отъ Москвы, а другія были заняты непріятелемъ; крестьянскія и казачьи шайки Вора, резиденція котораго часто бывала подъ самой столицей, завладѣли двумя третями государственной территоріи; армія польскаго короля, подъ начальствомъ знаменитаго Жолкѣвскаго, занимала Смоленскую землю; и кромѣ того отдѣльные отряды иноземцевъ — главнымъ образомъ поляковъ и шведовъ — опустошали по всѣмъ направленіямъ несчастную страну, ведя войну за собственный счетъ. Что касается лагеря Вора, то онъ представлялъ собою соціальную революцію, сумѣвшую не только съорганизоваться — точь въ точь, какъ большевики въ развалъ Керенщины — но и заключить фактически союзъ съ внѣшнимъ врагомъ (опять-таки точь въ точь какъ большевики въ 1918 году): какъ видно изъ этого бѣглаго очерка, картина Россіи лѣтомъ этого года была буквальнымъ повтореніемъ

въ Суздальскую вотчину, гдѣ онъ сидѣлъ въ полномъ бездѣйствіи, совершенно не оправдавъ оказаннаго ему довѣрія и не исполнивъ возложеннаго на него порученія... Пожарскій былъ произведенъ въ національные герои лишь много лѣтъ спустя по окончаніи Смутнаго времени и главнымъ образомъ въ XIX вѣкѣ. Никому и въ голову не приходило, по окончаніи великаго кризиса XVII вѣка, считать его спасителемъ Россіи. Онъ былъ однимъ изъ очень многихъ въ то время маленькихъ героевъ дня, вродѣ братьевъ Ляпуновыхъ или Фёдки Андропова, случайно выкинутыхъ на поверхность народной жизни волнами бурнаго революціоннаго кризиса. Подобно всѣмъ этимъ маленькимъ героямъ — исчезаетъ безслѣдно, по окончаніи этого кризиса, и Пожарскій: онъ не получаетъ отъ Романовыхъ даже боярства, фактъ, который былъ-бы совершенно необъяснимъ, если-бы Пожарскій дѣйствительно игралъ сколько-нибудь значительную роль въ прекращеніи Смуты и ихъ избраніи на царство. — Равнымъ образомъ относится болѣе къ области эпопеи и оперы, нежели исторіи, — и чрезвычайно раздутая историками XIX вѣка роль Минина. Онъ не могъ играть въ событіяхъ сколько нибудь крупной роли уже потому, что принадлежалъ къ классу, соціально-политическое значеніе котораго въ Россіи XVII вѣка было крайне ничтожно. Къ тому-жѣ и роль Троицкой лавры, органомъ которой въ эпопеѣ Смутнаго времени является Мининъ, сама по себѣ крайне преувеличена старыми историками этой, во многомъ еще загадочной, эпохи.

того, что она собою представляла въ 1609 году... При такомъ положеніи было ясно, что единственное, что оставалось дѣлать, заключалось въ разъединеніи силъ угрожавшей государству коалиціи; надо было отдѣлать интересы поляковъ отъ интересовъ соціальной революціи: это и сдѣлали бояре, придумавъ формулу договорнаго избранія Владислава.

17.

Учебники русской исторіи до сихъ поръ не знаютъ царя Владислава. Между тѣмъ такой царь былъ на Руси: онъ не только царствовалъ, но и управлялъ — въ лицѣ своего отца Сигизмунда — съ 1610 по 1612 годъ. Народъ ему присягнулъ. Церковь возносила за него молитвы. Монета чеканилась съ его изображеніемъ, и по его указу творилось правосудіе и вершились государственныя дѣла. Но главнѣйшимъ дѣломъ его царствованія было прежде всего то, что онъ спасъ свою новую родину отъ окончательнаго разрушенія и вызвалъ ее къ новой жизни... Результаты договорнаго избранія оказались немедленными и огромными: армія короля Сигизмунда и Жолтѣвскаго, а также и отдѣльные вольные польскіе отряды, включая и тѣ, которы были на службѣ у Вора, превратились изъ враговъ въ друзей боярскаго правительства и всѣхъ группъ и элементовъ страны, начертавшихъ на своемъ знамени лозунгъ восстановленія порядка и возрожденія родины. И нѣсколькихъ мѣсяцевъ оказалось достаточно, чтобы ликвидировать большевистское царство Тушинцевъ, раѣе успѣвшее было завладѣть двумя третями государственной территоріи. Взбаламученное море народной жизни успокоится, разумѣется, не сразу: Революція, перейдя отъ наступленія къ оборонѣ, продлится еще нѣкоторое время, подъ знаменемъ Заруцкаго; не сразу потухнетъ и сепаратистское движеніе на окраинахъ. Но уже въ концѣ 1610 года было вполне ясно, что острый кризисъ Смутнаго времени, его наиболѣе тяжелый и важный пароксизмъ, миновалъ. Да, Смутное время Московскаго государства окончилось не въ 1613, а въ 1610 году, и взбаламученную Русь спасло и успокоило тогда не избраніе Михаила Романова, а избраніе Владислава. Разсмотрѣніе причинъ, почему это избраніе въ концѣ концовъ не утвердилось, — не входитъ въ нашу задачу: эти причины находятся внѣ предѣловъ русской исторіи; онѣ заключены въ исторіи Польши... Но каковы бы ни были эти причины, изъ предъидущаго ясно, что Романовы явились лишь тогда, когда острый кризисъ Смутнаго времени уже миновалъ, когда Россія была уже спасена... Замѣчу кстати, что въ 1610 году и сами Романовы были — владиславистами. Да и можно-ли было въ эту ката-

строфическую эпоху держаться иной ориентации? Мысль, что Россія может быть спасена лишь иноземною династіей, до такой степени носилась въ то время въ воздухѣ, что рѣшительно никто тогда не думалъ о возможности какой-либо національной кандидатуры.¹⁾ И избраніе Владислава не встрѣтило въ странѣ никакой сколько-нибудь серьезной оппозиціи. Правда, своеволие польской военщины порою раздражало народъ. Но слѣдуетъ особенно оттъѣнить и подчеркнуть тотъ фактъ, что даже Нижегородское ополченіе и вообще все то движеніе, которое впоследствии привело къ избранію Михаила, первоначально отнюдь не было направлено противъ Владислава. . . Такъ-то вторымъ Рюрикомъ Россіи, спасшимъ ее отъ напора волнъ ея первобытнаго Хаоса, вновь поднимавшагося на государство и его цивилизацію въ XVII вѣкѣ, явился царь Владиславъ; варягъ и въ прямомъ²⁾ и въ переносномъ значеніи этого слова.

И что это дѣйствительно такъ, что Россію спасъ отъ гибели въ началѣ XVII вѣка Владиславъ, а не Романовы, — видно уже изъ того, что Смутное время, въ сущности, продолжалось и при первыхъ Романовыхъ. Избраніе Владислава успѣло прекратить лишь его острый кризисъ. Но хроническая болѣзнь, главною причиною которой была органическая слобость всей соціальной структуры Московскаго государства, продолжалось и при Михаилѣ и при Алексѣѣ, вплоть до Петра: вся исторія XVII вѣка полна народными возстаніями, бунтами городской черни и стрѣleckими бунтами. И былъ даже моментъ когда новая соціальная революція — возстаніе Стеньки Разина — угрожала повтореніемъ Великой Разрухи 1606—1610 годовъ. Справиться съ этою Разрухою окончательно и додѣлать дѣло Владиславова сумѣлъ только Петръ. Но для этого ему самому пришлось, сбросивъ образъ ветхаго человѣка, стать новымъ Рюрикомъ и вновь оваряжить Русь. Такъ-то и вышло, что Россію спасъ отъ Смутнаго времени — и въ тѣсномъ и въ широкомъ смыслѣ этого термина (въ началѣ и въ концѣ XVII вѣка) — необходимый, вѣчный и неизбѣжный русскій Варягъ, тотъ самый Варягъ, которымъ зажглась уже заря нашей исторіи и безъ котораго мы всегда гибли, какъ гибнемъ и теперь.

Не кто иной, какъ этотъ Варягъ, создалъ и укрѣпилъ русское государство; не кто иной, какъ онъ, выявилъ русское національное сознаніе, русское чувство и русскій патріотизмъ.

¹⁾ Немного ранѣ избранія Владислава возникалъ вопросъ о призваніи на Московскій престолъ шведскаго принца Карла-Филиппа; намѣчалась также кандидатура и другого шведскаго принца — Густава-Адольфа.

²⁾ Онъ былъ принцемъ шведскаго происхожденія.

Но стоило намъ, со середины XIX вѣка, отвлечься немного въ сторону отъ историческаго варяжскаго пути, какъ сразу стали меркнуть, сначала медленно, а потомъ все быстрѣе, — русская слава и русская культура, а вмѣстѣ съ ними и патриотизмъ русскаго народа и его творческій героическій порывъ. Такимъ-то образомъ въ началѣ XX вѣка у насъ снова поднялись волны первобытнаго Хаоса, и въ дисциплинированномъ, тихомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ работающемъ, энергичномъ народѣ, стражѣ Европы, проснулся вновь — анархистъ. И въ этомъ сказочномъ превращеніи виноватъ не въ меньшей степени, чѣмъ русскій мечтательный либерализмъ, и нашъ такъ называемый консерватизмъ, т. е. славянофильство. Именно славянофильство, совершенно не понявшее русской исторіи, совершенно не понявшее, что наша культура, сила и слава суть произведенія варяжскаго, европейскаго, творческаго генія, заставило насъ, возгордясь этою силою и славою, отвернуться отъ варяговъ и возмечтать о «самобытности», о собственномъ, самостоятельномъ пути... Спору нѣтъ: русскіе люди первой половины XIX столѣтія, поколѣніе, бравшее Парижъ и считавшее въ своихъ младшихъ рядахъ Пушкина и Гоголя, имѣло полное право гордиться Россіей своего времени и, какъ тогда говорили, самымъ именемъ русскаго. Но ошибка славянофиловъ заключалась въ томъ, что, проглядѣвъ роль варяжества въ Россіи, они усмотрѣли источникъ русской силы и русской славы, русской правды и русской человѣчности — въ старомосковскомъ теремѣ и «хоровомъ», анархическомъ, началѣ русскаго народнаго духа. И ихъ грѣхомъ и преступленіемъ передъ родиной именно и было то, что они хотѣли ее возвратить и дѣйствительно возвратили въ этотъ теремъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ первобытный анархическій Хаосъ...

Исторія требуетъ вниманія и мститъ за пренебреженіе къ себѣ. Исторія есть благословеніе и она-же есть, если угодно, — проклятіе; но въ обоихъ случаяхъ борьба съ нею есть борьба самоубійственная. И въ наши дни уже совершенно ясно, куда насъ привелъ провозглашенный славянофилами націоналистическій, а въ дѣйствительности совершенно анти-національный (анти-національный потому, что онъ былъ анти-историческимъ) путь. Этотъ путь декламации и мелодрамы именно и привелъ насъ туда, куда онъ неизбежно долженъ былъ насъ привести: къ національному самоубійству, къ большевикамъ. Но разница большевизма современнаго отъ большевизма Смутаго времени заключается въ томъ, что въ современныхъ условіяхъ большевистская опасность, т. е. отгнанный когда-то Римскою культурою въ Балтійско-Черноморскій Hinterland первоботтно-анархическій Хаосъ, грозитъ разрушить весь міръ.

Европейская культура переживаетъ нынѣ критическій, роковой часъ, предсказанный двѣнадцать лѣтъ тому назадъ Мережковскимъ. Вотъ что онъ писалъ въ 1907 году.

«Всей Европѣ, а не только какой-нибудь отдѣльной европейской націи, придется рано или поздно имѣть дѣло съ русской революціей или анархіей. Ибо невозможно теперь уже опредѣлить то, что происходитъ въ Россіи: есть-ли это только измѣненіе политической формы, или прыжокъ въ неизвѣстное, разрывъ со всѣми существующими политическими формами. . . Тѣмъ не менѣе ясно, что эта игра опасна не только для насъ, русскихъ, но и для васъ, европейцевъ. Вы слѣдите острымъ взоромъ и съ обезпеченнымъ вниманіемъ за ходомъ русской революціи; но все-же со взоромъ, недостаточно острымъ, и со вниманіемъ, недостаточно обезпеченнымъ: то, что происходитъ у насъ, страшнѣе, чѣмъ вы думаете. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что у насъ пожаръ. Но можно-ли быть увѣреннымъ въ томъ, что, горя, мы не подожжемъ, въ концѣ концовъ, и вашего дома?» . . . «Сила землетрясенія, отъ котораго разрушится тысячелѣтнее зданіе (Россія), будетъ такъ могущественна, говорить въ другомъ мѣстѣ тотъ-же писатель, что всѣ старыя парламентскія лавочки повалятся отъ нея, какъ карточные домики. Ни одна изъ этихъ лавочекъ не удовлетворитъ русскую революцію. Но тогда что-же удовлетворитъ ее? И что будетъ потомъ? Это будетъ, очевидно, прыжокъ въ неизвѣстное . . . полетъ въ воздухъ вверхъ тормашками». . .

И вотъ, пока въ Парижѣ разсуждаютъ о Лигѣ націй, о предотвращеніи будущихъ войнъ, о мирѣ сего міра, о желательности всеобщаго разоруженія и о другихъ прекрасныхъ вещахъ, можно серьезно призадуматься подъ вопросомъ, не приближается-ли съ быстротою курьерскаго поѣзда тотъ самый, предсказанный русскимъ писателемъ, моментъ, когда весь старый европейскій міръ «взлетитъ на воздухъ вверхъ тормашками.» Я вѣрю столь-же твердо въ силу и крѣпость этого міра, какъ и въ истину его старой культуры. Но я знаю, что капля воды долбитъ и самый крѣпкій камень, особенно, если ничего не дѣлается для его защиты. Что Русская революція есть революція всемірная, — въ этомъ, кажется, теперь уже нельзя сомнѣваться. Нельзя не видѣть и того, что Всемірная революція, по самой своей природѣ, есть самая агрессивная изъ революцій и не можетъ остановиться сама собою. Она не можетъ остановиться сама собою и потому, что она есть, въ сущности, старая, первородная сила Россіи, минусъ Россіи, ея первобытный Хаосъ, — сила, побѣжденная было европейской культурой, но теперь вновь ринувшаяся на нее. Стереть съ лица земли эту культуру, своего главнаго

врага, — въ этомъ и заключается весь дѣйственный смыслъ Русской Революціи. Такъ какъ-же можетъ она добровольно отказаться отъ этой главнѣйшей и, въ сущности, единственной своей задачи?... Пусть государственные люди Европы говорятъ о лигѣ націй и мирѣ сего міра. Но пусть они не забываютъ и о войнѣ, которую несетъ къ нимъ Всемирная Русская Революція. Ибо въ этой войнѣ вопросъ идетъ не только о новыхъ человѣческихъ жертвахъ, не только о новыхъ милліардахъ народнаго достоянія: эта новая война поставитъ ребромъ вопросъ о самомъ существованіи европейской культуры. Чтобы видѣть это теперь совершенно ясно, — даже не надо быть пророкомъ, какимъ надо было быть Мережковскому въ 1907 году, чтобы предвидѣть событія нашихъ дней. Чтобы видѣть то, о чемъ я говорю, достаточно быть — только зрячимъ и не отвращать своего взора отъ надвигающихся, отъ уже начавшихся событий. Ибо случится одно изъ двухъ: или русская анархія, русскій первобытный Хаосъ двинется на Европу (развѣ онъ уже не двинулся на нее?) и смететъ съ лица земли европейскую культуру, или Европа, чтобы не погибнуть, сама должна идти въ Россію и тушить, пока не поздно, ея пожаръ. *Tertium non datur*: съ Хаосомъ не можетъ быть ни примиренія, ни компромисса; Русская Революція можетъ только или быть раздавлена европейскимъ культурнымъ міромъ или побѣдить и уничтожить весь этотъ старый міръ... Въ 1917—1918 году Россія измѣнила своимъ союзникамъ и опозорила себя этимъ поступкомъ на весь міръ. Но какъ назвать отношеніе союзниковъ и вообще всей Европы къ Россіи въ 1919 году? Это отношеніе нельзя назвать иначе, какъ двойной измѣной, ибо, представляя Россію ея собственной судьбѣ, Европа не только измѣняетъ Россіи, своему духовному дѣтищу, но въ концѣ концовъ измѣняетъ и своей великой, благородной культурѣ, т. е. самой себѣ. Неужели участники Всемирнаго Конгресса не понимаютъ, что они должны спасти Россію отъ ея Хаоса — вовсе не для прекрасныхъ глазъ Россіи, а въ цѣляхъ собственнаго сохраненія? А съ другой стороны: развѣ Европа не спасала Россію уже столько разъ втеченіе русской исторіи? Развѣ Варягамъ привыкать стать — спасать Россію?

19.

Когда объединялась Италія, то призывнымъ кличемъ этого объединенія былъ лозунгъ: *Italia farà da se*. Это означало: не надо иностраннаго вмѣшательства! Италія сама справится со своимъ національнымъ дѣломъ! Но я уже показаль, что русское *farà da se* есть нѣчто невозможное. Это есть мечта, утопія и такъ сказать *contradictio in adjecto*. Мы всегда спасались

иноземнымъ и иноземцами. Какъ-же намъ обойтись безъ нихъ въ самый трудный, въ самый трагическій часъ нашей исторіи? Только тотъ, кто совершенно не знаетъ русской исторіи и не понимаетъ Россіи, можетъ думать, что возможно русское *fagà da se*.

Но когда я говорю о спасеніи Россіи Европою, я имѣю въ виду вовсе не однихъ только большевиковъ. Я ставлю вопросъ гораздо шире и гораздо глубже. Дѣло не только въ томъ, — и даже, можетъ быть, вовсе не въ томъ — чтобы свергнуть большевиковъ. Что такое большевики? На это обычно отвѣчаютъ: кучка авантюристовъ и проходимцевъ, опирающаяся на штыки военно-плѣнныхъ и какихъ-то китайцевъ (замѣтьте: опять иноземцы!). И это, въ извѣстномъ смыслѣ, справедливо. Но въ такомъ случаѣ можно сказать: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ; разъ большевики — только кучка авантюристовъ, то рано или поздно кто-нибудь да справится съ ними, даже несмотря на ихъ китайцевъ. Но такъ-ли уже это вѣрно, что они опираются на однихъ китайцевъ? Ахъ! если-бы они дѣйствительно были только кучкой проходимцевъ! Какъ легка была-бы въ такомъ случаѣ задача спасенія Россіи!.. Большевики сдѣлали несомнѣнно очень много зла... Но неизмѣримо сильнѣе зло сидящаго въ каждомъ изъ насъ застарѣлаго первобытнаго большевизма, который и послужилъ главною причиною успѣха большевиковъ. Большевики только сумѣли сдѣлать удачную для себя спекуляцію на эту исконную черту русской народной стихіи и нынѣ эксплуатируютъ ее. Надъ кѣмъ смѣтесъ? Надъ самими собою смѣтесъ! — можемъ мы сказать себѣ самимъ словами Гоголевскаго городничаго, передъ лицомъ большевистской опасности. Большевики и есть тотъ Ревизоръ, котораго долго ждала и наконецъ дождалась Россія. Они и есть *reductio ad absurdum* всей Русской Революціи... Повторяю: большевики опираются на латышей и китайцевъ; но въ гораздо большей мѣрѣ они опираются на проклятый максимализмъ русской души, на тотъ ея первобытный анархическій Хаосъ, о которомъ я столько уже говорилъ. ~~Этотъ Хаосъ, эта религія~~ нигилизма призвала ихъ къ власти, и она-же удерживаетъ ихъ у нея.

Поэтому-то мнѣ и кажется, что, свергнувъ большевиковъ, мы не попадемъ сразу въ царство небесное. Я думаю, что и власть всякой иной партіи окажется, въ теперешнихъ условіяхъ, немногимъ лучше — а, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже хуже — чѣмъ власть большевиковъ. Первобытный Хаосъ разлился теперь въ Россіи слишкомъ широко и потрясъ ее слишкомъ глубоко, чтобы мы могли спастись какими-бы то ни было партіями. Не доказали-ли всѣ русскія партіи — и буржуазныя и социалистическія — самымъ нагляднымъ образомъ, въ эпоху печальной памяти Временнаго пра-

вительства, свое скудоуміе и бездарность, свою полную политическую невѣрность и отсутствіе государственнаго пониманія и государственнаго умѣнія? Партіи — это... Впрочемъ, зачѣмъ называть имена? Ихъ незачѣмъ называть, во первыхъ, потому, что они и безъ того извѣстны каждому, а, во вторыхъ, — лучше поскорѣе забыть имена этихъ ничтожнѣйшихъ людей, вообразившихъ себѣ, въ припадкѣ буйнаго помѣшательства, что они смогутъ «продѣлать русскую революцію». Въ одномъ можно быть увѣреннымъ: въ томъ, что эта Революція не создастъ ничего и никого, сколько-нибудь возвышающагося надъ уровнемъ полнаго ничтожества. Можно быть увѣреннымъ, что не людямъ Революціи, которые сумѣли только разрушить Россію, удастся ее возсоздать.

Нѣтъ, спасти Россію можетъ теперь, какъ это было уже столько разъ втеченіе ея исторіи, — только Варягъ... Поэтому-то и были и будутъ столь-же безсильны, какъ и партійныя попытки спасти Россію, попытки Корниловыхъ, Дутовыхъ, Калединыхъ и другихъ¹⁾, что за этими попытками не стояло и не стоитъ, не стоитъ, по крайней мѣрѣ, въ достаточной степени — Варяга: какъ и кадетскія попытки Ляпуновыхъ въ Смутное время, всякія такого рода попытки, основанныя на внутреннемъ національномъ соглашеніи, заранѣе осуждены на неудачу. Напротивъ, за Варягомъ, какъ это было уже столько разъ въ ея исторіи, пойдетъ охотно и дружно вся Россія. Намъ нужно вновь окунуться въ варяжскій духъ. Намъ необходимы, чтобы спастись, варяжское знамя, варяжскіе навыки, варяжскія идеи и чувства. Повторяю: дѣло не въ томъ, не только въ томъ, чтобы прогнать большевиковъ, а главнымъ образомъ въ томъ, чтобы организовать — политически и экономически, социальнo и культурно — Россію будущаго. Но сами мы этого сдѣлать не сможемъ никоимъ образомъ: вся наша нынѣшняя дѣйствительность и вся наша исторія служатъ намъ въ этомъ крѣпчайшимъ ручательствомъ. Организовать духовно и матеріально новую Россію смогутъ только творческій духъ европейской культуры и ея дисциплина. Ибо только этотъ творческій духъ и дисциплина и всепроникающія европейскую культуру чувство порядка и іерархія цѣнностей смогутъ побѣдить нигилизмъ нашей первобытной анархической религіи.

Раскрыть природу этой религіи въ ея историческомъ дѣйствіи и показать ея разрушительную силу въ двойственной русской психикѣ и было задачей этой замѣтки.

1919.

¹⁾ Когда писались эти строки, подъ этими «другими» разумѣлись Колчакъ и Деникинъ; звѣзда перваго изъ нихъ горѣла въ то время полнымъ блескомъ, а звѣзда втораго начинала восходить.

Юрій Самаринъ или Императоръ Николай I?

1.

Владиміръ Соловьевъ посвятилъ, за нѣсколько лѣтъ до своей кончины, небольшую статью маленькому эпизоду изъ прошлаго. Эпизодъ этотъ — бурное столкновение Государя Николая Павловича съ Юріемъ Самаринымъ. Самаринъ — тогда чиновникъ Остзейскаго края — вздумалъ было проводить въ предоставленной ему, сравнительно, весьма узкой, сферѣ дѣятельности, нѣкоторыя свои собственныя идеи, идущія въ разрѣзъ со взглядами правительства. Слухъ объ этой дѣятельности молодого администратора дошелъ до Государя. Самаринъ былъ вызванъ въ Петербургъ. И тамъ, въ кабинетѣ Императора, ему пришлось выслушать, съ глаза на глаза, горячую отповѣдь разгнѣваннаго Самодержца.

Что-жъ это были за особыя Самаринскія идеи, вызвавшія гнѣвъ Государя? Идеи эти были славянофильскими идеями. И «политика», которую пытался проводить Самаринъ въ скромной сферѣ своей дѣятельности, была уже той обрусительной политикой нѣмцеѣденія и искусственнаго пробужденія латышскаго націонализма, которая въ послѣдствіи, черезъ нѣсколько десятилѣтій, стала оффиціальною политикой русскаго правительства... Мы знаемъ объ этомъ эпизодѣ со словъ самого Самарина. Что касается Соловьева, то онъ освѣщаетъ вопросъ, столь рѣзко раздѣлившій подданнаго и Государя — главнымъ образомъ съ религіозной стороны. Соловьевъ подчеркиваетъ тѣ реплики Монарха, изъ которыхъ видно, что послѣдній осуждалъ начинанія Самарина, какъ начинанія антихристіанскія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно ясно, что не меньшую роль игралъ въ глазахъ царя и анти-государственный характеръ его идей и дѣятельности. Во всякомъ случаѣ, политическая и религіозная оцѣнка этихъ идей совпадаютъ вполнѣ.

Государь Николай Павловичъ понималъ, что такое Россія. А Самаринъ, какъ и всѣ славянофилы, этого не понималъ. Государь стоялъ вѣщѣло на почвѣ Имперіи, а славянофилы,

въ своихъ узко-націоналистическихъ грѣсахъ о старомосковскомъ теремѣ, были, въ сущности, совершенно равнодушны къ ней. Даже болѣе того: они были ея врагами и исподволь разрушали ее — пусть на половину безсознательно. Они были врагами «Петербургскаго періода русской исторіи», а Имперія именно и была этимъ «періодомъ». Могли ли они при этихъ условіяхъ не разрушать ее?

2.

Съ только что разсказаннымъ Самаринскимъ эпизодомъ любопытно сопоставить другое свидѣтельство. Оно исходитъ отъ врага «Николаевского режима» и тогдашней Россіи и тѣмъ-то оно особенно и цѣнно для насъ. Свидѣтельство это — разсказъ француза Кюстина объ его разговорѣ съ Императоромъ на балу — какъ нельзя лучше подтверждаетъ, до какой степени Николай Павловичъ не былъ націоналистомъ. «Вы полагаете, что вы среди русскихъ, сказалъ Государь въ этомъ разговорѣ, указывая на окружающихъ. Вы ошибаетесь: вотъ это — нѣмецъ, это — полякъ, это — грузинъ, тамъ — финляндецъ, этотъ — татаринъ... И все это вмѣстѣ и есть Россія». И чистѣйшимъ выраженіемъ этой Россіи, т. е. Россіи имперской, и былъ столь несправедливо осужденный Николаевскій режимъ. Именно тѣмъ, что нашъ старый режимъ и вся тогдашняя, Петербургская, политика Россіи не были націоналистскими (въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они были прямо-таки анти-націоналистскими), они были національными въ истинномъ значеніи этого слова, т. е. создавали имперское объединеніе и возвеличивали Россію. Имперія была не только «дистанціей огромнаго раэмѣра», но и дивнымъ откровеніемъ національнаго творчества и чудомъ политическаго водчества. Лишь она пробудила, объединила и сорганизовала разрозненныя, инертныя и отчасти даже прямо анархическія силы нашей первобытной этнической стихіи; лишь она зажгла въ сердцахъ русскую вѣру и выковала въ нихъ русскій патріотизмъ. Отнесенные судьбой къ сѣверному полярному кругу, въ пустыя холодныя равнины, суровые лѣса и безводныя степи, безъ южнаго солнца, безъ теплаго моря, безъ традицій античной цивилизаціи — имѣли ли мы, въ сущности, право разсчитывать стать тѣмъ, чѣмъ мы стали въ дѣйствительности, т. е. міровою державою, могущественной и просвѣщенной страной, житницей Европы и нужнымъ, необходимымъ членомъ общества великихъ народовъ? И все это сдѣлала Имперія и только она. Русская культура и русское великодержавіе — намъ надо отдать себѣ въ этомъ полный отчетъ — представляли изъ себя историческій парадоксъ. Но, благодаря Имперіи, парадоксъ этотъ реально су-

ществовалъ въ продолженіи болѣе чѣмъ ста лѣтъ... Во внутреннемъ же ея дѣйствіи, сила притяженія Имперіи была столь велика, что она сумѣла не только нейтрализовать, но и привлечь къ себѣ даже еврейскій элементъ — такъ было въ Николаевскія времена.

3.

«Въ Россіи правительство было всегда впереди народа». О какомъ правительствѣ говорилъ Пушкинъ, когда онъ сказалъ эти слова? Разумѣется, о правительствѣ Имперіи. И прежде всего онъ, конечно, имѣлъ при этомъ въ виду правительство своего времени, т. е. правительство Императора Николая. Это правительство, какъ и самую Имперію, долго не понимали ни мы сами, ни Европа. Не понимаютъ и теперь. Въ широкихъ кругахъ стало чуть ли не трюизмомъ считать Имперію — реакціонной; а съ другой стороны, съ легкой руки славянофиловъ, въ нашей исторической наукѣ процвѣлъ, вопреки очевидности и фактамъ, взглядъ на дѣло ея создателя, т. е. Петра Великаго, какъ на дѣло революціонное. Между тѣмъ Имперія, какъ и само дѣло Петрово, не была ни ретроградна, ни революціонна. Она была на самомъ дѣлѣ консервативна въ лучшемъ значеніи этого слова и вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессивна по самому своему существу. Да, Пушкинъ не ошибался: въ Россіи правительство дѣйствительно всега было впереди народа.

И разгадку ярко-прогрессивной роли Имперіи мы находимъ уже въ основной ея идеѣ, той творческой и организующей ея идеѣ, которая раскрывается въ выше отмѣченныхъ историческихъ чертахъ ея живого олицетворенія и символа — Государя Николая Павловича. Въ самомъ дѣлѣ, въ упомянутыхъ выше двухъ случаяхъ — равносѣ Государемъ Самарина и его разговорѣ съ Кюстиномъ — отразились подлиннѣйшія идеологія и психологія Императора, бывшія вмѣстѣ съ тѣмъ основными идеологіей и психологіей самой Имперіи. При этомъ эти идеологія и психологія имѣютъ двѣ стороны.

Нѣмецъ . . . финляндецъ . . . грузинъ . . . татаринъ... Это и есть Россія... Что означаютъ эти слова? Они означаютъ, во-первыхъ, что всѣ подданные русскаго Государя, безъ различія племени и вѣроисповѣданія, составляютъ единую имперскую семью; что въ Имперіи не можетъ быть подданныхъ перваго и втораго сорта; что она не можетъ дѣлать различія между родными своими сыновьями и пасынками, между туземцами и пришельцами; что всякая политика обрусѣнія или созданія конфессіональной іерархіи правоспособности гражданъ противорѣчитъ идеѣ импе-

рии по самому существу. Императоръ Николай I былъ до такой степени чуждъ идеѣ обрусѣнія и былъ настолько далекъ отъ мысли о посягательствѣ на права національностей, что даже послѣ польскаго матажа 1831 г. онъ ни въ чемъ не стѣснилъ свободы культурнаго развитія польской національности въ предѣлахъ Царства Польскаго, а также Литвы и Бѣлоруссии; онъ уничтожилъ лишь по чисто практическимъ соображеніямъ особую Польскую армію. Отношеніе его къ воставшимъ всего лучше видно изъ надписи на извѣстномъ памятникѣ въ Варшавѣ: Полякамъ, павшимъ за вѣрность своему Государю. Монархъ каралъ мятежниковъ, воставшихъ противъ его законной власти, но былъ дальше далекаго отъ мысли объ обрусѣніи.

Но, на ряду съ мыслью о равноправіи всѣхъ подданныхъ Всероссійскаго Императора и всѣхъ населяющихъ Имперію національностей, наша старая имперская идея имѣла и другую сторону... Нѣмецъ... финляндецъ... грузинъ... татаринъ... Кромѣ этихъ, Имперія заключала въ себѣ не одинъ десятокъ еще и иныхъ національностей и племенъ, вплоть до тунгузовъ и юкагировъ. Но совершенно очевидно, что, будучи для всѣхъ общей матерью, Имперія строилась и была жива не этими тунгузами и юкагирами, и даже не грузинами и татарами. Кѣмъ же преимущественно строилась она? Кореннымъ русскимъ племенемъ? Нѣтъ! Превознесшая до небесъ русское имя и создавшая русскую славу и русское величіе старая Имперія отвѣчала иначе, въ сокровеннѣйшей своей мысли, на этотъ вопросъ. Она считала себя призванной и дѣйствительно была призвана это племя оевропейтъ. Могла ли она при этомъ отпираться отъ коренныхъ его племенныхъ чертъ? Во многихъ отношеніяхъ она была прямымъ отрицаніемъ этихъ чертъ, борьбой съ ними. Во всякомъ случаѣ, ея работа была направлена скорѣе на разрушеніе, чѣмъ на обрусѣніе. Да и вообще она была живымъ отрицаніемъ темнаго этнизма и ветхаго московскаго терема. Принадлежность къ русскому племени сама по себѣ не означала ничего. Мѣриломъ цѣнности подданнаго была лишь служба Имперіи. Поэтому служащій грузинъ былъ всегда выше неслужащаго русскаго. Кромѣ того, паролемъ и лозунгомъ Имперіи было дѣло Петрово. Она смотрѣла на Западъ, а не на Востокъ. Поэтому-то лишь Западомъ могла она вдохновляться и лишь на Западѣ почерпнуть творческія струи. Отсюда — вся направленная на Западъ политика стараго Имперскаго правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и огромная роль, выпавшая въ строительствѣ Имперской Россіи нашимъ западнымъ, населеннымъ нерусскимъ и во всякомъ случаѣ не великороссійскимъ племеннымъ элементомъ, областямъ и прежде

всего тому самому Остзейскому, какъ тогда говорили, краю, въ которомъ выступилъ со своею анти-имперскою и, въ сущности, совершенно революціонной дѣятельностью молодой Самаринъ¹⁾.

4.

Наше старое Имперское правительство было европейскимъ правительствомъ азіатской страны. И поэтому это правительство всегда и было впереди народа. Такъ обстояло дѣло до самаго послѣдняго дня, т. е. вплоть до нашей злосчастной и бездарной революціи: изъ двухъ силъ, творившихъ на нашихъ глазахъ судьбу Россіи — правительства и пресловутой «общественности» — прогрессивною силою было, конечно, правительство, олицетворявшее Имперію. Эта истина уже теперь должна быть ясна для всякаго, кто хочетъ видѣть, и она будетъ становиться съ каждымъ днемъ еще яснѣе.

Но какъ ни истинна эта истина, нельзя не видѣть, что въ самой Имперіи, въ основныхъ ея идеяхъ и повседневной практикѣ, произошли, втеченіе послѣднихъ десятилѣтій, существенныя, коренныя измѣненія, исказившія въ концѣ концовъ ея подлинное лицо. Красивыя, благородныя линіи поздняго ренесанса и барокко и гордое величіе ампира смѣнились понемногу — впадающей въ намѣренный и, слѣдовательно, ложный архаизмъ пестрою, несообразенною въ деталяхъ и въ общемъ тяжелою постройкою въ «теремномъ» стилѣ. И параллельно съ усиленіемъ въ имперской жизни начала «самобытности» стали понемногу извскачать въ ней прежнія дѣйствительно животворящіе струи. Шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые года — вотъ первые этапы этого нисходящаго развитія, или, говоря проще, русскаго декаданса. Героическая эпоха Россіи окончилась. Русская слава поблекла и постарѣла, и перестала звенѣть русская побѣда. Наступили сумеречныя десятилѣтія. Самаринскія, славянофильскія идеи торжествовали по всей линіи. Онѣ-то и сдѣлали возможнымъ революціонный подкопъ.

5.

Намъ необходимо дать себѣ полный и ясный отчетъ въ томъ, что Россію разрушила столько же прямая атака Революціи, сколько расслабляющее дѣйствіе Реакціи, столько же

¹⁾ Вполнѣ, въ сущности, аналогична съ ролью Балтійскихъ губерній была, въ общей экономіи нашей старой Имперіи, и роль губерній Польскихъ. Но вопросъ о значеніи польскаго элемента въ Имперіи, значительно сложнѣе и требуетъ для своего рассмотрѣнія особой статьи.

соціалістическій интернаціональ, сколько славянофильскій націонализмъ. Славянофильская реакція омертвила въ нѣсколько десятилѣтій всю живую ткань Имперіи и уничтожила ея когда-то огромную силу сопротивленія. Она спутала и смѣшала, видоизмѣнивъ ихъ до неузнаваемости, всѣ основныя идеи, всю психологію старой Имперіи. Она привнесла къ этимъ идеямъ инныя, совершенно чуждыя и даже противорѣчащія природѣ Имперіи, идеи, и, измѣнивъ, въ концѣ концовъ, кореннымъ образомъ всю Имперскую политику, перепутала и ослабила до чрезвычайности ея внѣшнія и внутреннія позиціи. . . Только благодаря этому перерожденію нашей старой Имперіи, Революція смогла разыграть у насъ свою игру.

Западническая революція вела противъ Имперіи прямую атаку; славянофильская же реакція подтачивала медленно дѣйствующимъ ядомъ ея крѣпкій и здоровый организмъ. И такое согласное, ведшее, хотя и разными путями, къ одному и тому же результату — дѣйствіе двухъ враждующихъ силъ сумеречной Россіи далеко не случайно. Оно имѣетъ, напротивъ, очень глубокія причины, лежащія въ самой основѣ ихъ природы, въ ихъ внутреннемъ затаенномъ сродствѣ.

Въ высшей степени любопытно отношеніе Государя Николая Павловича къ первымъ¹⁾ славянофиламъ. До насъ дошло мнѣніе современника и къ тому же весьма умнаго и наблюдательнаго человѣка (Свербеева) — будто все славянофильское движеніе было вызвано правительствомъ, т. е. Императоромъ Николаемъ. Но достаточно вспомнить описанный въ этой вѣткѣ случай съ Самаринымъ, не говоря уже о всемъ томъ, что намъ извѣстно о взглядахъ и личности этого Государя изъ другихъ вполне достовѣрныхъ источниковъ, чтобы получить увѣренность въ томъ, что мнѣніе Свербеева не только преувеличено, но прямо невѣрно въ своей основѣ. . . Но понятно, почему современникамъ могло казаться, что славянофильство пользуется покровительствомъ правительства, если и не вызвано прямо имъ: многія стороны и проявленія этого движенія (монархизмъ, церковность, патріотизмъ) не могли не быть угодными Государю и не соответствовать видамъ правительства. И отчасти оно и было такъ. Но правильнѣе было бы сказать, что Монархъ лишь терпѣлъ существованіе секты,

¹⁾ Московскіе первые славянофилы, т. е. славянофилы 30—40-хъ годовъ, были по времени уже вторыми носителями этого имени. Первыми же хронологически его носителями были послѣдователи Шишкова (въ царствованіе Императора Александра I). Но такъ какъ, съ одной стороны, московское славянофильство 30-хъ годовъ возникло внѣ преемственной связи со школою Шишкова, а съ другой стороны — сама эта школа не оставила въ исторіи русской культуры замѣтнаго слѣда, то имя «славянофиловъ» заимствовано за славянофилами 30-хъ годовъ, т. е. за славянофилами изъ кружка братьевъ Станкевичей.

поскольку ожидалъ отъ нея, въ ея дѣйствіи на окружающую среду, исполненія своихъ собственныхъ намѣреній и предначертаній. Однако это не мѣшало ему относиться къ движенію съ большимъ подозрѣніемъ. По многому видно, что Императоръ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что и самый монархизмъ и церковность и патріотизмъ славянофиловъ — не были вполне тѣми монархизмомъ, патріотизмомъ и церковностью, какъ онъ ихъ самъ понималъ и чувствовалъ и какъ онъ хотѣлъ, чтобы ихъ понимали и чувствовали его подданные... Славянофилы никогда не пользовались особою милостью и находились подъ неусыпнымъ наблюденіемъ администраціи нисколько не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ ихъ враги — западники. Можно сказать, что Государь плохо разбирался въ принципиальныхъ различіяхъ, раздѣлявшихъ обѣ секты, и смѣшивалъ ихъ въ одно. И поступая такъ, — онъ вовсе не былъ неправъ. Напротивъ, относясь къ славянофиламъ съ такою же подозрительностью, какъ и къ западникамъ, онъ обнаружилъ не только въ высшей степени вѣрный государственный инстинктъ, но и глубокое пониманіе политическихъ идей и исторіи и прежде всего глубокое пониманіе своей Имперіи.

6.

Въ томъ и дѣло, что славянофильство и западничество, эти кровные и, казалось бы, непримиримые враги — родоначальники нашихъ Реакціи и Революціи — были родными, кровными братьями. Они были ими и не могли ими не быть, такъ какъ обѣ секты возникли изъ однихъ и тѣхъ же идей и настроеній въ одномъ и томъ же Московскомъ кружкѣ 30-годовъ¹⁾. Оттого то и наши Реакція и Революція оказались другъ другу сродни. Я назвалъ выше дѣятельность Самарина, славянофила и будто-бы консерватора, — революціонною. И ее по истинѣ нельзя назвать иначе, такъ какъ она ниспровергала освященные временемъ и традиціями основы имперской жизни. Именно какъ къ дѣятельности революціонной къ ней и отнесся Императоръ Николай I. И тоже можно сказать и о всей вообще русской Реакціи. Реакція хотѣла превратить инородцевъ изъ подданныхъ русскаго Государя въ подданныхъ русскаго народа. Она не говорила этого прямо, но этотъ постулатъ несомнѣнно заключался *implicite* въ ея программѣ. И этимъ, при внѣшнемъ монархизмѣ славянофиловъ, Реакція въ дѣйствительности извращала самую идею монархіи, а также и идею Всероссійской Имперіи. Такъ-то въ послѣдствіи, когда она уже пропиталась славянофильскими идеями, — стала ре-

¹⁾ Въ упоминавшемся уже кружкѣ братьевъ Станкевичей.

волюціонною и дѣятельность самого правительства, съ его лозунгами «обрусѣнія», «Россіи для русскихъ»¹⁾ и явнымъ возвращеніемъ къ — правда, фантастическому, какъ и всѣ идеалы славянофильства — московскому Кремлю. Этотъ-то отказъ отъ старой Петербургской программы, т. е., въ сущности, отказъ отъ Имперіи, революционировалъ Россію не въ меньшей степени, чѣмъ бомба Желябова и «иллюминаціи» 1905 года.

Но въ той же мѣрѣ, какъ была революціонна наша Реакція, была реакціонна и даже ретроградна — сама Революція. Революція уже загнала Россію на нѣсколько вѣковъ назадъ. И можно ли этому удивляться, когда ея основной и наиболѣе дѣйственный лозунгъ — призывъ къ черному передѣлу — представляетъ изъ себя не что иное, какъ отказъ отъ самаго принципа прогресса и возвратъ къ первобытному варварству и хаосу? . . Эти то черты — революціонность нашей Реакціи и реакціонность нашей Революціи — и указываютъ на ихъ глубокое органическое сродство. И этому, повторяю, нельзя удивляться, такъ какъ и Желябовъ и братья Аксаковы произошли изъ одного и того же источника и вмѣстѣ связаны преемственно съ давно позабытыми ночными спорами и юношескими бесѣдами въ одной и той же старой барской квартирѣ въ Нащокинскомъ переулкѣ въ Москвѣ.

7.

Извѣстно, какъ въ свое время метался между западничествомъ и славянофильствомъ — Герценъ. Но въ наши дни споръ между ними можно признать окончательно разрѣшеннымъ и сказать, что изъ двухъ — Бакунина и Самарина — былъ правъ. . . Императоръ Николай. Да, намъ слѣдуетъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что и Самаринъ былъ не менѣе неправъ, чѣмъ былъ неправъ Бакунинъ. Теперь, накануне строительства новой Россіи, намъ особенно необходимо вполне выяснить, какой Россіи, какой Имперіи мы хотимъ. Ибо между старою, настоящею Имперіей Императоровъ Александра I и Николая I и Россіей послѣднихъ сумеречныхъ десятилѣтій была огромная разница. Это были двѣ различныя, а вовсе не одна и та же государственность: совершенно различное было у нихъ содержаніе и даже различны были ихъ формы. . .

¹⁾ Девизомъ Имперской Россіи можетъ быть только: Россія для россіянъ — хорошее старинное слово, нами почти забытое. Историческое и метафизическое обоснованіе намѣченныхъ здѣсь мыслей читатель найдетъ въ послѣднихъ главахъ очерка Двѣ Россіи и Украинскіи вопросъ (см. ниже).

8.

Эти строки обращены не къ г. г. революціонерамъ, а къ русскимъ консерваторамъ. Революціонеровъ все равно ни въ чемъ не убѣдишь. Какъ показываетъ опытъ разныхъ «Парижскихъ совѣщаній» и революціонныхъ правительствъ Колчака, Деникина, Ліанозова и т. д., русскіе революціонеры, подобно Бурбонамъ, ничего не забыли и ничему не научились. Они безнадежны. На консерваторовъ же уже потому можно возложить болѣе надежды, что въ нихъ болѣе искренности и простоты. Но и консерваторы легко могутъ проиграть свое дѣло, т. е. дѣло Россіи, дѣло Имперіи, а потому обращаюсь къ нимъ и говорю: господа! пересмотрите, пока не поздно, свои тезисы и создайте цѣлостную, органическую, опирающуюся на жизнь и исторію, программу. Эта программа должна быть не націоналистскою, а имперскою, не русскою, а Россійскою. Но для того, чтобы создать такую органическую программу слѣдуетъ прежде всего уяснить себѣ возможно отчетливѣе — что такое была старая, настоящая Имперская Россія, которую отчасти вы сами проиграли въ игрѣ въ «самобытность» и «исконныя начала». Пусть и эта великая — не однимъ своимъ территоріальнымъ размѣромъ — Имперія была, до извѣстной степени, иллюзіей — я скавалъ уже, что трудно создать европейское государство подъ полярнымъ кругомъ. Но эта иллюзія была такъ полна и реальна, что она претворялась въ жизнь. И уже во всякомъ случаѣ она была реальнѣе темныхъ закоулковъ, въ которые насъ завлекли славянофилы. Подымитесь же изъ низинъ темнаго этнизма на свѣтлыя высоты нашей былой Имперіи, а для этого прежде всего рѣшайте, съ кѣмъ вы хотите идти: съ Юріемъ Самаринымъ или съ Императоромъ Николаемъ I?

Имперія не знаетъ, не можетъ знать партій, ибо Имперія есть единеніе. И намъ нужна не партія, а единеніе. Но если и для единенія необходимо имя, какъ постоянное напоминаніе объ его цѣли, какъ вѣчно звучащее его пароль и лозунгъ, то трудно намъ придумать лучшее имя, чѣмъ: Всероссійскій Имперскій Союзъ.

1920.

*

De bello Samarico.

Предъидущая статья вызвала нѣсколько возраженій съ дружественной стороны. На эти возраженія авторъ отвѣтилъ въ рядѣ бѣглыхъ замѣтокъ. Такъ какъ эта полемика не лишена, въ виду новизны темы, и общаго интереса, то ниже помѣщаются нѣкоторыя изъ нихъ. Изъ этихъ отвѣтовъ видно и существо сдѣланныхъ возраженій.

*

*

*

Сумеречная Россія! Сумеречныя десятилѣтія! Надъ нами нынѣ нависла черная ночь. Но какъ называется то, что бываетъ передъ наступленіемъ темноты? Не сумерками-ли? Въ этомъ смыслѣ я и называлъ «сумеречными» тѣ десятилѣтія, которыя насъ привели къ нынѣшней непроглядной ночи. Продолжая ретроспективно то же сравненіе, можно назвать Александро-Николаевскіе дни свѣтозарнымъ полднемъ, вѣкъ Екатерины — яснымъ утромъ, а эпоху Петра — зарею великой Имперской Россіи. Все это, разумѣется, au figuré. Но все это вмѣстѣ съ тѣмъ — вполне реальныя сравненія, раскрывающія наиболѣе важныя и характеристическіе признаки и такъ сказать живую душу перечисленныхъ эпохъ.

* * *

Обрушеніе — разрушеніе... Въ такой плоскости вопросъ, разумѣется, и не могъ ставиться въ Николаевскія времена. Тогда понятія не имѣли о какой-либо націоналистической агитаціи, и все проникала живая идея государственности. Въ порядкѣ дня былъ тогда не націонализмъ, а имперскій — другого тогда не знали — патриотизмъ. Этотъ патриотизмъ былъ направленъ къ крѣпости, силѣ и величію Россіи. И направлялись къ нимъ опытнымъ, т. е. имперскимъ, Петербургскимъ путемъ, ставшимъ уже государственной традиціей. Это былъ старый Петровскій путь европеизаціи Россіи. Но практически, т. е. въ своемъ осуществленіи, онъ неизбежно велъ въ разрушенію, къ отказу отъ этнизма, даже къ борьбѣ съ нимъ и къ культивированію совершенно чуждыхъ и даже противоположныхъ природно-этническимъ — чертъ и цѣнностей. «Національная фізіономія» вскормившей насъ Россіи, т. е. культъ Царя, арміи, всего героическаго, строгая іерархичность и дисциплина, какъ въ соціально-политической, такъ и въ чисто-духовной сферѣ, а съ другой стороны — возвышенное благородство литературы (Пушкинъ), культъ долга и чести и даже сама свѣтлая покорность трудолюбиваго и безпечно-веселаго въ своей работѣ народа, все это сложилось (это и было дѣломъ Имперіи) не только не въ согласіи съ наследственными чертами нашей этнической среды, но прямо въ противорѣчіи съ ними, вопреки имъ... Неужели въ этого не замѣтили до сихъ поръ?...

* * *

Наоборотъ: реформы Александра II только кажутся «европейскими». Европейскими были (и то не во всемъ) — только ихъ внѣшнія формы; но ихъ духъ и внутреннее содержаніе — а это самое главное — были далеко не европейскими. Вспомните, что говорили этому монарху старообрядцы: «въ твоей новизнѣ, государь, старина наша родная намъ слышится.» И это глубоко вѣрно... Изъ реформъ «освободительной эпохи» многія были необходимы, хотя осуществлены были онѣ всѣ крайне необдуманно и неудачно. Въ результатѣ же и практически черезъ эти именно реформы вновь хлынули на русскую культуру и русскую государственность загнанныя двумя столѣтіями въ глубокую подпочву — волны первобытнаго этнизма... Что касается «не-русскости» нашей интеллигенціи, то ужъ извините: она истинно-русская и подлинно-русская до мозга костей и до послѣдняго шарика крови... Перечтите то, что я написалъ на эту тему въ Двухъ Россіяхъ и еще подробнѣе въ *La Russie révolutionnaire*.

* * *

И еще сопоставленіе. У насъ до послѣдняго времени не было парламента, а въ Европѣ такіе парламенты были повсемѣстно и уже давно. Между тѣмъ «парламентаризмъ», въ сущности, вовсе не типиченъ для Ев-

ропы, и, наоборот, очень типичен для насъ. Подробнѣе объ этомъ въ статьѣ Нѣчто о географіи.

Поэтому-то славянофильство, рядясь въ тогу «борьбы съ парламентаризмомъ», на самомъ дѣлѣ именно подготавливало его тѣмъ, что исподволь разрушало живую ткань нашей исторической (Имперской) государственности.

* * *

Да неужели все случилось только потому, что были «бьяками» — кадеты и социалисты? Нѣтъ! Исторія такъ просто не дѣлается! Кадеты — кадетами, и уничтожайте ихъ. Но поймите, что только потому и могли ихъ происки увѣнчаться успѣхомъ (февраль-мартовская революція), что было неправильно все развитіе нашей государственности втеченіе послѣднихъ десятилѣтій. Вы считаете бездоказательнымъ мое утвержденіе, что славянофильская Реакція омертвила въ нѣсколько десятилѣтій всю живую ткань Имперіи и уничтожила ея, когда-то бывшую огромной, силу сопротивленія. Не знаю, какихъ еще вамъ надо доказательствъ — теперь, когда мы разбросаны по всему міру, яко іудеи въ разсѣяніи. Развѣ не только потому мы теперь уподобились имъ, что бывшая ранѣе на диво крѣпкою — ткань нашей Имперіи омертвѣла, что она потеряла свою прежнюю силу сопротивленія. Можно, конечно, ставить различные діагнозы нашей болѣзни. Но отрицать фактъ — просто смѣшно...

* * *

Но пусть-бы у насъ вовсе не произошло въ 1917 году революція (она, конечно, до нѣвѣстной степени, историческая акциденція) — а всетаки нельзя было-бы спорить противъ того, что наша государственность «сумеречныхъ» — какъ иначе назвать ихъ? — десятилѣтій была больна, что націоналистическая Реакція омертвила социальную и государственную ткань Россіи. Развѣ не подъ знакомъ славянофильской Реакціи происходила, втеченіе послѣднаго полувѣка, не только борьба съ Революціей, но и вся вообще государственная работа? А съ другой стороны: стала-ли бы дѣйствительно здоровая государственность втеченіе 40 лѣтъ толочась на мѣстѣ и возится съ земствомъ? — я думаю, что вы согласитесь съ тѣмъ, что я высказалъ по этому поводу въ статьѣ Мы и Они. А удачныя, втеченіе десятилѣтій, покушенія революціонеровъ? и не только удачныя покушенія но порою революція прямо диктовала правительству свою волю: воспомните его соглашеніе съ народолюбцами при Александрѣ II и бомбу Плеве, приведшую къ 17 октября. Революцію сдѣлала, безспорно, общественность. Но больна была и государственность, не умѣвшая эту шальную общественность обуздать. Да, нашъ «реактивъ» послѣднихъ десятилѣтій былъ дѣйствительно больнымъ режимомъ — хотя совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ его называла больнымъ Революція.

* * *

Вы говорите о «молчаливой, хозяйственной работѣ Александра III». Но я спрашиваю: почему эта большая — согласенъ съ этимъ — работа обнаружила лишь весьма малую долю того полезнаго дѣйствія, которое она могла-бы имѣть? И отвѣчаю: потому, что за всей этой благородною и усидчивою работою уже не было, въ сущности, живой души, т. е. старой имперской идеи, что эта идея была тогда уже помрачена. Эта работа не спасла, не могла уже насъ спасти отъ Революціи именно потому, что она происходила въ уже сумеречной Россіи... И въ этой Россіи были, разумѣется, и эпохи подъема и отдѣльныя даже блестящія проявленія и черты. Имперская Россія, разумѣется, не вся сразу пропала въ «суме-

речных» десятилѣтій. Многія старыя традиціи оставались живы и при государѣ Николаѣ II — я объ этомъ прямо говорю въ статьѣ Мы и Они. По инерціи государственное творчество продолжалось. Но это отнюдь не доказываетъ, что государственный организмъ Россіи былъ въ эту эпоху здоровъ. Развѣ не совершаетъ большинство отправлений и развѣ не бываетъ даже способенъ наращивать новыя клѣточки — и тяжко больной организмъ?

* * *

Лично я любилъ Имп. Александра III горячею отроческою и юношескою любовью. Но эпоха его — о ней-то исключительно, а вовсе не о его личности, я и говорю въ Самаринѣ — была скверная эпоха (не во всемъ скверная, конечно). Онъ, въ сущности, вовсе не былъ славянофиломъ. Я какъ сейчасъ помню — я былъ тогда юношей — рассказъ одного моего родственника, прѣхавшаго къ намъ прямо съ выхода въ Кремлевскомъ дворцѣ: какъ лицо Государя нервно сжалось при словахъ привѣтствовавшего его городского головы (извѣстнаго въ свое время Алексѣева) о желанной близости того момента, когда «крестъ снова засіяетъ на Св. Софіи» (въ Константинополѣ). Въ дѣйствительности-же политика Александра III шла, конечно, по линіи компромисса совершенно, въ сущности, несомѣстимыхъ другъ съ другомъ старо-имперскихъ и славянофильскихъ идей. Порою-же, особенно во внутренней политикѣ, онъ прямо вдался въ «русскій стиль». Я думаю, что временами онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что путь этотъ — опасный путь. Но не всегда. И во многомъ политика его была не только ошибочна, но вела къ цѣлямъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, которыя были имъ самимъ поставлены. Таково знаменитое «поддержаніе дворянства» и подчеркиваніе его государственной роли. Ничто въ сильнѣйшей степени не сокрушило нашего дворянства и вообще не подточило нашей старой, имперской іерархіи цѣнностей, какъ именно это «поддержаніе» и превознесеніе роли нашего «первенствующаго сословія». Таковы-же и параллельное «поддержаніе крестьянства» и вся направленная на укрѣпленіе общины и сохраненіе рѣзко-обособленнаго характера крестьянства политика, приведшія къ абсурду «аграрнаго вопроса» и прямо подготовившія Революцію. А рядомъ со всѣмъ этимъ романтизмомъ — большой реализмъ. «Царь — миротворецъ.» Онъ видимо хорошо понималъ, что Россія не можетъ воевать, что она больна... Да, много противорѣчиваго и загадочнаго, много фатума было въ судьбѣ нашихъ сумеречныхъ десятилѣтій...

* * *

О роли польскаго элемента въ Имперіи. Роль эта имѣла безусловно нѣсколько аспектовъ. Вопросъ въ томъ, какой изъ нихъ — главнѣйшій. Я замѣтилъ уже въ Самаринѣ, что вопросъ этотъ сложенъ и требуетъ утонченнаго вниманія, т. е. разсмотрѣнія въ отдѣльной статьѣ. Мнѣніе мое заключается въ томъ, что польскій элементъ имѣлъ огромнѣйшее значеніе въ социальной структурѣ Россіи, а, слѣдовательно, и въ консолидаціи Имперіи. И я сильно сомнѣваюсь, чтобы мы могли возсоздать ее безъ участія этого элемента.

Нѣчто о географіи.

Не дворянская это, батюшка, наука: на то есть извозчики . . .

Госпожа Простакова (въ Недорослѣ Фонвизина).

«У этого народа парламентаризмъ — въ крови», часто повторяетъ, говоря о Россіи, Валишевскій, историкъ Ивана Грознаго, Смутаго времени и первыхъ Романовыхъ, историкъ Петра и Екатерины. И въ извѣстномъ смыслѣ это глубоко вѣрно. Никто такъ не любитъ и самъ поговорить и послушать чужія мнѣнія, какъ русскій человѣкъ. Никто не вѣритъ, какъ онъ, въ силу аргумента, въ то, что «люди говорятъ». Діалектикъ по темпераменту, русскій отъ природы — политикъ и «общественный человѣкъ». Онъ охотнѣе подчиняется силѣ убѣжденія, чѣмъ убѣжденію силы — то, что онъ часто слушается лишь палки, нисколько не противорѣчитъ этому утвержденію. Онъ любитъ сказать свое слово и въ томъ, что его касается, и въ томъ даже, что совершенно не касается его. И если въ существованіи парламентаризма въ нашей «крови» и можно было сомнѣваться въ прежнее время, то теперь, послѣ того какъ мы пережили 1917 годъ, въ этомъ, кажется, уже совершенно невозможно сомнѣваться. Не во имя-ли парламентаризма, — хотя и безо всякихъ шансовъ на успѣхъ, — затѣяли мы свою знаменитую революцію? А Совѣты? Что бы мы ни говорили, но и они задрѣли несомнѣнно за какія-то весьма чуткія струны въ глубинѣ души нашихъ «народныхъ массъ». Развѣ совѣты не дали имъ — пусть варварскій, приспособленный къ строю первобытной страны — но все-же «парламентаризмъ»? И развѣ не во имя именно этого парламентаризма ополчился на большевиковъ, лѣтомъ 1920 года, радикальный Кронштадтъ (да одинъ-ли Кронштадтъ?), нашедшій, что большевистская Россія — недостаточно большевистская, что она «совѣтская» — лишь по имени? . . .

И однако Россія, несмотря на свой «парламентаризмъ въ крови», всегда стремилась къ самодержавному строю, даже

болѣе того: была самодержавнѣйшей страной въ мірѣ. Она была самодержавнѣйшей страной въ мірѣ . . . и осталась самодержавнѣйшей въ мірѣ страной и при большевикахъ. Да, она вновь стала ею даже раньше прихода большевиковъ, ибо первое, что она сдѣлала, когда, казалось, добилась наконецъ парламентаризма, было то, что она закрыла свой парламентъ, или, по крайней мѣрѣ, не захотѣла, или не сумѣла, его отстоять.

Возьмемъ теперь другой примѣръ. Не англичане-ли, казалось-бы, — самый «парламентарный» народъ на свѣтѣ? Не англійскій-ли парламентъ — старѣйшій въ мірѣ? Да и не въ одной-ли, въ сущности, только Англіи былъ дѣйствительно осуществленъ парламентскій строй? Между тѣмъ всякому, кто бывалъ въ Англіи, извѣстно, что средній, рядовой англичанинъ, англичанинъ-обыватель, интересуется политикой значительно меньше, чѣмъ французъ или нѣмецъ, не говоря уже объ итальянцахъ, грекахъ и тѣмъ болѣе о такихъ присяжниковъ «политикахъ», какими были всегда русскіе интеллигенты. Англичанинъ, какъ извѣстно, мало общителенъ и слишкомъ интересуется своими собственными дѣлами, чтобы удѣлять достаточно вниманія дѣлу общественному, особенно въ смыслѣ «большой» политики. Оттого-то онъ и «общественную дѣятельность» конструируетъ, въ своемъ сознаніи, строго профессионально. Нигдѣ политика не въ такой сильной степени, какъ въ Англіи, — дѣло специалистовъ. Вслѣдствіе этого получается, что нѣтъ страны, гдѣ масса была-бы такъ равнодушна къ политикѣ и такъ невѣжественна въ ней, какъ именно тамъ. У англійскаго народа нѣтъ ни капельки парламентаризма въ крови. Война могла внести въ этомъ отношеніи нѣкоторыя измѣненія, но всего вѣроятнѣе, что все снова постепенно придетъ въ этомъ отношеніи въ Англіи — въ первобытный видъ. Тамъ занимается и интересуется политикой лишь самый незначительный слой профессиональных политиковъ. Политическая Англія — это даже не десятки тысячъ, это, въ сущности, всего нѣсколько сотъ человѣкъ. . .

2.

Оба приведенныя примѣры — Россіи и Англіи — показываютъ, что политическій строй страны часто противорѣчитъ характеру народа и многимъ основнымъ свойствамъ и предрасположеніямъ его души. Политическій строй вполне можетъ развиваться — вопреки этимъ свойствамъ и предрасположеніямъ: «парламентарный» англичанинъ, въ сущности, столь-же мало парламентаренъ, сколь мало «самодержавенъ» по своему темпераменту и психологіи — историческій самодержавецъ, русскій. Эта, на первый взглядъ, аномалія объясняется тѣмъ,

что государственный строй данной страны диктуется прежде всего и главнымъ образомъ ея географіей. Всѣ-же остальные факторы, въ ихъ числѣ народный характеръ, имѣютъ въ этомъ отношеніи неизмѣримо меньшее значеніе. Такъ англійскій парламентаризмъ, самая возможность его возникновенія, объясняется главнымъ образомъ, если не исключительно, островнымъ положеніемъ Англіи: это-то положеніе и создавало всегда для Англіи, какъ націи, рѣзко очерченную солидарность интересовъ, а, наряду съ нею, и условія внѣшней безопасности — въ степени, неизвѣстной никакой другой европейской странѣ. Вытекающее-же изъ обоихъ этихъ факторовъ — отсутствіе необходимости въ приданіи государству военного характера, характера единоличнаго командованія, и явилось условіемъ органической эволюціи англійскаго парламентаризма. Что касается русскаго историческаго государственнаго строя, то онъ объясняется соединеннымъ дѣйствіемъ двухъ главнѣйшихъ факторовъ:

1. Государственное единство Россіи было обусловлено прежде всего географическимъ единствомъ ея территоріи (отсутствіе ясныхъ и твердыхъ границъ — прежде всего горныхъ хребтовъ — между отдѣльными частями этой территоріи); оттого-то Россія такъ рано могла объединиться, несмотря на огромность своей территоріи; оттого-то эпохи разъединенія продолжались въ русской исторіи сравнительно недолго; оттого-то образовавшіеся на русской территоріи мѣстные центры притяженія (удѣлы древней Русси, впослѣдствіе Москва и Тверь, Московское государство и сѣверно-русскія республики (Новгородъ и Псковъ), наконецъ царство «всѣя Руси», Украина и Польша) неукоснительно вступали другъ съ другомъ въ безпощадную, впредь до политическаго уничтоженія противника, борьбу.

2. Но обширность этой территоріи и связанныя съ нею почвенныя, климатическія и всякаго иного рода различія всегда создавали крупныя противорѣчія интересовъ между отдѣльными ея частями¹⁾. Эти противорѣчія были настолько велики, что ихъ всегда было бессильно сгладить и примирить — внутреннее національное соглашеніе. Примирить и сгладить ихъ могла только внѣшняя сила (власть князей-Рюриковичей и впослѣдствіи Московскихъ царей и Петербургскихъ императоровъ), создавая у насъ своего рода Расем гомат. И по мѣрѣ того, какъ эта внѣшняя — внѣшняя во

¹⁾ Я подчеркиваю, что говорю не о социальныхъ и не о национальныхъ противорѣчіяхъ — эти противорѣчія искусственны и раздуты, если не прямо выдуманы, партіями — а о дѣйствительныхъ противорѣчіяхъ между интересами отдѣльныхъ областей бывшей Имперіи. Игнорировать эти противорѣчія — невозможно.

всѣхъ смыслахъ этого слова — сила органически выросла, по мѣрѣ того, какъ совершенствовался государственный аппаратъ и множились, крѣпли и росли традиціи и престижъ этой внѣшней власти, не только сглаживались противорѣчія между интересами отдѣльных частей государственной территоріи, но ихъ невыгоды стали компенсироваться выгодами государственнаго единства. Это не значитъ, конечно, что противоположность интересовъ отдѣльных областей совершенно исчезла (она-то и выступила сразу наружу, когда рухнула регулировавшая ее историческая власть). Но эта власть до того хорошо сумѣла, своимъ историческимъ дѣйствіемъ, скрыть противорѣчія интересовъ между отдѣльными областями Россіи, что даже зоркій глазъ Революціи не замѣтилъ ихъ. Революція кричала лишь о противорѣчіяхъ социальныхъ и національных. Между тѣмъ, поскольку тѣ и другія составляли не плодъ агитации, а реальное явленіе, это явленіе лишь отражало скрытыя въ немъ и болѣе глубокія противорѣчія — региональныя (областные). Но ихъ-то и не могла, а отчасти и не захотѣла замѣтить — пусть и кричавшая объ «автономіяхъ» — но все-же Великороссійская, т. е. по самому своему существу унитаристская, Революція. Нечего уже говорить о томъ, что бывшее въ Россіи всегда невозможнымъ парламентское примиреніе этихъ противорѣчій (національное соглашеніе) — менѣе, чѣмъ когда-либо, возможно именно въ настоящіе дни всеобщаго развала.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что отдѣленіе отъ Россіи ея окраинъ неизбежно встрѣтитъ сильнѣйшія препятствія въ самой географіи страны. Географическій факторъ и сейчасъ уже работаетъ и всегда будетъ работать противъ нѣсколькихъ Россій, т. е. противъ Великороссіи, Украины, Литвы, Латвіи, Эстоніи и т. д., ибо географически есть только одна Россія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Украины, Москвы, Литвы и т. д. нельзя создать обще-русскаго парламентаризма: изъ нихъ можно создать только Всероссійскую Имперію, т. е. соединеніе, основанное на началѣ не соглашенія, а авторитета.

3.

Въ нашу тяжелую годину всеобщей разрухи мы можемъ все-же черпать утѣшеніе у древнихъ писателей. Порою они освѣщаютъ лучами ослѣпительнаго свѣта самую животрепещущую дѣйствительность нашихъ дней. Такъ, напр., въ единствѣ территоріи Россіи отдавали себѣ полный отчетъ Плиніи Старшій и Птоломей, жившіе около двухъ тысячелѣтій тому назадъ: они знаютъ за Вислой и до Урала одну лишь Сарма-

тію (Скиєю). Такъ-то и намъ давно пора понять, что географическій факторъ — первостепенный и опредѣляющій. Отъ географіи не убѣжишь: отъ нея убѣжать еще труднѣе, чѣмъ отъ исторіи. Прежде, чѣмъ строить новую Россію, намъ надо по-этому понять свою географію. Она стоить политическихъ теорій, и вся бѣда нашихъ теорій и нашихъ партій (какъ лѣвыхъ, такъ и правыхъ) въ томъ и заключалась, что онѣ знать не хотѣли нашей географіи. Такъ-то онѣ и очутились нѣкоторымъ образомъ въ роли Фонвизинской г-жи Простаковой.

Возстановимъ-ли мы единую Россію? Да, мы можемъ на это надѣяться, ибо въ этомъ вопросѣ за насъ — географія. Но она будетъ за насъ въ этомъ дѣлѣ лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ слѣдовать ей до конца, т. е. будемъ больше думать о созданіи авторитетной центральной власти (какъ создать ее — это другой вопросъ), чѣмъ о національномъ соглашеніи, въ частности о парламентаризмѣ. Въ этомъ можетъ быть и заключается непослѣдній смыслъ явленія большевиковъ, что они, вѣроятно, надолго вытравятъ изъ нашей крови тотъ парламентаризмъ, присутствіе котораго первый, кажется, обнаружилъ въ ней — выше мною упомянутый историкъ Россіи.

Какъ-бы то ни было, но мы не сдѣлаемъ и шагу впередъ, пока отчетливо не сознаемъ, что вопросъ о созданіи будущей русской власти есть вопросъ прежде всего — географическаго порядка. И географическій смыслъ конструціи власти достаточно важенъ, чтобы пока не отыскивать другихъ. Съ тѣмъ, что конструція власти должна соответствовать географіи страны, — согласится всякій. Противъ географіи страны спорить нельзя; далѣе-же возможны уже споры, т. е. партійность, которая сгубила насъ. Мнѣ кажется, что русскія правыя партіи потому-то и проиграли въ до-революціонной Россіи свое дѣло, что, отстаивая свой политическій идеалъ, они часто старались доказать больше, чѣмъ слѣдовало. Между тѣмъ доказывать слишкомъ многое значитъ большею частью — не доказать ничего. Ибо многое спорное обезсиливаетъ и небольшое безспорное. И вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ навязывали государственной власти слишкомъ много задачъ, не исключая и такихъ, которыя находились въ прямомъ противорѣчій съ географіей страны. Итакъ остановимся пока на географіи. Пусть неліцепріятное географическое пониманіе послужитъ первою вѣхою русской безпартійности, первымъ камнемъ зданія будущей Россіи.¹⁾

1920.

¹⁾ Изложенныя здѣсь мысли не должны дать повода къ одностороннему преувеличенію значенія географической точки зрѣнія въ вопросахъ культурнаго и социально-политическаго развитія. Такъ весь ходъ государственнаго развитія Россіи объясняется столько-же ея географіей, сколько и

„Борьба за Самодержицу.“

(Забытый эпизодъ изъ исторіи русской общественности.)

1.

Самодержавіе, въ смыслѣ абсолютизма, т.е. въ смыслѣ неограниченной власти русскихъ государей, сложилось и укрѣпилось у насъ не ранѣе XVIII вѣка, коего продуктомъ оно въ дѣйствительности и было. Оно было прежде всего результатомъ исторической обстановки, т. е. великодержавной роли, которую надѣлилъ наше отечество сильный и творческій режимъ Петра Великаго и его наслѣдниковъ. Но оно было вмѣстѣ съ тѣмъ и непосредственнымъ продуктомъ европейскихъ идей, занесенныхъ къ намъ многочисленными служилыми иноземцами, послѣдствіемъ зараженія русскаго общества ихъ политическою психологіей. Самодержавіе (въ вышеупомянутомъ новомъ смыслѣ этого слова), какъ и весь укладъ Петер-

противорѣчіями русской Psyche (см. статью Двѣ Россіи и особенно гл. 6). Говоря вообще, географія въ концѣ концовъ несомнѣнно побѣждаетъ во всѣхъ вопросахъ этого рода. Но это еще не значить, что возможность устраивать народную жизнь вопреки географіи страны — была-бы безусловно исключена. Случаи, когда народы — иногда цѣлыми вѣками — желаютъ не считаться, даже въ основныхъ заданіяхъ своей жизни, съ природными условіями страны, — далеко не рѣдки. Только имъ приходится дорого за эту невнимательность платить. Такъ-то приходилось и Россіи всегда очень дорого платить за свой «парламентаризмъ къ крови.» Примѣръ подобной-же невнимательности къ географіи страны представляетъ народно-хозяйственная жизнь той-же Россіи: весь комплексъ ея природныхъ условій предназначаетъ ее, особенно на Востокѣ, быть страной крупнаго сельскаго хозяйства. Фактически-же она была, и особенно стала въ послѣднія десятилѣтія, страной мелкаго земледѣлія, что и служило одной изъ главнѣйшихъ причинъ ея отсталости и слабости... Во всякомъ случаѣ, территоріальный, географическій факторъ основной и опредѣляющій — не только въ жизни, но и въ самомъ образованіи народовъ. Такъ Франція и Англія представляютъ собою результатъ соединенія и взаимодѣйствія почти однихъ и тѣхъ же и во всякомъ случаѣ чрезвычайно близкихъ другъ къ другу этническимъ элементамъ. Въ обѣихъ этихъ странахъ есть и родственные другъ другу до-арійскіе и кельтійскіе и латинскіе и германскіе этнические начала. Между тѣмъ изъ этихъ родственныхъ элементовъ получились — въ Англіи и Франціи — два совершенно различныхъ народа.

бургской Россіи, было одною изъ ласточекъ, прилетѣвшихъ къ намъ въ прорубленное Петромъ Великимъ въ Европу окно.

Но помимо общаго воздѣйствія европейскаго духа на эволюцію нашего государственнаго строя въ XVIII вѣкѣ, нашъ самодержавный режимъ этого вѣка былъ и въ болѣе элементарномъ и буквальному смыслѣ — дѣломъ рукъ иноземцевъ. И было-бы странно, если-бы это было не такъ. Не вся-ли вообще русская государственность, начиная съ Рюрика, была — иноземнаго происхожденія и прививалась намъ руками иноземцевъ?¹⁾ Что касается XVIII вѣка, то мы имѣемъ здѣсь главнымъ образомъ въ виду острый кризисъ власти — первый по времени и, въ сущности, единственный отъ Смутаго времени вплоть до нашихъ дней, который имѣлъ мѣсто при воцареніи императрицы Анны Ивановны. Всѣмъ извѣстна такъ называемая «попытка верховниковъ», т.е. ихъ планъ установленія у насъ олигархическаго строя, выразившійся въ составленіи особыхъ «кондицій», которыя эта государыня должна была подписать и дѣйствительно подписала при своемъ избраніи. Но гораздо менѣе извѣстно происходившее въ тоже время въ болѣе широкихъ кругахъ общества «движеніе», вызванное, правда, интригою верховниковъ, но преслѣдовавшее иную, а именно явно конституціонную и даже, въ нѣкоторомъ родѣ, «конституціонно-демократическую», цѣль. Между тѣмъ это «движеніе» является однимъ изъ любопытнѣйшихъ и наиболѣе драматическихъ эпизодовъ нашей исторіи. Въ немъ отражаются, какъ въ фокусѣ, всѣ искони дѣйствовавшія въ ней силы, не говоря уже о томъ, что эпизодъ этотъ наложилъ какъ нельзя болѣе яркій отпечатокъ на все царствованіе Анны Ивановны. Правда, оно до сихъ поръ не удостоилось особаго вниманія историковъ; тѣмъ не менѣе политическое и культурно-соціальное значеніе этого царствованія, а, слѣдовательно, и занимающаго насъ эпизода, — огромно.

2.

Извѣстно, насколько поверхностнымъ и безпочвеннымъ было движеніе декабристовъ. Несмотря на то, что внѣшнія обстоятельства на рѣдкость благоприятствовали ихъ попыткѣ, она заранѣе была осуждена на полную неудачу. Только такіе наивные мечтатели, какими были большинство этихъ заговорщиковъ, могли серьезно носиться съ мыслью ниспроверженія у насъ абсолютной монархіи — въ эпоху наибольшей ея крѣпости и когда она была вдобавокъ ослѣнена блистательнымъ

¹⁾ Основная метафизика этого историческаго явленія уже была нами раскрыта въ очеркѣ Двѣ Россіи.

ореоломъ недавно окончившихся Наполеоновскихъ войнъ... Совѣмъ инымъ было положеніе въ началѣ 1730 года, въ моментъ, когда въ Россіи не было, въ сущности, никакого государственнаго строя, когда ново-избранная «кондиціонная» императрица еще только ожидалась въ Москву (изъ Курляндіи) и когда фактически правилъ имѣвшій весьма мало авторитета и раздираемый къ тому-же внутренними несогласіями — Верховный Тайный Совѣтъ. Въ этой обстановкѣ полной неопредѣленности, органической слабости всѣхъ государственныхъ установленій и крайней неразберихи, могла рассчитывать на удачу всякая рѣшительная попытка государственной реформы, особенно если принять во вниманіе всеобщее шатаніе умовъ въ вопросѣ о формѣ правленія. Это-то шатаніе умовъ, обнаружившееся въ занимающемъ наше вниманіе историческомъ эпизодѣ, и придаетъ ему особенный интересъ.

Официальная русская исторія рассказывала этотъ эпизодъ, до самого послѣдняго времени, приблизительно такъ: верховники, пользуясь междуцарствіемъ, вздумали ограничить власть избранной ими на престолъ Государыни, обусловивъ избраніе ея согласіемъ подписать «кондиціи», сущность которыхъ сводилась къ тому, что императрицѣ была оставлена лишь тѣнь Верховной власти, а вся ея полнота переходила фактически — къ Верховному Тайному Совѣту; но когда императрица пріѣхала въ Москву, и о замыслахъ верховниковъ узналъ «народъ», то онъ возмутился противъ ихъ крамольнаго проекта и, обратившись непосредственно, въ лицѣ собравшихся въ Москвѣ представителей дворянства, къ Монархинѣ, побудилъ ее разорвать уже подписанныя «кондиціи» и объявить себя Самодержицей.

Въ этой версіи вполнѣ вѣрно изображена только роль верховниковъ. Что касается «народа», т. е. представлявшего его въ XVIII вѣкѣ дворянства, то въ дѣйствительности дѣло происходило не совѣмъ такъ и даже совѣмъ не такъ, какъ только-что рассказано. Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, въ рассказѣ этомъ переданъ невѣрно — даже самый заключительный актъ драмы: собравшееся во дворцѣ дворянство просило императрицу, въ сущности, совѣмъ не о томъ, что послѣдняя совершила — въ отвѣтъ на обращенную къ ней просьбу. Но главное заключается въ томъ, что этому заключительному акту (уничтоженіе документа, заключавшаго пресловутыя «кондиціи») — предшествовалъ цѣлый рядъ другихъ. Событія развивались втеченіе пяти недѣль, отъ 18 января (кончина имп. Петра II) до 25 февраля. И дѣйствительный смыслъ этихъ событій далеко не совпадаетъ съ тѣмъ, который хочетъ намъ внушить вышеизложенная официальная ихъ версія.

Совершенно справедливо, что планъ верховниковъ, смутные толки о которомъ быстро распространились въ обществѣ, сразу-же встрѣтилъ въ немъ сильную оппозицію. Но оппозиція эта отнюдь не была направлена на восстановление «Самодержавія»: дворянство, представлявшее въ эту эпоху все «общество», желало, напротивъ, чтобы оно также было приобщено къ власти, чтобы власть не принадлежала — однимъ только верховникамъ. Въ этомъ смыслѣ мы и наэвали выше господствовавшія въ то время въ московскихъ кругахъ тенденции — «демократическими». Нужно сказать, что въ Москву съѣхалось въ зиму 1729—30 года чрезвычайно много представителей провинціального дворянства, что несомнѣнно содѣйствовало остротѣ и такъ сказать особенной яркости всего политическаго кризиса. И вмѣстѣ съ тѣмъ кризисъ этотъ обнаруживаетъ, что въ эту эпоху термины «Самодержецъ» и «Самодержавіе» стали пониматься уже въ смыслѣ абсолютизма. И именно этого-то абсолютизма и не хотѣли собравшіеся въ Москвѣ круги.

3.

Достаточно самого бѣглаго ознакомленія съ конституціонными проектами 1730 года, чтобы убѣдиться, что смыслъ всего движенія тогдашней «общественности» заключался въ расширеніи проекта верховниковъ. Что касается интенсивности самого движенія, то ее обнаруживаетъ большое количество чуть ли не ежедневно появлявшихся тогда новыхъ проектовъ. Собранное въ Москвѣ дворянство буквально ошалѣло отъ охватившаго его конституціоннаго зуда. Втеченіе пяти дней отъ 5 до 10 февраля въ Верховный Тайный Совѣтъ было представлено 8 такихъ проектовъ, но въ городѣ ихъ циркулировало гораздо большее число. Двѣнадцать изъ нихъ дошло до насъ. Они подписаны лицами, принадлежавшими ко всѣмъ разрядамъ дворянства. Черезъ всю эту литературу проходитъ красною нитью мысль о необходимости ограниченія абсолютизма, — но не олигархіей верховниковъ, а «общенародіемъ», что означало на языкѣ эпохи — совокупность всего дворянства, включая и «худородныхъ». Общій духъ проектовъ былъ весьма «демократиченъ». Предполагалось сдѣлать выборными всѣхъ чиновниковъ. Зимой 1730 года въ Москвѣ открыто говорили о парламентаризмѣ и даже о республикѣ. Любителями конституціонныхъ реформъ наводились, напр., справки о «Женевской конституціи» (Мардефельдъ, Берлинскій секретный архивъ).

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что, несмотря на весь этотъ внѣшній лоскъ европеизма и бывшія на устахъ кадетовъ того времени — внѣшне-прогрессивныя формулы, все общественное движеніе 1730 года было глубоко-этническимъ и, въ сущ-

ности, ретрограднымъ движеніемъ. Чтобы понять его истинную природу, не надо упускать изъ виду, что оно родилось — въ узко-націоналистической реакціи царствованія ими. Петра II. «Попытка верховниковъ» сыграла для конституціоннаго движенія 1730 года лишь роль дрожжей, отъ которыхъ поднялось тѣсто. Но причины движенія лежатъ гораздо глубже: онѣ заключались въ самой природѣ нашей анархической и центробѣжной, по самому своему существу, «общественности». И вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе это было продуктомъ реакціи темнаго этнизма и старо-московской оппозиціи — реформъ Петра.

Я не разъ уже отмѣчалъ, что разниа между славянофильствомъ и западничествомъ, этими, казалось-бы, непримиримыми врагами, а въ дѣйствительности кровными братьями, была, въ сущности, не такъ глубока. И было-бы странно, если-бы это было не такъ, ибо оба они — отъ одной и той-же анархической русской общественности. Интересъ историческаго эпизода, занимающаго насъ въ настоящее время, заключается отчасти именно въ томъ, что онъ показываетъ, какъ славянофильство и западничество, столь часто переливавшіяся незамѣтно одно изъ другого впослѣдствіи (Герценъ), уже сливались — еще, такъ сказать, не родившись. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ эпизодъ показываетъ, какъ легко принимали у насъ чисто этническія, материковыя, стихійныя теченія, и теченія къ тому-же глубоко реакціонныя и ретроградныя, — внѣшнюю форму чего-то весьма, казалось-бы, прогрессивнаго и слѣдующаго европейскимъ образцамъ: не символична-ли и не симптоматична-ли въ высшей степени — эта «Женевская конституція», долженствовавшая свести на нѣтъ дѣло Петра Великаго?

4.

Реакція темнаго этнизма и старо-московская оппозиція реформъ Петра тотчасъ-же поднимали голову, какъ только не стало Гиганта. При Петрѣ II онѣ достигли уже того, что Петербургъ былъ заброшенъ, и нельзя сомнѣваться, что по внѣшности либерально-прогрессивныя и европейскія поползновенія 1730 года, увѣнчавшяся они тогда успѣхомъ, не преминули бы вновь загнать Россію и въ иномъ смыслѣ въ старо-московскій тупикъ. Смыслъ царствованія имп. Анны Ивановны въ томъ и заключается, что оно отстояло въ Россіи Европу, что оно укрѣпило наше отечество на единственно-возможномъ Петровскомъ, Петербургскомъ, пути. Въ моментъ, рисковавшій стать трагическимъ, это именно оклеветанное царствованіе (мы имѣемъ въ виду легенду «Бироновщины», созданную значительно позднѣе и не выдерживающую строгой исторической критики) обнаружило истину, ставшую впослѣдствіи тради-

ціонной, а именно, что «въ Россіи правительство (т. е. Самодержавная Верховная власть) было всегда впереди народа» (Пушкинъ).

Кто-же отстоялъ, или, вѣрнѣе, создалъ (такъ какъ въ январѣ 1730 у насъ фактически не было никакого государственнаго строя) — русскій Императорскій абсолютизмъ? Кто вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть «борьбы за Самодержицу»? Кто совершилъ дѣйство 25 февраля? Его главными дѣятелями были: Остерманъ, Левенвольде, Корфъ, Альбрехтъ (нѣмцы) и Кантемиръ (молдаванинъ), а изъ русскихъ, по крайнѣй мѣрѣ, болѣе видныхъ, — лишь Сем. Андр. Салтыковъ и Теофанъ Прокоповичъ (да и то послѣдній былъ малороссъ). Корфъ, Левенвольде и Кантемиръ воздѣйствовали на умы и подготавливали общественное мнѣніе; главными исполнителями были Салтыковъ и Альбрехтъ, а тайною пружиною всего дѣла — Остерманъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на сильную агитацію, имѣвшую на своей сторонѣ святительскій авторитетъ Прокоповича, въ челобитной, поданной императрицѣ отъ дворянства 25 февраля, ни слова не говорилось о возстановленіи Самодержавія: напротивъ, хотя челобитная эта и была направлена противъ «кондицій» верховниковъ, въ ней было вмѣстѣ съ тѣмъ высказано пожеланіе, чтобы дворянству было разрѣшено созвать совѣщаніе для выработки основъ будущей формы правленія. Таково было настроеніе еще утромъ 25 февраля. Но Остерманъ лучше разсчиталъ соотношеніе находившихся въ дѣйствіи силъ, чѣмъ глава тогдашней нашей «общественности» кн. Черкасскій, подавшій Аниѣ Ивановѣ вышеизложенную петицію. Втеченіе нѣсколькихъ часовъ, въ которые собственно и происходила, среди собраннаго во дворцѣ дворянства, при громкихъ патріотическихъ возгласахъ гвардейцевъ, такъ называемая «борьба за Самодержицу», — положеніе рѣзко измѣнилось. Въ результатъ этого измѣненія императрица и разорвала «кондиціи». Такъ-то этотъ волевой жестъ Монархини получилъ значеніе символическаго акта, которымъ дѣйствительно у насъ было установлено Самодержавіе, въ смыслѣ неограниченной власти Монарха.

Весь этотъ эпизодъ показываетъ, насколько еще была слаба въ сознаніи русскаго общества того времени психо- и идеологія Самодержавія, въ смыслѣ абсолютизма. И этотъ очеркъ былъ бы неполонъ, если-бы мы не коснулись и другой стороны вопроса, т. е. того фактора, который всегда представлялъ въ Россіи — наиболѣе творческую и организующую изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ въ ея исторіи силъ и, какъ это ни звучитъ парадоксально, не только создалъ русскую побѣду, русскую культуру и русское великодержавіе, но и зажегъ въ сердцахъ русскую вѣру и выковалъ нашъ чудесный патріотизмъ XVIII и пер-

вой половины XIX вѣка и даже болѣе того: впервые возвысилъ насъ до націи, далъ намъ впервые національное лицо. Эпизодъ 1730 года какъ нельзя лучше показываетъ, въ частности, творческую роль европейскаго духа, вошедшаго въ тѣло Россіи въ лицѣ нашихъ служилыхъ иноземцевъ, — въ созданіи главнаго предусловія нашего великодержавія и нашего національнаго бытія, т. е. въ утвержденіи Императорскаго абсолютизма, а, слѣдовательно, и въ выработкѣ монархической, въ смыслѣ абсолютной власти, психологіи послѣдующихъ поколѣній. Само собою разумѣется, что иноземная генеалогія нашего государственнаго строя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣзко-монархической психологіи русскаго общества Петербургской эпохи, доказывается не эпизодами, подобными вышеизложенному. Тѣмъ не менѣе эпизодъ этотъ является многоговорящимъ символомъ историческаго, начавшагося еще со временъ Рюрика, воздѣйствія иноземныхъ вліяній и элементовъ на нашъ государственный строй. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ лишній разъ показываетъ, что въ Россіи монархія и Европа — синонимы.

5.

И потому-то такъ и важенъ въ нашей исторіи этотъ эпизодъ, что онъ представлялъ собою весьма критическій моментъ, если и не рожденія, то, во всякомъ случаѣ, опасной болѣзни роста нашего Самодержавія. Въ свѣтѣ вышенамѣченной исторической перспективы этотъ эпизодъ долженъ выступить особенно выпукло и ярко, какъ одинъ изъ характернѣйшихъ — всего нашего прошлаго. Это былъ, дѣйствительно, одинъ изъ самыхъ драматическихъ и рѣшительныхъ, одинъ изъ самыхъ отвѣтственныхъ моментовъ нашей исторіи. Въ немъ рѣзко столкнулись двѣ основныя силы, борьба которыхъ другъ съ другомъ искони творила нашу историческую судьбу: сила этнической хаотической бездны, представляемая нашей разрушительною и анархическою «общественностью», и сила европейско-христіанскаго творческаго устроенія, выразителемъ котораго былъ нашъ Самодержавный режимъ Императорской эпохи. Было бы очевиднымъ преувеличеніемъ сказать, что наша собственная этническая стихія была безусловно лишена всякихъ творческихъ и организирующихъ элементовъ. Такіе импульсы и элементы у насъ несомнѣнно были даже въ весьма отдаленные періоды нашей исторіи, ибо, не будь ихъ совершенно, изъ Руси не могло-бы создаться не только великой міровой державы, но даже и темной Московіи XV—XVII столѣтій. Но дѣло въ томъ, что наша этническая стихія заключала въ себѣ чрезвычайно мало такихъ элементовъ порядка и устроенія, и элементы эти были у насъ всегда крайне слабы и

разрозненны. Съ особенною наглядностью эта историческая черта выступила и въ кризисѣ 1730 года, который несомнѣнно имѣлъ-бы совершенно иной исходъ, и, слѣдовательно, совершенно иначе сложилась-бы послѣдующая судьба нашей государственности и нашей культуры, не дѣйствуя столь далеко-видно и рѣшительно сомкнутая фаланга Остермановъ, Левенвольде, Корфовъ и Кантемировъ, къ которымъ присоединилось, какъ мы уже отмѣтили, весьма немного русскихъ именъ. Нелзя забывать, что и гвардія, удѣльный вѣсъ которой разрѣшилъ, въ концѣ концовъ, втянувшійся кризисъ государственности, была въ то время еще полу-иноземнымъ учрежденіемъ — не только по духу, но и по личному составу: еще въ срединѣ XVIII вѣка было много полковъ, въ которыхъ иноземцы составляли до 70% всего офицерскаго состава, при чемъ немало иноземцевъ было и среди нижнихъ чиновъ. И какъ ни обидно это для нашего этническаго самолюбія (для нашего національнаго, въ истинномъ значеніи этого слова, самолюбія это не можетъ быть обидно, ибо наше отечество не Московская Русь, а Всероссійская Имперія), эпизодъ, который мы вспомнили въ настоящемъ очеркѣ, показываетъ намъ, что русскій имперскій и императорскій патріотизмъ выковался не князьями Черкасскими (политическими предками нынѣшнихъ князей Львовыхъ), а представителями западно-европейской психологіи и ментальности — Остерманами и Альбрехтами.

И какъ не отмѣтить, въ заключеніе, бросающагося въ глаза паралелизма между событіями 1730 года и нашими днями. Какъ и тогда, такъ и теперь вѣковѣчная русская Революція, будучи по существу силою анархической и глубоко ретроградной, склонна была принимать видъ чего-то стремящегося къ идеальнымъ и прогрессивнымъ цѣлямъ (тогда: власть — «общенародію»; теперь: вся земля — всему народу и т. п.). Какъ и тогда, такъ и теперь эта, отмѣченная самыми типическими этническими, подлинно русскими чертами, Революція принимала фальшивый тонъ европеизма и охотно рядилась въ западныя формы («Женевская конституція» въ 1730 году и «отвѣтственное министерство» въ 1916-мъ). Даже болѣе того: оба революціонныя движенія коренились, въ сущности и въ конечномъ итогѣ, на одной и той-же узко-націоналистической основѣ (старо-московская реакція эпохи Петра II, а съ другой стороны: развѣ мало націонализма, даже квасного патріотизма и милитаристическаго шовинизма въ пресловутомъ, «интернаціонализмѣ» большевиковъ?). А немного ранѣе: глубоко ретроградная, приведшая къ революціи и большевизму, т. е. къ первобытному варварству — безъисходно-сѣрая и безнадежно-провинціальная Государственная Дума! А между тѣмъ близорукому глазу долгое время могло казаться, что ея

дѣятельность была направлена на весьма прогрессивныя цѣли. И не прикрывалась-ли, какъ и въ 1730 году, эта разрушительная дѣятельность, запечатлѣнная всѣми типическими недостатками именно русской общественности, именно нашей этнической стихіи, такая «русская» душою, — что ни на есть, казалось-бы, самыми европейскими формами «партіи», «запросовъ», «бюджетныхъ преній», «большихъ дней», включительно до специально-думскаго жаргона всякихъ «кулуаровъ», «сеньорень-конвентовъ» и т. д.? Но всѣ эти и имъ подобныя аналогіи между событіями воцаренія имп. Анны Ивановны и дѣйствительностью нашего недавняго прошлаго можно продолжить и мыслить ихъ и въ нѣсколько иной плоскости. Въ самомъ дѣлѣ: подобно тому какъ націоналистическая реакція кратковременнаго царствованія имп. Петра II привела къ «кондиціямъ» и конституціоннымъ проэктамъ 1730 года, такъ и въ послѣдствіи, на нашихъ уже глазахъ, подобная-же націоналистическая (славянофильская) реакція послѣднихъ «сумеречныхъ» десятилѣтій привела насъ сначала къ 17 октября 1905 года, а потомъ и къ нынѣшней революціи.

И въ конечномъ итогѣ:

Съ какой стороны ни взять, наша «общественность» — какъ западническая, такъ и славянофильская, какъ революціонно-космополитическая, такъ и реакціонно-націоналистическая — всегда была стихіей анархической и глубоко антигосударственной. Таковою она была на зарѣ нашей исторіи (что можетъ быть въ этомъ отношеніи показательнѣе эпизода «призванія Варяговъ»?) и таковою-же она осталась до нашихъ дней. Но отсюда неизбеженъ одинъ выводъ, который еще не сдѣланъ, вѣрнѣе, еще не сознанъ вполне отчетливо именно тѣми, которымъ слѣдовало-бы раньше всѣхъ его сознать, а именно людьми порядка, партіями государственности. Вся наша исторія была сплошнымъ «призваніемъ Варяговъ», и въ настоящее время, когда въ корнѣ разрушена наша государственность, тѣмъ страннѣе ожидать, чтобы мы могли создать что-либо творческое и положительное изъ самихъ себя, т. е. изъ той-же «общественности», которая всегда только умѣла разрушать. Русская государственность была борьбою противъ этой общественности не случайно. Въ этой борьбѣ заключался ея главнѣйшій смыслъ. По самому существу этихъ во всемъ противоположныхъ другъ другу стихій — онѣ должны были быть и дѣйствительно всегда были кровными врагами.

1921.

Генеалогія русскаго Самодержавія и балансъ славянофильства.

1.

Эпизодъ «борьбы за Самодержицу» при воцареніи имп. Анны Ивановны затрогиваетъ довольно близко вопросъ о генеалогіи и идеологіи русскаго Самодержавія. Какъ извѣстно, въ немъ хотѣли видѣть исключительную и чуть-ли не одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ и принадлежностей «русскаго народнаго духа». Спѣшимъ отмѣтить сейчасъ-же, что, если и не въ смыслѣ славянофиловъ, наше «Самодержавіе» дѣйствительно всегда было, какъ оно продолжаетъ быть и въ наши дни, — историческою необходимостью, вызываемой главнымъ образомъ потребностью Россіи въ сильной сосредоточенной власти. Эта потребность ясно обнаруживалась уже въ эпоху Рюрика, а кризисъ Смутаго времени показалъ ее еще яснѣе, не говоря уже о великой Разрухѣ нашихъ дней. Слѣдуетъ замѣтить, что потребность эта отнюдь не находится въ противорѣчій съ основнымъ анархизмомъ нашей этнической стихіи. Напротивъ, потребность въ особенно рѣзкомъ очертаніи власти какъ разъ и вытекаетъ изъ этого анархизма. Она находится съ нимъ въ такой-же логической связи, какъ, напр., рѣзко очерченное стремленіе къ трезвости, не остановившееся у насъ въ 1914 году даже передъ столь радикальною мѣрою, какъ абсолютное воспрещеніе умѣренного даже употребленія крѣпкихъ напитковъ, — со всеобщимъ у насъ распространеніемъ пьянства, съ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что пьянство есть нашъ историческій порокъ... Но даже если не настаивать на этой и ей подобныхъ аналогіяхъ, которыхъ можно было-бы привести множество, намъ все-же представляется несомнѣнной — такъ сказать метафизическая необходимость Самодержавія для Россіи, съ самой вари ея исторіи. Оно всегда было ея мечтою, постоянно привлекавшимъ ее видѣніемъ, неотступно стоявшимъ передъ нею предметомъ стремленій, не говоря уже о томъ, что оно было для нея настоятельной практическою необходимостью

каждаго дня. Но все-же этотъ потенціалъ нашей исторіи былъ ея скрытымъ потенціаломъ.

Вспомнимъ ходъ конституціонной эволюціи древней Руси и Москвы, какъ онъ былъ установленъ работами Ключевского. Знаменитый историкъ показалъ, какъ власть удѣльныхъ князей надъ порядкомъ въ ихъ удѣлахъ и ихъ безсиліе (въ виду «права отъѣзда») предъ личностью подданныхъ постепенно и незамѣтно превратилась въ Москвѣ — въ почти неограниченную фактически власть Великаго Князя надъ личностью подданныхъ и ихъ столь-же полное безсиліе предъ утвержденнымъ въ странѣ порядкомъ вещей. Такъ-то «Самодержавіе» даже, напр., Ивана Грознаго было въ дѣйствительности лишь болѣзненной конвульсіей рождающагося абсолютизма. Съ точки зрѣнія Ключевского правленіе этого царя представляло не отрицаніе, а, напротивъ, полное подтвержденіе — «боярскаго режима». Что касается первыхъ Романовыхъ, то ихъ власть была такъ слаба — доходя, напр., при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ до капитуляціи передъ городскою чернью — что говорить объ абсолютизмѣ въ эту эпоху нашей исторіи уже совершенно не приходится. Въ дѣйствительности, до Петра и Екатерины, можно даже сказать: до Александра I и Николая I — Самодержавія, въ смыслѣ неограниченной власти русскихъ государей, строго говоря, вовсе и не было: реальную историческую формулу этой нашей національной, но отнюдь, не «племенной» мечты многихъ вѣковъ, этаго, будто-бы «византійскаго», по своему происхожденію, установленія — далъ лишь нашъ имперскій режимъ XVIII и первой половины XIX вѣка, т. е. дѣйствовавшій черезъ него духъ монархической Европы. Да, могущественный «царизмъ», бывшій важнѣйшимъ факторомъ величія и благосостоянія новой Россіи, этотъ съ одной стороны столь прославляемый, а съ другой — столь-же ненавистный царизмъ, всегда вызывавшій жестокое сопротивленіе со стороны нашей хаотической бездны и всякаго рода разрушительныхъ и центробѣжныхъ стремленій нашей анархической «общественности», былъ, подобно многимъ другимъ организующимъ силамъ новой Россіи, костью отъ кости и плотью отъ плоти — старой Европы. Поэтому-то ему, этому будто-бы азіатскому установленію, такъ легко и было сдѣлаться орудіемъ и проводникомъ европеизма: европейской организаціи, европейскихъ нравовъ, европейскихъ идей. И поэтому-то, какъ сказалъ Пушкинъ, правительство и было въ Россіи всегда впереди народа.

2.

Наше будто-бы специфически-русское, «самобытное», Самодержавіе, нашъ будто-бы византійско-московскій царизмъ

(эти двѣ характеристики вѣчно путаются у славянофиловъ и перемѣшиваются одна съ другой) — былъ, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ европейскимъ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ. И какъ разъ въ ту-же эпоху, когда онъ расцвѣлъ въ большинствѣ странъ Европы (XVIII вѣкъ), и у насъ окончательно консолидировалась и окрѣпла, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко прониклась просвѣтительными и прогрессивными стремленіями, — царская власть. Но сходство, или, вѣрнѣе, полное тожество и самой конструкции власти и ея функций и вообще историческаго дѣйствія въ Россіи и въ большинствѣ европейскихъ странъ — не ограничивается одною лишь эпохою «просвѣщеннаго абсолютизма». На самомъ дѣлѣ вся эволюція нашей государственности была, въ основныхъ своихъ чертахъ, вполне аналогична съ эволюціей центральной власти въ странахъ западной Европы: русская государственная власть, какъ она сложилась въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, была такимъ-же продуктомъ зачаточной «монархіи» Рюрика, какъ и ново-европейская монархія постепенно развилась изъ феодально-коммунальнаго строя эпохи Каролинговъ и Капетинговъ. Разница лишь въ томъ, что, въ то время какъ европейскія страны продѣлали эту эволюцію самостоятельно, въ Россіи, въ виду органической слабости и неустойчивости ея созидательныхъ элементовъ, она могла совершиться лишь подъ сильнымъ воздѣйствіемъ европейскихъ вліяній. Къ этой исторической — присоединяется и иная, весьма существенная, разница: въ Россіи, въ виду огромности ея территоріи и первобытнаго анархизма ея этнической стихіи, потребность въ рѣзко-очерченной, могущественной центральной власти всегда чувствовалась въ неизмѣримо большей степени, чѣмъ въ западно-европейскихъ странахъ, съ ихъ куда менѣе обширную территорію, съ ихъ природнымъ консерватизмомъ, съ ихъ хорошо дисциплинированную «общественностью» и тысячелѣтними традиціями и инстинктами древнихъ цивилизацій¹⁾. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ, какъ, напр., въ Англіи (въ виду ея островнаго положенія), а также въ такихъ, скорѣе коммерческихъ, чѣмъ государственныхъ, образованіяхъ, какъ Нидерланды, Нѣмецкіе «вольные города» и Итальянскіе городскія республики, потребность въ рѣзкомъ очертаніи единоличной власти чувствовалась еще слабѣе. Поэтому-то тамъ и могли уже весьма рано выработаться олигархически-аристократическія и даже демократическія учрежденія (сенатское управленіе и парламентаризмъ).

Но за сдѣланными оговорками государственная эволюція великихъ странъ Европы была вполне аналогична съ эволю-

¹⁾ Мы касались уже болѣе подробно этой темы въ очеркахъ Двѣ Россіи и Мы и Они.

цій государственной власти въ Россіи, и самое существо и характеръ верховной власти европейскихъ сувереновъ ничѣмъ не отличались отъ таковыхъ-же — русскихъ государей. Что касается эпохи «просвѣщеннаго абсолютизма», то власть нашихъ государей, наслѣдниковъ Петра Великаго, была ни менѣе ни болѣе абсолютной, чѣмъ державство современныхъ имъ европейскихъ властителей, и совершенно одинакова съ его природою была и ея природа. Ореолъ религіознаго освященія былъ присущъ политической власти европейскихъ сувереновъ ничуть не въ меньшей степени, чѣмъ власти московскихъ царей. Напротивъ, именно «нѣмецкій режимъ» наслѣдниковъ Петра создалъ у насъ ту психологическую атмосферу напряженнаго патріотизма, при которой стало всеобщимъ закономъ повиноваться царю — не только за страхъ, но и за совѣсть.

Эту-то особенность политической психологіи своей эпохи, т. е. начала XIX вѣка, и отнесли наши славянофилы, создавая свою теорію самобытнаго русскаго Самодержавія, — къ далекому прошлому XV—XVII столѣтій. Кромѣ этой ошибки во времени, они совершили и другую, а именно ошибку въ мѣстѣ: они приняли за исконно-русскій и, такъ сказать, специфически-русскій — чисто-европейскій, по своему происхожденію, продуктъ. Такъ-то и создалась противорѣчащая всѣмъ извѣстнымъ фактамъ — теорія самобытнаго русскаго Самодержавія, а вмѣстѣ съ нею получили у насъ право гражданства и другія, смежныя съ нею, теоріи и формулы, въ родѣ теоріи «средостѣнія» и формулы «Царь и народъ», принесшія въ историческомъ своемъ дѣйствіи, величайшій вредъ и Россіи и самому, прославляемому ими, Самодержавію.

3.

Слѣдуетъ отмѣтить, что исторически и самый титулъ «Самодержца», послужившій основою, на которой была впоследствии выткана теорія Самодержавія, первоначально вовсе и не выражалъ идеи абсолютности, неограниченности власти русскихъ государей: этотъ титулъ означалъ лишь суверенность, независимость ихъ власти отъ иноземнаго державства, т. е. въ немъ была заключена мысль о политической независимости Россіи, идея ея бытія, какъ независимаго отъ иностранной власти государства: такъ и въ наши дни король Эллиновъ имѣетъ титулъ *αὐτοκράτωρ*, хотя онъ отнюдь не является «самодержавнымъ» (въ смыслѣ абсолютности его власти) государемъ. Въ самомъ дѣлѣ, московскіе Великіе Князья приняли титулъ Самодержца, начиная съ Ивана III, провозгласившаго, какъ извѣстно, независимость Москвы отъ Золотой Орды. Правда, къ этому основному смыслу титула примѣшивался съ

самаго начала и другой, а именно — идея единства Русской земли (всёя Руси Самодержецъ). Въ этомъ послѣднемъ отношеніи титулъ Самодержца: во 1-хъ, отмѣчалъ — фактически существовавшее, начиная съ Ивана III, положеніе вещей (уничтоженіе удѣловъ); во 2-хъ же, онъ служилъ готовою программою дальнѣйшаго объединенія (Восточной Россіи съ западной, т. е. Малороссіей и Бѣлоруссіей). Но во всякомъ случаѣ — это всего лучше подтверждается перепиской Ивана Грознаго съ Курбскимъ — Самодержавіе московскихъ государей не только не было фактически абсолютизмомъ, но и не понималось ни ими самими, ни ихъ подданными, какъ таковой.

Въ вышеуказанномъ двойномъ значеніи русской независимости и русскаго единства, установившемся въ Москвѣ, «Самодержавіе» русскихъ государей перешло и въ Петербургъ. Традиціонный титулъ пользовался всеобщимъ престижемъ, но, крѣпко держась за него, ни подданные, ни сами государи не придавали ему никакого специфическаго значенія, въ смыслѣ характеристики особой природы національной Верховной власти. Вдобавокъ, Россія вѣками уже была независимымъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, объединеннымъ государствомъ, что отчасти и объясняетъ, почему старое значеніе титула понемногу забылось. Новое же не успѣло еще установиться. Такъ-то и создалось положеніе, при которомъ «Самодержавіе» стало освященной временемъ формулой безъ особаго реального содержанія. Лишь въ Правдѣ воли Монаршей Θεοφана Прокоповича, произведеніи, насквозь пропитанномъ западнымъ духомъ и появившемся какъ разъ въ эпоху, когда и на Западѣ расцвѣла идеологія просвѣщеннаго абсолютизма, — встрѣчаемся мы съ первымъ серьезнымъ опытомъ идеологіи русскаго Самодержавія и его конструкціи, какъ абсолютной власти. И лишь въ разсказанномъ уже мною эпизодѣ «борьбы за Самодержицу» при воцареніи Анны Ивановны идеологія русскаго Самодержавія, какъ власти абсолютной, проявилась въ первый разъ во внѣ. Лучше сказать, въ этомъ эпизодѣ, какъ и во всемъ кризисѣ, сопровождавшемъ избраніе имп. Анны, обнаружилось, насколько еще слаба была въ сознаніи русскаго общества того времени, несмотря на все величіе недавняго въ ту пору дѣла Петра Великаго, концепція неограниченной власти русскихъ государей.

Но эпизоды, подобные тому, который сопровождалъ воцареніе Анны Ивановны, какъ ни были они характерны, именно и были эпизодами, какъ и идеологія Θεοφановъ оставалась идеологіей, т. е. достояніемъ весьма малочисленныхъ, въ общемъ, круговъ. Русскіе государи и государственные люди Петербургскаго періода имѣли мало склонности къ разработкѣ политическихъ теорій. Они совершили большее и лучшее: они возвели свою страну въ положеніе величайшей міровой дер-

жавы; они укрѣпили всѣ политическія и соціальныя основы ея бытія; они создали великолѣпнѣйшую русскую армію XVIII и первой половины XIX вѣка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе государи Петербургскаго періода неукоснительно укрѣпляли главнѣйшее орудіе своихъ побѣдъ и достижений — неограниченную царскую власть. Въ XVIII вѣкѣ эта власть стала таковою фактически. Ея неограниченность была — всѣмъ извѣстною реальностью. Такое положеніе вещей вытекало изъ исторической обстановки и въ свою очередь создавало ее, т. е. создавало бытіе благоденствующей великодержавной страны. И хотя это положеніе удовлетворяло всѣхъ, или, можетъ быть, именно потому, что оно удовлетворяло всѣхъ, — о природѣ царской власти мало говорили въ то время. И сама Власть не любила подчеркивать своего абсолютнаго характера, не говоря уже о томъ, что ей совершенно была чужда идеологія Самодержавія, какъ особой самобытно-русской и специфически-русской формы правленія. Напротивъ, Александръ I, бывшій, можетъ-быть, самымъ самодержавнымъ въ дѣйствительности — изъ всего ряда нашихъ петербургскихъ Самодержцевъ, былъ не только самымъ европейскимъ изъ нихъ по духу, но даже любилъ порою принимать тонъ конституціоннаго Монарха. Это обстоятельство отнюдь не помѣшало пышному у насъ расцвѣту, какъ разъ при этомъ государѣ, того культа идеи царя и апофеоза его особы, которые являются особо характерными для русскаго патріотизма нашей «Великой эпохи» и вошли въ нашу великодержавную традицію. Что касается обрусѣнія европейскихъ идеи и практики Самодержавія, въ смыслѣ неограниченной власти нашихъ Монарховъ, то оно началось значительно позднѣе. И, въ сущности, оно совершилось только при имп. Александрѣ III и даже, можетъ быть, только при Государѣ Николаѣ II: въ томъ-то и дѣло, что русскій «царизмъ» сталъ въ наши дни совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

4.

Независимо отъ вышеизложенныхъ историческихъ фактовъ, въ глубокомъ внутреннемъ сродствѣ нашего «Самодержавія» съ европейскимъ и, въ частности, нѣмецкимъ «абсолютизмомъ» можно убѣдиться совершенно наглядно изъ одного примѣра, взятаго изъ нашихъ дней. Я хочу обратить вниманіе читателя на слѣдующее: стоило только померкнуть монархіи въ Германіи, какъ сейчасъ же заговорили о «византизмѣ» этой монархіи, причемъ имѣлись, очевидно, въ виду дѣйствительно бышія ей до конца присущими — слѣды абсолютизма (такъ называемый «кайзеризмъ»). Но спрашивается: не есть-ли этотъ, обращенный

къ германской Имперской власти, упрекъ въ «византизмѣ» — лучшее психологическое доказательство ея внутреннего сродства съ монархіей Русской? Не считалась-ли всегда классическою страной этого «византизма» — именно Россія? Да, «кайзеризмъ» и «царизмъ» представляли собою въ самомъ дѣлѣ не только два близкихъ другъ другу явленія, но, въ сущности, они были однимъ и тѣмъ-же явленіемъ. И именно этотъ-то фактъ разоблачается, лучше всякихъ разсужденій, приложеннымъ къ первому — крылатымъ словомъ: «византизмъ».

Но слѣдуетъ помнить, что если не желаешь исказить до неузнаваемости историческихъ явленій, то слѣдуетъ обращаться осторожно съ историческими терминами, которые къ этимъ явленіямъ прилагаются. Никому, въ самомъ дѣлѣ, изъ характеризовавшихъ, въ европейской прессѣ, Германскую монархію имп. Вильгельма II, какъ «византизмъ», не приходило въ голову — выводить эту монархію генетически изъ Византіи. «Византизмъ» новой Германской Имперіи былъ, въ устахъ произносившихъ этотъ терминъ, лишь метафорой, оборотомъ рѣчи, имѣвшими въ виду болѣе яркую характеристику нѣкоторыхъ ея чертъ. . . Но въ томъ-то и дѣло, что «византийская» теорія русскаго Самодержавія имѣетъ именно такое метафорическое происхожденіе. Поэтому-то она и не имѣетъ, въ качествѣ научной теоріи, никакой цѣны — хотя «византизмъ» и можетъ быть яркимъ и даже удачнымъ выраженіемъ для характеристики, какъ «кайзеризма», такъ и «царизма».

Какъ-бы то ни было, но въ разбираемомъ случаѣ «византизмъ» Германской монархіи какъ разъ подтверждаетъ европеевмъ монархіи Русской. Обѣ онѣ представляли собою — пусть нѣсколько видоизмѣненный и осложненный фактомъ представительныхъ собраній — ново-европейскій абсолютизмъ. При этомъ Германская монархія, т. е. нѣмецкія королевства эпохи просвѣщеннаго абсолютизма, послужила прототипомъ для Русской. Во всякомъ случаѣ, исторически Самодержавіе, въ томъ видѣ, какъ оно у насъ сложилось въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, не только было орудіемъ европеизма и проводникомъ европейскаго духа, но оно само сложилось подъ сильными европейскими вліяніями. Въ Россіи монархія и Европа всегда были синонимами, и наше «самобытное» Самодержавіе было, въ сущности, не чѣмъ другимъ, какъ продуктомъ «нѣмецкаго режима» наслѣдникомъ Петра Великаго. Оно было такимъ-же порожденіемъ этого режима, какъ его порожденіями были: русское социальное устройство и русскіе военные успѣхи, вообще русская побѣда и великодержавная роль Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, а также и главное орудіе этой побѣды — русскій, или, вѣрнѣе, Россійскій, имперскій патріотизмъ.

Но русскій Императорскій режимъ сталъ въ наши дни со-
всѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ еще полвѣка тому назадъ. И
извратило, ослабило его, подмѣнивъ его внутреннюю сущность
и живую природу, — не что иное, какъ именно славянофиль-
скія теченія, взявшія верхъ во второй половинѣ XIX вѣка.
Въ концѣ его славянофильство стало нашимъ официальнымъ
вѣроисповѣданіемъ, чуть-ли не повседневнымъ, обычнымъ ли-
цомъ официальной Россіи. Во всякомъ случаѣ, недалеко
было до этого. И тутъ-то постепенно и произошелъ, вмѣстѣ
съ измѣненіемъ направленія и самаго стиля государствен-
ной политики, подмѣнъ старой Петровской имперской идеи,
а вмѣстѣ съ нею — и всего характера нашей исторической
Власти. Россія обернулась лицомъ отъ Запада къ Востоку, отъ
духа старой Европы, преемника античной и христіанской цивили-
зации, — къ «самобытности». И только теперь, и такъ
сказать на нашихъ глазахъ, нашъ Императорскій абсолютизмъ
превратился, параллельно съ этимъ движеніемъ отъ Запада къ
Востоку, — въ «царизмъ», т. е. въ особое, будто бы вытекающее
изъ «народнаго духа», установленіе, въ специфическую «истинно-
русскую» форму власти, чѣмъ онъ раньше не былъ никогда.

Идеологія «самобытнаго» русскаго Самодержавія тѣмъ-то
и была вредна, что она отвратила взоры Россіи отъ дѣйстви-
тельнаго источника ея величія и могущества, даже болѣе того, —
ея органической жизни: европейскаго творческаго и органи-
зующаго генія. Этимъ самымъ она искривила, извратила всю
перспективу нашей исторической судьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ
поставила Россію въ чрезвычайно фальшивое положеніе, какъ
относительно себя самой, такъ и въ отношеніи ко всему Запад-
ному міру. Россія — нація, Россія — великая держава и Россія —
цивилизация — неотдѣлимы отъ Европы. Какъ нація, какъ госу-
дарственность и какъ культура, мы всегда были частью Европы.
Въ этомъ отношеніи мы всегда были и донинѣ остаемся ея
дѣтьми, ея законными сыновьями. Одинаковы съ европейскими
не только всѣ основы нашего культурно-національнаго бытія,
но и все наше историческое развитіе проходило какъ разъ
черезъ тѣ самые этапы (и приблизительно одновременно), какъ
и эволюція западно-европейскихъ странъ. Итакъ, если наше
національное развитіе совершалось по обще-европейскому исто-
рическому закону, то въ чемъ, спрашивается, заключалась и
заключается доселѣ разница между Западомъ и нами? Такая
основная черта отличія, и притомъ отличія огромнаго, — дѣйстви-
тельно существуетъ. Она заключается въ природѣ основного
этническаго субстрата, на которомъ возведена наша куль-
турная и національная надстройка. Мы были всегда едино-

сущны Европѣ, какъ нація и какъ культура — такъ было и до Петра, но это стало еще яснѣе послѣ Петра. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы были всегда ей чужды и поднесь остаемся ей чуждыми — какъ этническая стихія. На Западѣ эта стихія представляетъ наслѣдіе Римскаго міра, т. е. многихъ тысячелѣтій древне-восточныхъ и античной культуръ. У насъ-же ... у насъ никогда не было Римскаго міра, и Россія «еще только вчера родилась въ кочевой кибиткѣ скиѣ».

6.

Такимъ-то образомъ и становится яснымъ, что «самобытность», обоготворенная славянофилами, есть не что иное, какъ наша скиѣская бездна, ужасъ которой и заставилъ насъ нѣкогда обратиться къ варягамъ. Въ этой безднѣ — всѣ центробѣжныя стремленія, всѣ дезорганизующія силы, всѣ народныя безумства, вся «первобытность» нашей исторіи. И плоть отъ плоти и кровь отъ крови этого этническаго хаоса — есть наша проклятая Богомъ «общественность». Идеологи «самобытнаго» Самодержавія отправлялись несомнѣнно отъ мысли воввеличить царскую власть. Но они пошли невѣрнымъ путемъ и попали въ заколдованный кругъ. Самодержавіе только то и дѣлало, — и въ этомъ-то и заключался дѣйствительный смыслъ его бытія — что боролось съ нашей темной этнической стихіей. Между тѣмъ по «самобытной» теоріи выходило, что именно отъ ея духа — оно родилось. Такъ-то въ идеологии «самобытнаго» Самодержавія уже заключался *implicite* отказъ отъ Петербургской программы, т. е. отъ борьбы съ этнизмомъ, и, значить, его прославленіе. Начавъ съ Самодержавіемъ — «за здравіе», славянофилы въ дѣйствительности свели его дѣло — «за упокой». Ибо *entweder — oder*: нельзя прославлять одновременно и Самодержавіе и темную этническую бездну, которая всегда противостояла ему. Неумолимая логика жизни вывела изъ всего этого — увы! не только словеснаго — спора свое единственно возможное заключеніе: торжество славянофильской Реакціи привело къ усиленію «общественности», и, провозгласивъ «самобытность» первымъ членомъ своего символа вѣры, мы пришли туда, куда неизбѣжно должны были прійти, идя по этому пути: къ Революціи, къ большевикамъ, къ разрушенію Имперіи и націи, къ потерѣ своего христіанскаго лица и чуть-ли не всего своего духовнаго и матеріальнаго капитала.

7.

Изъ предъидущаго уже видно, что славянофильская идеология, обоготворивъ «самобытность», въ сущности, выталкивала

Россію изъ общества цивилизованныхъ націй. И здѣсь-то, т. е. въ области маждународныхъ отношеній, и сказалась скорѣ всего вся пагубность этого лжеученія. Именно славянофильство создало намъ въ Европѣ столько враговъ. Теорія «самобытнаго» Самодержавія была несомнѣнно агрессивна по отношенію къ Европѣ, и она оказалась чрезвычайно на руку всему тому на Западѣ, что было настроено недоброжелательно къ намъ. Всѣ эти враждебные Россіи элементы и силы не преминули съ жадностью наброситься на славянофильскіе лозунги и, подхвативъ ихъ, использовать всю теорію для своихъ собственныхъ цѣлей. Такъ-то создалась въ Европѣ, въ рѣп-данти славянофильской, — теорія «азиатскаго», «варварскаго» русскаго «царизма», и нетрудно видѣть, что она дѣйствительно была логическимъ выводомъ изъ первой. Теорія: царизмъ — азиатскій режимъ и связанные съ нею многочисленные предразсудки, столь же мало обоснованные, какъ и породившія ихъ славянофильскія тенденціи, были явленіемъ новымъ, и раньше даже самаго слова «царизмъ» не существовало ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ. И невыгоды новой «азиатской» теоріи намъ приходилось чувствовать, въ отношеніяхъ съ западными державами, на каждомъ шагу. Вспомнимъ Берлинскій конгрессъ, вспомнимъ колеблющееся, кисло-сладкое, а то и прямо враждебное, отношеніе къ Россіи всего міра (за исключеніемъ официальной Германіи) во время русско-японской войны. И сравнимъ это всеобщее недоброжелательство съ тѣмъ отношеніемъ, которое Россія встрѣчала въ Европѣ въ болѣе раннюю эпоху, напр., во времена Вѣнскаго конгресса. Несомнѣнно въ этомъ измѣненіи игралъ большую роль и происшедшій, въ послѣднія десятилѣтія, въ нашей внѣшней политикѣ — и опять таки подъ вліяніемъ славянофильской программы — сдвигъ (Восточный вопросъ, «панславизмъ»). Но неизмѣримо большее значеніе имѣла въ этомъ отношеніи самая психологическая атмосфера, среди которой приходилось дѣйствовать русской дипломатіи: Россія, именно официальная Россія, была кореннымъ образомъ опорочена, въ глазахъ Европы, предразсудкомъ «азиатскаго» режима, и это чрезвычайно затрудняло, стѣсняло всю нашу внѣшнюю политику. Созданію подобной атмосферы недоброжелательства несомнѣнно содѣйствовала и западническая Революція — вспомнимъ хотя-бы извѣстную поѣздку нашихъ кадетовъ въ Парижъ (1906 г.), имѣвшую цѣлью помѣшать заключавшемуся тогда займу. Но развѣ не находила и эта попытка, какъ и все вообще революціонное дѣйствіе нашей «общественности», прочнѣйшую опору въ славянофильской Реакціи? Впрочемъ, я не разъ уже замѣчалъ, что наши Реакція и Революція вели, хотя и разными путями, къ одному и тому-же результату — ослабленію Россіи... Какъ-бы то ни было, но рус-

ской дипломатіи приходилось работать въ тяжелой обстановкѣ, и не только въ странахъ, съ которыми у насъ происходило соперничество, но и среди союзниковъ, ибо Россія послѣднихъ десятилѣтій была, въ глазахъ Европы, немного «больнымъ человѣкомъ» (какъ когда-то Турція), въ виду своего «азиатскаго режима». Объ этомъ не говорили, на это иногда только намекали, наружно, совершенно неискренне, прославляя Россію и ея Власть, но подразумевали это — всегда. И до чего сильно было повсюду распространено это несправедливое и совершенно необоснованное предубѣжденіе, въ этомъ мы могли убѣдиться въ мартовскіе дни 1917 года, когда пала наша историческая власть, и весь міръ поспѣшилъ тотчасъ-же признать самованное и не имѣвшее никакихъ шансовъ удержаться — печальной памяти «Временное Правительство.»

Да, Европа не хотѣла русскаго царизма. Она его не понимала; она была предубѣждена и вооружена противъ него. Она была предубѣждена какъ разъ противъ той силы, которая изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ въ Россіи силъ — была ей наиболѣе сродни. Правда, столь-же антипатиченъ и непонятенъ, какъ и «царизмъ», — былъ ей и нашъ революціонный нигилизмъ. Но она совершенно не постигала, что единственный способъ уберечь и насъ и весь міръ отъ послѣдняго — заключается въ поддержаніи перваго . . . И именно славянофильскія тенденціи чрезвычайно затемнили для Запада ту истину, что всѣ творческія цѣнности жизни: нація, просвѣщеніе, культура, героическій порывъ, нравственное чувство, народный трудъ — были у насъ тѣснѣйшимъ образомъ связаны, какъ съ идеей, такъ и съ самымъ матеріальнымъ фактомъ существованія царя. И такъ какъ основной задачей Революціи было доказывать, что какъ разъ въ послѣднемъ заключалось главное препятствіе къ осуществленію вышеназванныхъ творческихъ цѣнностей, то Европа очутилась, въ борьбѣ двухъ силъ нашей «общественности», — какъ между двухъ огней. Удивительно-ли, что она не могла понять сущности этой борьбы, когда мы сами такъ долго ее не понимали, да и понимаемъ-ли еще — даже сейчасъ? Безспорно, и у насъ есть къ современной Европѣ — свой длинный счетъ. Когданибудь сочтемся. И тѣмъ скорѣе, чѣмъ скорѣе поймемъ, что вина въ этомъ европейскомъ недоразумѣніи съ «царизмомъ» падаетъ въ весьма значительной степени на наши славянофильскія тенденціи послѣднихъ десятилѣтій. Эти тенденціи и весь комплексъ славянофильскихъ идей вообще чрезвычайно ослабляли дѣйствіе Россіи въ международной сферѣ и уменьшали ея удѣльный вѣсъ. . . Теперь Россія разрушена и выкинута изъ мірового баланса. Что съ нею не считаются теперь, это вполне понятно и логично, хотя и можетъ поражать умы. Но не еще-ли поразительнѣе, что мы начали уже превращаться въ «больного человѣка»,

чуть-чуть не въ какую то страну второго сорта — еще будучи одною изъ первыхъ міровыхъ державъ, съ огромною арміей, съ сильнымъ флотомъ, со вполне налаженнымъ аппаратомъ власти, съ правильно устроенными финансами и блестящимъ экономическимъ будущимъ?

8.

Одинъ изъ геніальнѣйшихъ и наиболѣе чуткихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе православныхъ, русскихъ писателей, дописался однажды до такой фразы: Богъ есть собирательный геній народа. Этотъ случай показываетъ, насколько осторожно слѣдуетъ обращаться съ понятіемъ Божества и какъ легко впасть въ злоупотребленіе терминомъ «народъ», особенно въ русскомъ языкѣ, гдѣ это слово имѣетъ много значеній и притомъ крайне расплывчатыхъ и неопредѣленныхъ. Въ виду этого мнѣ и хотѣлось-бы, въ заключеніе, указать на нѣкоторую опасность любой идеологіи, отправляющейся отъ началъ «народа», «народности», «племени», «самобытности» и т. д. Дѣло въ томъ, что мы не успѣли еще выработать своего русскаго слова для означенія «націи» — фактъ далеко не случайный, какъ не случайно и то, что и самое слово «нація» у насъ далеко еще не обрусѣло. Поэтому, насколько это понятіе вообще присуще нашей ментальности, намъ невольно приходится его выражать, если мы желаемъ употребить коренное русское реченіе, словомъ народъ. Опасность-же этого слова заключается отчасти и въ томъ, что «народное» чрезвычайно склонно пониматься, какъ простонародное, и такимъ образомъ отъ возвеличенія «народнаго» къ возвеличенію простонароднаго — одинъ шагъ. Въ эту-то діалектически-психологическую ловушку и попали и ушли съ головой славянофилы.

... Ты — народъ, да не тотъ:

Править Русью призванъ только черный народъ!

То по старой системѣ — всякъ равенъ,

А по новой — лишь онъ полноправенъ...

Вотъ диктатура пролетаріата и торжество простонароднаго, провозглашенныя еще за 50 лѣтъ до Ленина и Троцкаго, и притомъ въ прямой філіаціи со славянофильскими идеями. И нынѣ править Русью, разумѣется, не «пролетаріатъ» и не «черный народъ». Но слѣдуетъ отличать идеологію большевизма отъ практики большевиковъ, особенно позднѣйшей ихъ практики. Я здѣсь говорю исключительно о первой. Я, конечно, не оспариваю, что народничество имѣло и западническую генеалогію — новое доказательство единосущности нашихъ Реакціи и Революціи. Но нельзя спорить и противъ

того, что, разъ мѣриломъ всего являются «тайники народнаго духа» и все не-простонародное есть «средостѣніе», эти «тайники» должны находиться именно у простонародья, и, значитъ, ему и книги въ руки. Итакъ отъ славянофильской идеологіи къ провозглашенію только что цитированныхъ стиховъ — путь совершенно прямой.

И какъ все это, вмѣстѣ взятое: и славянофильство и западничество и стихія «простонароднаго» — далеко отъ «націи» и всѣхъ связанныхъ съ нею творческихъ цѣнностей жиѣни. Бѣдности соціальной структуры — въ ней и заключался общій идеаль славянофильства и западничества — должна неизбѣжно соотвѣтствовать и бѣдность національной культуры. И мы дѣйствительно видимъ, что и славянофильство и западничество — оба они отдаляли насъ отъ «націи», къ которой приближала насъ Имперія. Можно быть какого угодно мнѣнія о пользѣ или вредѣ, красотѣ или безобразіи «диктатуры пролетаріата». Но слѣдуетъ помнить, что «простонародное» никогда не составляетъ націи. Соціалисты въ этомъ отношеніи вполне послѣдовательно отвергаютъ ее. Пусть и у соціалистовъ пролетаріатъ играетъ роль какъ-бы мессіаническаго класса, долженствующаго спасти міръ. Но во всякомъ случаѣ, начало его спасительной миссіи — такъ, по крайней мѣрѣ, представляется дѣло по классической теоріи соціализма — приурочивается къ эпохѣ вполне законченнаго культурно-экономическаго развитія челоѣчества, когда жатва такъ сказать уже поспѣетъ...

Но вернемся къ «простонародному». Оно не только не составляетъ націи, но вообще оно не можетъ создать ничего: ни государства, ни культуры, ни воли къ общему дѣйствию, ни даже языка. Простонародное — это: «мы — калуцкіе». Нація же, хотѣли-бы мы этого или не хотѣли и какъ это ни претитъ нашему «демократическому» чувству или предразсудку, и создается и живетъ не-простонароднымъ.¹⁾ Гдѣ же не-простонародное отсутствуетъ, или въ немъ недостаточно силы сцѣпленія и притяженія, или его вообще численно мало, тамъ нѣтъ и націи, тамъ всегда вялъ и немощенъ національный порывъ. Ибо нація

¹⁾ Въ тѣсной связи съ этою особенностью «націи» находятся ея наиболѣе яркіе, проникающіе все ея существо, признаки: градація и отборъ. Именно въ послѣднихъ заключается ея живая душа и настоящая суть. При этомъ градація мыслима въ понятіи и явленіи «націи» въ двухъ различныхъ направленіяхъ: во 1-хъ, въ отношеніи двухъ или нѣсколькихъ «націй» между собою: однѣ изъ нихъ могутъ быть въ большей степени «націями», другія — въ меньшей; но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ предѣлахъ каждой отдѣльной націи возможны степени принадлежности къ ней. Соотвѣственно съ этимъ, новѣйшій изслѣдователь историко-философскихъ основъ «націи» — Николай Бубновъ (Гейдельбергъ) и называетъ это понятіе — ярко-аристократическимъ (см. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Band 51, Heft 1). Въ этой интереснѣйшей статьѣ

не только не есть просто народное, но она не есть даже — общенародное. Отдадим себѣ полный отчетъ въ томъ, что она, въ известномъ смыслѣ, вообще не есть «народное». Она есть — нѣчто сверхъ-народное.

9.

Я уже намекалъ на то, что трудность въ опредѣленіи и разграниченіи націи и смежныхъ съ нею понятій «народа», «племени», «населенія» и т. п. заключается для насъ, русскихъ, отчасти въ самомъ нашемъ языкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, во французской, напр., ментальности «нація» совершенно сливается съ «государственностью», подобно тому какъ самыя слова *la nation* и *l'État* суть почти синонимы. Лучше сказать, эти слова характеризуютъ двѣ стороны — внутреннюю и внѣшнюю — одного и того же понятія: *la nation* есть душа и живая сила *État*, а *l'État* есть функція *nation*; другими словами — *la nation* есть организмъ, а *l'État* — механизмъ государства. Но намъ, за неимѣніемъ въ русскомъ языкѣ слова, соотвѣтствующаго французскому *nation*, приходится выражать это понятіе словомъ «народъ». Между тѣмъ у насъ «народъ» и «государство» не только не синонимы и не только не смежныя и не дополняющія другъ друга понятія, но между ними часто бываетъ — и въ жизни и въ мышленіи — полный разрывъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и именно вслѣдствіе отсутствія въ нашемъ языкѣ собственнаго слова для обозначенія понятія «нація», кое-что изъ этого понятія перелилось въ слово народъ. Отсюда-то и получается двойственное и даже тройственное значеніе этого слова (и самаго понятія) въ русскомъ языкѣ. Оно выражаетъ и національную потенцію, национальное соединеніе (всегда съ большою натяжкою) и вмѣстѣ съ тѣмъ означаетъ: съ одной стороны русское племя, а съ другой — населеніе Россіи. Послѣднее значеніе и есть, конечно, — первоначальный смыслъ западно-европейскихъ *peuple*, *popolo*, *people*: всѣ эти реченія обозначаютъ то, что нарождается, что населяетъ данную страну, т. е. они представляютъ собою прежде всего — фізіологическіе термины. «Нація» же есть нѣчто идеальное, нѣчто духовное. Но дѣло въ томъ, что въ западно-европейскихъ языкахъ, отчасти по общимъ причинамъ, лежащимъ въ самой природѣ

находимъ между прочимъ и слѣдующую цитату изъ Lagarde'a. Послѣдній является рѣшительнымъ сторонникомъ взгляда, что выраженіе «нація» имѣетъ въ виду не массу народа, но болѣе или менѣе крупную группу избранныхъ личностей, духовную аристократію. «Вопреки господствующему мнѣнію, говоритъ онъ, нація не состоитъ изъ милліоновъ; онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ людей, сознающихъ національныя задачи и именно поэтому способныхъ — ставъ впереди нулей, обратить ихъ въ дѣйствительную величину.»

западной ментальности (благодаря которым она и создала понятие и слово «нація»), отчасти-же вследствие самого факта, что крупные государства Европы суть государства одноплеменные, эти речения суть вмѣстѣ съ тѣмъ почти синонимы словъ *la nation, la nazione, the nation*. Въ западныхъ языкахъ замѣнять ихъ одно другимъ бываетъ большею частью довольно безопасно. Въ самомъ дѣлѣ, выраженія: население Франціи, французскій народъ и французская нація — означаютъ почти одно и то же. У насъ-же, напротивъ, население Россіи означаетъ совсѣмъ не то же, что русское племя. И вдобавокъ оба эти понятія вовсе не покрываются третьимъ: «русская нація». Это-то обстоятельство еще сильнѣе усугубляетъ выше мною отмѣченный разрывъ между нашими понятіями «народа» и «государства». И въ то время какъ, напр., во французской ментальности, какъ и въ самой практикѣ французской жизни, «національное» настолько сильно, что оно гнетъ этническое, племенное даже въ его законной области (это чувствуетъ даже нашъ языкъ — не смѣшно-ли, въ самомъ дѣлѣ, сказать: французское племя?), мы не только не создали своего собственнаго слова для выраженія идеи «націи», но, перенеся къ себѣ это слово изъ европейскихъ языковъ, не замедлили значительно исказить его смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, немного онаціоналивавъ, какъ я выше отмѣтилъ, наше слово «народъ», мы вмѣстѣ съ тѣмъ сильно онародили европейское понятіе «нации».

Все это, конечно, такъ сказать — «теорія». Но эта теорія имѣетъ огромнѣйшее практическое значеніе, такъ какъ языкъ имѣетъ большую власть надъ человѣкомъ. Она вообще показываетъ въ живомъ словѣ, что изъ «народа» націю построить нельзя, что она есть нѣчто сверхъ-народное. Она можетъ порою совпадать съ народнымъ — имѣя все-же отдѣльное отъ него бытіе; но она можетъ и вовсе съ нимъ не совпадать. Болѣе того: въ «націи» есть и элементы прямо анти-народные, если подъ «народнымъ» разумѣть племенное. Нація прямо отрицаетъ племя, и переходъ къ ней возможенъ лишь послѣ отказа отъ него. . .¹⁾

¹⁾ Въ этомъ пунктѣ мы расходимся довольно существенно съ авторомъ выше цитированной философіи націи. Отличіе ея отъ «народа» опредѣляется г. Николаемъ Бубновымъ слѣдующимъ образомъ: «народъ есть общественное соединеніе, объединенное общими живыми формами, напр., языкомъ и общимъ складомъ жизни; такое соединеніе становится націей только въ томъ случаѣ, когда его члены воодушевлены кромѣ того общею волею, направленною на осуществленіе извѣстныхъ цѣнностей». Такимъ образомъ «нація» является съ этой точки зрѣнія тѣмъ-же народомъ + извѣстнаго рода X. Намъ-же представляется, напротивъ, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда «національное» совпадаетъ съ «народнымъ» (такіе случаи несомнѣнно есть), оно все-же имѣетъ отдѣльное и вполне назависимое отъ послѣдняго бытіе, т. е. что и въ этихъ случаяхъ

Но если все это и теорія, то въ чемъ-же, спрашивается, заключается подлинная русская реальная практика этой, соглашающейся, затянувшейся терминологіи? Кто создалъ, взлелѣялъ и вскормилъ русскую націю? Кто вдохнулъ въ нее жизнь и кѣмъ она была жива, поскольку она вообще была — уже законченнымъ созданиемъ? Не ясно-ли, что нашу націю составляла не «Великороссія» и даже не «русское племя»? Не ясно-ли, что наша нація не только олицетворялась, но и была создана Имперіей и жила и дышала исключительно ею? что она была у насъ не чѣмъ инымъ, какъ ея синонимомъ? что Имперія и была нашей націей, что только она и давала намъ національное лицо? . . Впрочемъ, законъ рожденія націи данъ разъ навсегда въ образѣ совершеннѣйшемъ. *Civis Romanus sum* — націю рождаетъ не кровь, а право гражданства, или, что тоже, побѣда. Объ этой-то ПОБѢДѢ — духовной, культурной и политической — мы должны думать денно и ночью, если желаемъ возстановить Россію.

1921.

«народъ» является лишь кажущейся основой «націи». Съ другой стороны нашъ авторъ самъ приводитъ прекрасный примѣръ полного несовпаденія «народнаго» съ «национальнымъ», указывая на Швейцарію, въ которой единое національное тѣло покоится на четырехъ разнородныхъ основаніяхъ. И пусть примѣръ Швейцаріи не представляется намъ «исключеніемъ»! Не иначе происходило дѣло съ великими «націями» древности: Вавилономъ, Персіей, «эллинстической» націей Востока и самимъ Римомъ. Не иными были, въ болѣе позднее время, «націи» ислама, Священной Римской Имперіи и — почти на нашихъ глазахъ — иной Имперіи: Всероссійской. Насъ могутъ смущать въ этомъ отношеніи «национальныя» государства современной Европы. Но, во первыхъ, всѣмъ этимъ государствамъ (кромѣ Франціи) съ исторической точки зрѣнія, — безъ году недѣля; во вторыхъ-же, сама ихъ «национальная» (въ смыслѣ «народной») основа есть въ 9 случаяхъ изъ 10 — сплошное недоразумѣніе. Но даже и въ этихъ государствахъ, именно въ наиболѣе «национальномъ» и, въ сущности, даже единственномъ дѣйствительно національномъ изъ нихъ — Франціи — «нація» рождается лишь послѣ отказа отъ «народной» основы: «французъ» начинается лишь тамъ, гдѣ кончается бретонецъ, баскъ или провансалецъ. Это-то и показываетъ, что «народъ» никогда не можетъ служить основой для «націи». . . Правда, въ Германіи можно быть пруссакомъ, баварцемъ, швабомъ, саксонцемъ и одновременно — нѣмцемъ. Но и это обстоятельство отнюдь не можетъ дать повода къ выведенію «націи» изъ «народа». Новонѣмецкая нація (Бисмарковская Имперія) была лишь въ процессѣ образованія, даже — лишь въ начальныхъ стадіяхъ этаго, происходившаго интенсивно только въ Пруссіи, процесса. Поэтому-то «нѣмецъ» и есть, строго говоря, гораздо въ меньшей степени имя націи, чѣмъ просто собирательное имя для обозначенія нѣкоторыхъ европейскихъ — и населяющихъ вовсе не одну только Германію — племенъ. И отсутствіе конфликта между понятіями «нѣмца» и, напр., «баварца» служить аргументомъ не въ пользу, а, наоборотъ, противъ бытія Германіи, какъ «націи». Начало рожденія послѣдней именно и состоитъ въ конфликтѣ между «нѣмцемъ» и «баварцемъ» (какъ и во Франціи — между «французомъ» и «бретонцемъ») Но данный вопросъ осложняется въ Германіи еще и тѣмъ, что отдѣльныя ея части — болѣе всего Пруссія — были, можетъ быть, даже остаются

Двѣ Россіи и Украинскій вопросъ.

А о Петрѣ не думайте: была-бы жива
Россія.

Изъ Полтавскаго приказа Императора
Петра Великаго.

1.

Вопросъ объ «украинскомъ» языкѣ возникъ, по чисто политическимъ причинамъ, еще во второй половинѣ XIX вѣка; онъ тлѣлъ втеченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, не угрожая рѣшительно никому и ничему — такъ «искусственно» было все это порожденіе графа Стадіона. И хотя нынѣ онъ столь-же неожиданно, сколь и бурно, разгорѣлся на нашихъ глазахъ — подъ громъ русской революціи, все-же можно рѣшительно утверждать, что въ этомъ вопросѣ не заключается никакой филологической загадки или проблемы. Изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что я далеко не во всемъ и не всегда слѣдую взглядамъ нашихъ унитаристовъ. Но чтобы избѣжать упрека въ какомъ-либо «великорусскомъ» пристрастіи, я все-таки начну съ того, что переведу весь вопросъ на абсолютно-нейтральную почву... французской грамматики. Вотъ что мы читаемъ на стр. 4 грамматики Larive et Fleury (*La troisième année*):

въ извѣстной степени доселѣ — настоящими націями. Такимъ образомъ для созданія нѣмецкой «націи» необходимъ отказъ не только отъ «племени», но и отъ прежнихъ государственныхъ образованій... Во всякомъ случаѣ, если примѣръ новой Германіи что-нибудь и показываетъ въ интересующемъ насъ вопросѣ, то онъ именно и обнаруживаетъ самымъ яркимъ образомъ трудность возведенія націи на «народной» основѣ... Само собою разумѣется, что эти бѣглыя замѣчанія имѣютъ всего менѣе цѣль — умалить въ какой-бы то ни было степени значеніе образцовой работы г. Бубнова, представляющей собою едва-ли не первую попытку систематической философіи націи. Наши замѣчанія преслѣдуютъ лишь цѣль — обратить на данную проблему особое вниманіе. Она несомнѣнно получить первенствующее и въ высшей степени актуальное значеніе въ будущемъ строителствѣ не только Россіи, но и всей Европы вообще. Поэтому-то мы и считали полезнымъ указать и на тѣ стороны вопроса, которыя авторъ оставилъ — можетъ быть, намѣренно — въ тѣни.

On appelle langue le parler propre à une nation.

On appelle dialecte le parler d'un pays étendu, ne différant des parlers voisins que par des changements peu importants, qui n'empêchent pas qu'on ne se comprenne de dialecte à dialecte.

Remarque historique. — Un dialecte ne tombe à l'état de patois que quand un autre dialecte de la même langue devient tout à fait prépondérant par suite d'un grand développement littéraire provoqué habituellement par les circonstances politiques. C'est une erreur de considérer les dialectes comme des altérations d'une même langue. La langue littéraire d'une nation n'est qu'un de ses dialectes, qui est parvenu à acquérir la préséance sur tous les autres. Dès que cette langue littéraire s'est formée, dès qu'elle est née d'un dialecte, les autres dialectes congénères, déchoient et ne sont plus que des parlers locaux usités seulement dans la conversation, ou employés par les poètes et les écrivains provinciaux¹⁾.

И далѣе, говоря о превращеніи діалекта Ile de France во французскій языкъ, авторы грамматики прибавляютъ: ce dernier (т. е. діалектъ Ile de France) s'étant élevé à la dignité de langue littéraire de la France, les trois autres (т. е. le Bourguignon, le Picard и le Normand) sont devenus de simples patois²⁾.

Все это писано задолго до нашей революціи, писано тогда, когда и самого «украинскаго» вопроса еще не возникало въ сколько нибудь серьезной формѣ. И все это можетъ быть цѣликомъ отнесено — точка въ точку, буква въ букву, черточка въ черточку — и къ «украинскому языку». Онъ не есть даже діалектъ: онъ просто patois.

¹⁾ Языкомъ называютъ говоръ, свойственный цѣлой націи.

Діалектомъ (нарѣчіемъ) называютъ говоръ, распространенный въ какой-либо обширной области и лишь незначительно отличающийся отъ сосѣднихъ говоромъ, такъ что говорящіе на разныхъ діалектахъ понимаютъ другъ друга.

Историческое замѣчаніе. Въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ нѣсколькихъ родственныхъ діалектовъ получаетъ явное преобладаніе вслѣдствіе значительнаго литературнаго развитія, вызываемаго обыкновенно политическими обстоятельствами, всѣ остальные діалекты того-же языка обращаются въ patois (просторѣчіе). Діалекты вовсе не суть измѣненныя формы одного и того-же языка. Литературный языкъ націи есть лишь одинъ изъ ея діалектовъ, достигшій первенства между всѣми остальными. Лишь только этотъ литературный языкъ сформировался, лишь только онъ родился изъ какого нибудь діалекта, остальные родственные діалекты приходятъ въ упадокъ. Они сохраняютъ лишь значеніе мѣстныхъ говоромъ, которыми пользуются только въ разговорѣ и которые употребляютъ лишь провинціальныя писатели и поэты.

²⁾ Когда этотъ послѣдній (т. е. діалектъ Иль-де-Франса) возвысился до значенія литературнаго языка Франціи, три остальныхъ (т. е. бургундскій, пикардскій и норманскій діалекты) обратились въ простые patois (просторѣчіе).

Филологическій вопросъ объ «украинскомъ» языкѣ абсолютно и кристалически ясенъ. Но въ этомъ вопросѣ было (съ обѣихъ сторонъ) столько напутано, столько было привнесено въ него лишняго и ненужнаго, и самый споръ происходилъ въ атмосферѣ столь ложныхъ этнологическихъ, культурно-историческихъ и филологическихъ предпосылокъ и находился подъ властью столь многочисленныхъ предразсудковъ, столько было внесено въ него — главнымъ образомъ съ «украинской» стороны — натяжекъ, намѣренной темноты, умолчаній и прямыхъ фальсификацій, что мнѣ все-таки придется разсмотрѣть нѣкоторые основные элементы вопроса.

2.

Я начну съ самаго термина, который украинисты ставятъ краеугольнымъ камнемъ всей своей постройки: Украина, украинскій, украинцы. Этотъ терминъ былъ имъ внушенъ стремленіемъ возможно рѣзче, въ самомъ имени, отдѣлить, обособить себя отъ остальной Россіи. Начальная, Стадіоновская, фаза «украинства» протекала, какъ извѣстно, подъ знакомъ «рутенизма» (Rutheni и Ruthenia — въ противоположность Russi и Russia). Но такъ какъ этотъ лозунгъ былъ явно недостаточенъ для цѣлей движенія¹⁾, то пришлось его замѣнить другимъ,

¹⁾ Обособленіе «Русиновъ» (Rutheni) и противопоставленіе имъ «Русскихъ» являются, съ точки зрѣнія русскаго языка, явной нелѣпостью. Частица *ин* является въ словѣ *рус-инъ* не чѣмъ инымъ, какъ суффиксомъ единственнаго числа (ед-инъ, одинъ = *unus*). Множественное число отъ *руси* нѣ будетъ не *русины*, а *рус-скіе* (или *Русь*). Послѣдній терминъ употребляется и въ территориальномъ («Русская Земля») и въ собирательномъ смыслѣ: люди, живущіе въ этой землѣ. Таково словоупотребленіе всѣхъ нашихъ древнихъ памятниковъ. Встрѣчаются въ нихъ, для обозначенія «русскихъ», и другіе термины, напр., «Русичи»; но, во всякомъ случаѣ, не «русины». Всѣхъ этихъ тонкостей русскаго языка, конечно, не знали средневѣковые западно-европейскіе латинисты, создавшіе слово *Rutheni*. Они слышали имя «Русинъ» (въ единственномъ числѣ) и передали его фонетически довольно близко: *Ruthenus*. А отъ *Rhuthenus* нельзя было по латыни иначе образовать множественнаго числа, какъ *Rutheni*, тѣмъ болѣе, что во всей этой передачѣ они, въ сущности, воспользовались уже существовавшимъ въ латинскомъ языкѣ словомъ: имя *Rutheni* встрѣчается уже у Цезаря — для обозначенія одного изъ племенъ Галліи. А отъ названія *Rutheni* уже само собою образовалось *Ruthenia*, какъ имя занимаемой этимъ народомъ территоріи. Но вотъ что важно: ни названіе народа *Rutheni*, ни имя территоріи *Ruthenia* никогда не относились, въ средневѣковой латыни, исключительно къ южно-русскому народу и занимаемой имъ территоріи, т. е. къ тому что, «украинская» пропаганда выдѣляетъ нынѣ изъ остальной Россіи. Напротивъ, оба термина относятся въ памятникахъ ко всему русскому народу, ко всей Русской землѣ, т. е. одинаково къ сѣвернымъ и къ южнымъ (относимымъ нынѣшней пропагандой къ «Украинѣ») ея частямъ. Такъ папа Юлій III называетъ въ 1550 году Ивана Грознаго — *universorum Ruthenorum*

болѣе радикальнымъ: пришлось выдумать новую, несуществующую, страну — «Украину» и населить ее особымъ «украинскимъ народомъ», говорящимъ на особомъ, вполне равномъ съ русскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне отъ него отличнымъ, — «украинскомъ языкѣ».

Что же такое есть «Украина»?

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что это есть, въ первоначальномъ своемъ значеніи, не собственное, а нарицательное имя. Само по себѣ это не могло-бы еще служить — въ этомъ не даютъ себѣ яснаго отчета наши унитаристы¹⁾ — возраженіемъ противъ «украинскихъ» теорій. Многія названія отдѣльныхъ мѣстностей и цѣлыхъ странъ, а также племенъ и народовъ, — были первоначально нарицательными именами. Въ древности такія, чисто нарицательныя, этимологіи названій странъ и народовъ, можно думать, даже преобладали. Онѣ вполне ясны въ такихъ, напр., наименованіяхъ, какъ Аркадія (страна медвѣдей), Антропофаги («людоѣды») и Гипербореи («живущіе за сѣвернымъ

imperator. Изъ этого видно, что Ruthen'ами были и обитатели центральной и восточной Россіи — они то и были подданными Грознаго, а то, что нынѣ украиноманы называютъ «Украиной», не было даже подвластно ему. И силы этого аргумента нисколько не ослабляетъ то, что *universorum Ruthenorum* стало, въ извѣстную историческую эпоху, переживаніемъ (см. стр. 116) А съ другой стороны именемъ *Rutheni* назывались и жители сѣверо-западныхъ русскихъ областей: такъ титулъ Гедимина былъ — *rex Litvinorum et Ruthenorum multorum*. Выраженіе-же *Ruthenia* встрѣчается въ латинскихъ памятникахъ вообще крайне рѣдко. Слѣдуетъ также отмѣтить, что, наряду съ названіями *Ruthenia* и *Rutheni*, весьма часто встрѣчаются въ памятникахъ и выраженія: *Russia*, *Russi*, *Ruzi* и *Rusci*. Такъ мы узнаемъ изъ западныхъ хроникъ, что къ императору Отону I прибыли *legati Hellenae* (христианское имя княгини Ольги) *reginae Rusorum*. Въ 1006 году нѣмецкій миссіонеръ Бруно былъ въ Кіевѣ у Св. князя Владиміра. Онъ называетъ его, въ письмѣ къ императору Генриху II, — *senior Rusorum*. Въ 1075 г. папа Григорій VII называетъ князя Изяслава — *rex Rusorum*. Всѣ названные русскіе государи правили именно изъ «Украины» — украинисты и считаютъ ихъ «украинскими» государами. Но цитированные документы показываютъ вполне ясно, что народъ, которымъ они правили, былъ не «рутенскимъ» (онъ, конечно, былъ и не украинскимъ), а русскимъ народомъ, т. е. что *Rutheni* и *Russi* суть исторически полные синонимы. И то же можно сказать и объ имени территоріи. Вся русская территорія, т. е. со включеніемъ и «Украины», называется въ западныхъ памятникахъ не только *Ruthenia*, но и *Russia*. Такъ булла папы Гонорія III адресована *universis regibus Russiae*.

¹⁾ Данный, не особенно серьезный, унитаристскій аргументъ весьма усиливаютъ сами украинисты, усиливаютъ тѣмъ, что отвѣчаютъ на него явнымъ подлогомъ. Такъ, желая доказать во что-бы то ни стало особую «древность» своей терминологіи, они ссылаются на два мѣста Кіевской и Галичской лѣтописи, гдѣ, подъ 1187 и 1213 годами, слово «украина» употреблено будто-бы уже въ значеніи «собственного» имени. Но достаточно прочесть внимательно оба эти мѣста, чтобы видѣть, что слово «украина» является тамъ въ смыслѣ нарицательнаго имени (приграничная мѣстность), т. е. что эти два мѣста не только не подкрѣпляютъ, но прямо опровергаютъ «украинскую» теорію.

вѣтромъ»). Но онѣ несомнѣнны и въ цѣломъ рядѣ другихъ названій италійскихъ, балканскихъ, кельтскихъ, германскихъ и иныхъ племенъ. Подобныя «нарицательныя» этимологіи заходятъ и въ болѣе новое время (напр., Лангобарды = длиннобродные). Даже имена нѣкоторыхъ современныхъ странъ и народовъ имѣютъ въ своей основѣ однородные-же этимологическіе факты. Такъ существуетъ — правда, не безспорная — теорія, по которой первоначальное значеніе имени Germanus есть — «истинный», «подлинный», «настоящій» (echt). Извѣстно также, что Франціи дали ея имя — франки, что означаетъ — свободные.

Но случай «Украины» является сугубо квалифицированнымъ и, вѣроятно, единственнымъ въ своемъ родѣ случаемъ. Можно даже сказать, что самое это имя служить живымъ опроверженіемъ того тезиса, который какъ разъ этимъ именемъ хотятъ укрѣпить. Такъ прежде всего — и это значительно упрощаетъ нашу задачу — въ данномъ случаѣ, въ противоположность только что указанному, не народъ далъ свое имя обитаемой имъ странѣ, а, наоборотъ (это вполне очевидно и не отрицается и самими «украинцами»), жители получили названіе отъ населенной ими страны. Но что-же означаетъ это наименованіе страны?

Имя Украины сложное: оно состоитъ изъ предлога «у» (ad, apud, prope) и существительнаго край. Последнее вполне соответствуетъ нѣмецкому слову Rand или французскому bord, какъ въ смыслѣ, напр., «края тарелки» (der Rand eines Tellers), такъ и въ смыслѣ «края пропасти» (am Rande des Abgrundes). Такимъ образомъ слово «край» означаетъ, въ географическомъ смыслѣ, — мѣстность, непосредственно примыкающую къ пограничной, между двумя странами, линіи. Отсюда возникъ уже и второй, деривативный, смыслъ слова «край». Оно можетъ также означать и отдѣльный, примыкающій къ окружности, сегментъ страны и даже, въ болѣе общемъ смыслѣ, отдѣльную часть ея — безотносительно пограничной линіи.

Этимъ-то смысломъ слова «край» и пользуются украинисты, чтобы основать на немъ свою «отдѣльность» отъ Россіи. Но они забываютъ, во первыхъ, что и въ этомъ производномъ смыслѣ слова «край» — все же сохраняется моментъ противоположенія центру, т. е. мысль о томъ, что всякій «край» составляетъ лишь часть иного, высшаго, соединства. Таковъ-то и есть смыслъ выраженій: Сибирскій край, Кавказскій край, Туркестанскій край — всѣ эти названія предполагаютъ въ себѣ самихъ общее соединство — Россію. Но главное не въ этомъ, а въ томъ, что самое присутствіе въ сложномъ словѣ «Украина», какъ одного изъ составляющихъ, предлога «у» — прямо указываетъ на то, что другое составляющее («край») взято въ этомъ

сложномъ словѣ не въ производномъ, а въ первоначальномъ смыслѣ этого составляющаго, т. е. въ смыслѣ пограничной, при-
рубежной полосы. Если-бы «край» имѣло въ сложномъ словѣ
«Украина» производное значеніе, т. е. значеніе мѣстности вообще,
области (*regio, Landschaft*), то это сложное слово заклю-
чало бы въ себѣ просто тавтологію, а вовсе не ближайшее
опредѣленіе характеризуемаго имъ понятія: тогда приставка
предлога «у» была-бы совершенно излишней въ этомъ словѣ. Но
эта-то приставка и указываетъ, что «край» взято въ сложномъ
словѣ «Украина» не въ деривативномъ, а въ первоначальномъ
смыслѣ, не въ смыслѣ *regio*, а въ смыслѣ *limes*. «Украина»
значить: то, что находится у (близъ) пограничной линіи
или полосы (*regio, quae litem attingit vel prope
litem est*).

И дѣйствительно: названіе «Украина» вовсе не относилось,
въ древней Россіи, исключительно къ территории, служащей нынѣ
предметомъ мечтаній «украинцевъ» — какъ увидимъ далѣе, это
имя вовсе даже не относилось къ двумъ третямъ, по крайней
мѣрѣ, этой территории — но вообще къ цѣлому ряду при-
граничныхъ мѣстностей. Такъ въ новгородской лѣтописи от-
мѣчается, подъ 1517 годомъ, о Тульской украинѣ (150 верстъ
къ югу отъ Москвы), разворенной татарами. Древняя Русь знала
также Ливонскую и Воронежскую украину. Вдоль юго-
западной границы тянулись Польская (отъ поле — къ сѣверу
отъ Новгорода-Сѣверска), Сѣверская и Бѣлгородская украин-
ны. Впослѣдствіи возникла (еще южнѣе) Слободская украинка —
въ нынѣшней Харьковской губерніи. Но были «украины» и на
Сѣверѣ, и на далекомъ Востокѣ: такъ была Псковская украинка,
и «украинными» были Сибирскіе города.

Можно вообще сказать, что старинное русское понятіе
«украина» вполне соотвѣтствуетъ старо-нѣмецкому понятію
«марка». И по тѣмъ-же причинамъ, почему это названіе пере-
стало примѣняться, въ Западной Европѣ, къ цѣлому ряду
прежнихъ «марокъ» и, напротивъ, сохранилось по отношенію
къ, напр., Бранденбургской маркѣ — забылось оно и въ рус-
скихъ восточныхъ, юго-восточныхъ и сѣверныхъ пограничныхъ
мѣстностяхъ и, напротивъ, уцѣлѣло на Юго-западѣ. Оно про-
пало на Востокѣ и на Сѣверѣ, также на Юго-востокѣ, просто
потому, что граница Московскаго государства чрезвычайно
быстро раздвигалась въ этихъ направленіяхъ, и всѣ находив-
шіяся тамъ «украины» быстро переставали быть таковыми.
Напротивъ, юго-западная граница существовала, не подвергаясь
существеннымъ измѣненіямъ, втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ.
Такъ-то вышеупомянутая Сѣверская украинка, тянувшаяся вдоль
этой границы, сдѣлалась постепенно «Украиной», т. е. украин-
ной *par excellence*, подобно тому, какъ и въ Германіи маркой *par*

excellence стала — Бранденбургская марка. Но подобно тому, какъ тянувшаяся вдоль Днѣпра по лѣвому его берегу Сѣверско-Черниговская земля была «украиной» по отношенію къ Московскому государству, такъ и тянувшаяся вдоль нея по противоположному, правому, берегу Днѣпра Кіевская земля была «украиной» государства Польско-Литовскаго, въ восточной (Литовской) части котораго — этаго не надо забывать — господствовалъ тогда (XIV—XV вѣка) русскій языкъ. Такъ-то за всѣми этими смежными областями двухъ государствъ, бывшими окраинными для нихъ обоихъ, и укрѣпилось постепенно названіе Украйны. Вся эта область средняго Днѣпра (т. е. Сѣверская, Черниговская и Кіевская земля) получила постепенно смѣшанный приграничный характеръ чего-то полу-автономнаго, объекта, права на державное обладаніе коимъ были выражены смутно и неопредѣленно.

Я предоставляю читателю самому судить объ «отдѣльности» и «самобытности», самостоятельности, страны, которая себя называетъ «Пограничною страною», и народа, который себя называетъ «пограничнымъ». Самое имя «Украйна» указываетъ, что эта «страна» можетъ быть только частью чего-то большаго, чѣмъ она. И я вообще сомнѣваюсь, что гдѣ-бы то ни было въ Европѣ могъ возникнуть «народъ» съ именемъ Grenzler, Märker или Fronterains. Такъ-то самое имя «Украйны» служить лучшимъ опроверженіемъ теоріи украйномановъ, — по крайней мѣрѣ, въ нынѣ модной радикальной ея формѣ.

3.

Чтобы поддержать ее, украинистамъ приходится прибѣгать, какъ я уже замѣтилъ, къ цѣлому ряду натяжекъ, кривотолкованій, созданію особой, рѣшительно ни на чемъ не основанной, терминологіи, вообще къ «игрѣ воображенія» и даже прямымъ подлогамъ. Но, строго говоря, такой подлогъ уже заключается и въ самой основѣ ихъ ученія, т. е. въ той эквилибристикѣ, которую они продѣлываютъ съ понятіемъ и терминомъ «Украйны». Подлогъ, который они совершаютъ съ этимъ терминомъ двойной: подлогъ во времени и подлогъ въ пространствѣ.

1. Я замѣтилъ уже вкратцѣ, какъ получилось, что имя «Украйны» постепенно прикрѣпилось къ одной изъ многочисленныхъ нашихъ украинъ, а именно Сѣверской. Но это произошло никакъ не ранѣе XIV вѣка. Что касается эпохи болѣе ранней, времени до нашествія татаръ, то Сѣверская и Черниговская земли уже потому не могли называться тогда Украйною, что онѣ тогда вовсе и не были «украинами». Напротивъ, онѣ были тогда центромъ Русской земли. И эта Земля

исключительно такъ тогда и называлась: Русская Земля. Такъ она называется въ лѣтописяхъ, такъ-же и въ былинахъ, такъ-же и во всѣхъ безъ исключенія иныхъ литературныхъ памятникахъ и государственныхъ актахъ той эпохи. Между тѣмъ украинисты совершенно произвольно называютъ «Украиной» — Кіевскую Русь эпохи даже св. Владиміра. Для нихъ этотъ князь и его потомки были не русскими, какъ они сами себя называли, а «украинскими» князьями, а ихъ государство — не русскимъ, какъ оно звалось и ими самими и всѣми ихъ сосѣдями, а «украинскимъ» государствомъ. Точно такъ-же и народъ тогдашней Кіевской земли, который и самъ себя называлъ и на всемъ свѣтѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ русскаго народа¹⁾, украинисты совершенно произвольно передѣлываютъ въ «украинскій» народъ. . . . Вообще у украинистовъ нѣтъ сильнѣйшихъ враговъ, чѣмъ лѣтопись Нестора и другіе памятники древней русской — они называютъ ее, разумѣется, «украинской» — литературы. Вся эта литература есть сплошной антиципированный протестъ противъ украинизма.

2. Къ этому подлогу во времени присоединяется другой — въ пространствѣ. Украинисты относятъ къ своей «Украинѣ» ни болѣе и не менѣе, какъ всю южную Россію, съ присоединеніемъ Восточной Галиціи и Буковины. Изъ русскихъ губерній въ эту обширнѣйшую территорію входятъ: Херсонская (и часть Бессарабской), Подольская, Волынская (съ частью Гродненской), Кіевская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Курская (съ частью Воронежской), Екатеринославская и Таврическая и Донская и Кубанская области. Между тѣмъ огромное большинство этихъ губерній никогда не были и никогда не назывались Украиной. Украиной, въ тѣсномъ смыслѣ слова, — и то это не было ни официальнымъ, ни даже народнымъ названіемъ — назывались когда-то изо всѣхъ перечисленныхъ губерній, какъ я только что объяснилъ, только двѣ: Черниговская и Полтавская.²⁾ Затѣмъ имя «Украина» относилось, въ болѣе широкомъ смыслѣ, и къ Кіевской губерніи. Прежнія Слободская,

¹⁾ См. примѣчаніе на стр. 77.

²⁾ «Украина» было полузабытымъ историческимъ терминомъ. Онъ вновь началъ входить въ употребленіе лишь въ XIX вѣкѣ, преимущественно въ литературѣ, въ качествѣ поэтическаго архаизма, который сталъ употребляться наряду съ общепринятымъ выраженіемъ Малороссія (Черниговская и Полтавская губерніи и официально назывались «Малороссійскими» вплоть до конца Имперіи). Что касается выраженій «украинецъ», «украинцы», то они почти не употреблялись до самаго 1917 года — ни въ качествѣ означенія челоуѣка, живущаго на «Украинѣ», ни тѣмъ менѣе въ смыслѣ имени особаго «украинскаго» народа. Вся эта новая терминологія почти не выходила изъ тѣсныхъ предѣловъ украинистскихъ круговъ. На «Украинѣ» былъ своего рода провинціализмъ, стоявшій въ оппозиціи къ имперскому централизму. Но даже люди, окрашенные въ цвѣта этого провинціализма, называли себя «малороссами», а не «украинцами».

Бѣлгородская и Воронежская «украины», находившіяся въ предѣлахъ нынѣшнихъ Харьковской, Курской и Воронежской губерній, инчѣмъ не связаны исторически — а объ историческихъ правахъ у насъ здѣсь именно и идетъ рѣчь — съ Украиной Днѣпровской. Что касается остальныхъ вышеперечисленныхъ русскихъ губерній, а также Галиціи и Буковины, то ни одна изъ входящихъ въ эти территоріи мѣстностей вообще никогда не называлась Украиной.

4.

Я упомянулъ уже, что радикальный лозунгъ «Украина» былъ выбранъ главарями движенія потому, что первоначальный, болѣе нейтральный, лозунгъ «рутенизма» оказался явно недостаточнымъ (см. стр. 77) для ихъ цѣлей. Но если вдуматься въ судьбы «украинства» и скрытую его сущность, въ которой, можетъ-быть, не даютъ себѣ отчета и сами главари, то нельзя не прийти къ заключенію, что этотъ-то радикализмъ и губить всего болѣе самое движеніе. Онъ губить его тѣмъ, что ставитъ предъ нимъ совершенно недостижимыя цѣли и заставляетъ доказывать то, что совершенно невозможно доказать (да, въ сущности, и не нужно доказывать). Этотъ-то радикализмъ и заставляетъ прибѣгать къ такимъ методамъ борьбы, какъ явное кривотолкованіе и фальсификація, рассчитанныя лишь на глубокую неосвѣдомленность Западной Европы въ исторіи русскихъ судебъ и русскаго языка. Между тѣмъ — я сказалъ уже, что слѣдую далеко не во всемъ нашимъ ортодоксальнымъ унитаристамъ — и въ украинскомъ движеніи есть несомнѣнно нѣкое здоровое зерно, т. е. заключенныя въ этомъ движеніи мысль и чувство противоположенія юго-западной Россіи — Россіи сѣверо-восточной — имѣютъ и нѣкотораго рода объективное основаніе. Только обоснованіе это въ высшей степени перекривлено, и самый ростъ идеи происходилъ крайне неправильно. Самый постѣвъ былъ сдѣланъ равнодушными руками и подъ вліяніемъ совершенно постороннихъ соображеній: «украинство» возникло, какъ извѣстно, изъ условій внутренней австрійской политики середины XIX вѣка и было изобрѣтено, какъ противовѣсъ полякамъ. Но впослѣдствіи оно становится, въ качествѣ средства ослабленія и раздробленія Россіи, — дѣтищемъ преимущественно германской политики, той политики наслѣдниковъ Бисмарка, которая привела Германію въ Версаль. Все это и заставляло украинистовъ доказывать гораздо больше, чѣмъ имъ было, собственно, нужно и, въ сущности, — даже совсѣмъ не то, что имъ было нужно доказывать. И это-же склонило, но условіямъ эпохи, весь вопросъ на лингвистическую почву, по крайнѣй мѣрѣ, дало лингвистической сторонѣ вопроса столь

преобладающее, несоответствующее объективному положенію дѣла, значеніе.

И украинисты и унитаристы одинаково стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что въ творческомъ процессѣ государство — нація творящимъ факторомъ является національность (при этомъ обѣ стороны сливаютъ и отождествляютъ этнический вопросъ съ лингвистическимъ), а государство есть лишь результатъ и органический продуктъ народной жизни. Между тѣмъ именно исторія русскаго языка и вообще русскихъ судьбъ показываетъ съ достаточной ясностью, что дѣло скорѣе происходитъ какъ разъ наоборотъ. Напомню приведенные выше слова авторовъ французской грамматики: *Un dialecte ne tombe à l'état de patois, que quand un autre dialecte de la même langue devient tout a fait prépondérant par suite d'un grand développement littéraire provoqué habituellement par les circonstances politiques*¹⁾. И буквально такъ происходило дѣло и въ Россіи. . . . Унитаристы безусловно правы въ томъ, что нѣтъ «украинскаго» языка, есть лишь единый русскій языкъ. Но они не даютъ себѣ яснаго отчета въ собственной позиціи, когда мотивируютъ свой тезисъ тѣмъ, что «и на Украинѣ тотъ-же языкъ, что и въ остальной Россіи.» Это утвержденіе заключаетъ въ себѣ двойную ошибку: во 1-хъ, украинскій народный говоръ, или, вѣрнѣе, украинскіе народные говоры (такъ какъ ихъ много) — вовсе не языки и даже не нарѣчія, а *patois*; во 2-хъ-же, эти говоры сильно отличаются, какъ отъ говоровъ другихъ мѣстностей Россіи, такъ и отъ русскаго литературнаго языка. Эта неясность мысли, эти скользящіе, неувѣренные въ себѣ, доводы и постоянное шатаніе унитаристовъ — коренятся на томъ, что они до сихъ поръ не сумѣли найти для себя твердой почвы. Они пороку великолѣпно разбираются во многихъ подробностяхъ, но, въ сущности, не говорятъ главнаго. Такъ они почти не касаются вопроса: почему-же такъ вышло, что то нарѣчіе, изъ котораго образовался древне-руссскій литературный языкъ (кіевское) обратилось въ *patois*, а новый литературный языкъ родился въ иномъ мѣстѣ и изъ иного нарѣчія?

Тѣ *circonstances politiques*, которыя обусловили зарожденіе новаго русскаго языка въ мѣстности весьма отдаленной отъ той, гдѣ образовался нашъ древній языкъ, могутъ быть кратко обозначены двумя словами: Московская побѣда. Исторія русскаго языка вполне аналогична въ основныхъ своихъ чертахъ, съ исторіей языка французскаго. Подобно тому какъ возвышеніе королевской власти во Франціи сдѣлало изъ діалекта той области, гдѣ было средоточіе этой власти (Иль-де-Франса) — французскій языкъ, такъ и московскій діалектъ

¹⁾ Переводъ этихъ строкъ помѣщенъ въ началѣ статьи.

сталъ русскимъ языкомъ вслѣдствіе факта «собиранія Русской Земли» — Москвою. Кіевская государственность начала хирѣть, главнымъ образомъ по экономическимъ причинамъ, еще до Татарскаго нашествія. Послѣднее-же еще въ большей степени сломило ея силы. Великое княжество стало терять одну за другою свои территоріи, и самъ Кіевъ изъ «стольнаго» обращается въ провинціальный городъ. Наряду съ этимъ стали чахнуть и древне-русскій, Кіевскій, по мѣсту его возникновенія, языкъ и излучавшаяся изъ Кіевского центра литература. Правда, образованіе новаго литературнаго языка встрѣчало въ Москвѣ, вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ, весьма крупныя затрудненія. Его созданіе стоило большихъ усилій и потребовало нѣсколько столѣтій. Тѣмъ не менѣе была одна чрезвычайная серьезная причина, которая облегчила въ высшей степени политическую и культурную, въ частности — лингвистическую, побѣду Москвы.

5.

Когда, въ XIV вѣкѣ, быстро стала возвышаться Москва, и вокругъ нея стали собираться восточно-русскія и отчасти сѣверно-русскія земли, то этотъ процессъ, въ сущности, вовсе не разрѣшалъ еще обще-русскаго вопроса не только въ культурномъ, но даже и въ чисто-политическомъ смыслѣ: онъ только подготовилъ почву для будущаго, и именно въ «Московскомъ» смыслѣ, его разрѣшенія. Въ дѣйствительности XIV—XVI вѣка были эпохою параллельнаго независимаго политическаго существованія двухъ Россій: восточной и западной. Ибо и Литовская государственность была втеченіе почти всего этого періода русской государственностью. По русски отправлялось на Литвѣ правосудіе, русской была ея культура, русскимъ былъ языкъ ея гражданскаго оборота, и по русски говорилъ ея образованный классъ. И такъ несомнѣнно и продолжалось-бы, если-бы въ Днѣпровскихъ областяхъ сохранился этотъ русскій высшій образованный классъ, хранитель національныхъ традицій и культуры. Правда, политическая, и впослѣдствіи религіозная, Унія Литовско-русскихъ земель съ Польшей ввела въ нихъ и польскія вліянія. Но результатъ послѣднихъ былъ втеченіе долгаго времени ничтоженъ — въ русскіхъ, по крайней мѣрѣ, частяхъ Польско-Литовскаго государства. Въ нихъ продолжалась русская національная жизнь, и онѣ долго сохраняли и свое древнее, русское, обличіе. Во всякомъ случаѣ, западно-русскій языкъ, прямой наслѣдникъ языка памятниковъ нашей древней русской писменности, существовалъ еще въ XVII вѣкѣ, и, вѣроятно, могъ-бы сохраняться и даже, въ извѣстномъ смыслѣ, развиваться втеченіе цѣлыхъ столѣтій.

Его судьбу рѣшила, и рѣшила окончательно и безповоротно, — катастрофа 1649 года. Крестьянское возстаніе огромнаго напряженія охватило въ этомъ году обширныя области древней Кіевской Руси, какъ вошедшія въ составъ Польско-литовскаго государства, такъ и смежныя съ ними «украинскія». Южно — и западно-русское дворянство было въ двухъ третяхъ уничтожено, сметено съ лица земли. Остатки его не имѣли уже силы бороться съ торжествующимъ полонизмомъ и были быстро и окончательно ополячены.¹⁾ Одновременно начинаетъ быстро вырождаться, разлагаться и прямо пропадать и западно-русскій языкъ, и тѣмъ самымъ вновь образовавшійся въ Москвѣ языкъ сталъ единственнымъ русскимъ литературнымъ — а это значитъ обще-русскимъ — языкомъ. И этимъ-же самымъ всѣ западно-русскіе и южно-русскіе народные говоры того времени обратились въ *patois*. Все это и есть точнѣйшее воспроизведеніе картины, начертанной въ вышеприведенныхъ нѣсколькихъ строкахъ французской грамматики *Larive et Fleury*.

Пусть это звучитъ «анти-демократично» и не въ духѣ нашего времени, но языкъ, культура и даже сама «нація», которой языкъ и культура служатъ лишь выраженіемъ, живутъ въ высшихъ, просвѣщенныхъ классахъ общества и ими же создаются. Языкъ, нація, культура — все это есть нѣчто духовное, имѣющее мало дѣла съ фізіологическимъ и этническимъ существованіемъ массъ. Огромнѣйшую роль не только въ распространеніи, но и въ самомъ созданіи «языка» играла всегда государственность — можно даже сказать, что языкъ есть одна изъ ея функций. Но спрашивается: что-же есть государственность, какъ опять таки не воплощенная воля высшихъ, просвѣщенныхъ, «правлящихъ», классовъ общества? Народъ, уничтожающій эти классы, какъ это сдѣлало простонародье нашихъ юго-западныхъ областей въ XVII вѣкѣ, тѣмъ самымъ уничтожаетъ свою государственную независимость, свою культуру и свой языкъ. Такъ-то и погибли въ польскомъ морѣ древняя государственность, культура и языкъ нашихъ южныхъ и западныхъ областей.²⁾ И когда въ концѣ XVIII вѣка пала въ свою очередь политически, подъ ударами сосѣдей, и Польша, и въ нашихъ западныхъ и югозападныхъ окраинахъ вновь распространились русская культура и русскій языкъ, то эти культура и языкъ были функциями уже иной, московской, государственности, возникшей въ совершенно иныхъ условіяхъ и на совершенно иной почвѣ.

¹⁾ Какъ извѣстно, значительное число польскихъ дворянскихъ родовъ — чисто-русскіе по происхожденію.

²⁾ Такъ-то и закатъ провансальской письменности и культуры тѣсно связанъ съ демократизаціей южно-французскаго дворянства. Центръ образованности передвинулся на сѣверъ, гдѣ сохранилась аристократія.

6.

Изъ этого краткаго историческаго очерка видно вполне ясно, что весь «украинскій вопросъ» уже рѣшенъ еще въ XVII столѣтїи. Тотъ языкъ, права котораго защищаютъ украинисты въ дѣйствительности не существуетъ. Его надо еще создать. Они его и создаютъ — пока нельзя сказать что-бы особенно удачно. Можно считать вполне установленнымъ фактомъ, что этого новаго, возникшаго книжнымъ путемъ, языка не понимаютъ какъ разъ тѣ, для кого онъ предназначенъ, т. е. самъ «украинскій народъ», простонародье нашихъ южныхъ и юго-западныхъ губерній. Этотъ языкъ является для него своего рода языкомъ эсперанто — вѣдь и элементы языка эсперанто ваяты изъ существующихъ или существовавшихъ языковъ. Во всякомъ случаѣ, простой народъ южныхъ губерній понимаетъ неизмѣримо лучше, чѣмъ это «украинское» эсперанто, — русскій языкъ. И можно сказать, что ничто въ сильнѣйшей степени не обнаружило банкротства «украинизма» какъ именно эфемерида Украинской Директорїи и Скоронадскаго. Какъ извѣстно, объ эти попытки, имѣвшія большой политическій смыслъ, какъ средства спасенія Россїи отъ большевизма, протекали подъ лозунгомъ «украинскаго языка». Но тутъ-то и обнаружилось, что никто этого языка не знаетъ. Каждый русскій чиновникъ, служившій въ Малороссїи, былъ, разумѣется, знакомъ съ народнымъ говоромъ той мѣстности, въ которой онъ служилъ. Но такъ какъ такихъ говоровъ очень много, то и выходило, что адресатъ какой нибудь официальной бумаги, присланной изъ другой губерніи, рѣшительно не понималъ ея содержанія. Въ Киевскихъ-же канцеляріяхъ, средоточїи всей административной жизни новой «страны», происходило настоящее столпотвореніе вавилонское. Чиновники, собранные изъ разныхъ губерній, знали каждый — свой «украинскій языкъ», но не знали «языка» своихъ товарищей. Отсюда безконечные лингвистическіе споры, и кончилось, разумѣется, тѣмъ, что всѣ говорили (да и писали) на русскомъ языкѣ. «Самостійная» попытка съ «украинскимъ» языкомъ оказалась не чѣмъ инымъ, какъ самой жалкой и смѣхотворной комедїей. . .

Таковы факты. Но я оговариваюсь, что далеко не слѣдую за унитаристами въ ихъ постоянныхъ насмѣшкахъ надъ «искусственностью», выдуманностью «украинскаго языка». Какъ будто-бы не было искусственно выработанныхъ языковъ! Какъ будто всѣ языки, до извѣстной, по крайней мѣрѣ, степени, — не «искусственны»! Вспомнимъ средневѣковую латынь. Развѣ не была «искусственной» эта попытка — создать изъ элементовъ мертваго языка новый живой языкъ. Тѣмъ не менѣе она увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: средневѣковая латынь была пись-

меннымъ и устнымъ языкомъ многихъ поколѣній европейцевъ — на обширномъ пространствѣ отъ Толедо до Варшавы. И нѣтъ-ли даже нѣкоторой аналогіи этой попытки въ только что мною упоминавшемся языкѣ эсперанто, который видимо распространяется, несмотря на сильную и во многихъ отношеніяхъ вполне понятную оппозицію? Но можно итти далѣе и утверждать, что даже многіе изъ вполне «живыхъ» и такъ сказать органическихъ языковъ были въ значительной степени продуктомъ вполне сознательныхъ усилій и работы, если и не индивидуальной воли, то все-же вполне опредѣленныхъ, не «анонимныхъ» и далеко не «широкихъ», какъ это имѣетъ мѣсто и въ «украинскомъ» движеніи, круговъ. Развѣ, напр., самъ латинскій языкъ, тотъ классическій языкъ. Августовскаго Рима, который до сихъ поръ служитъ основой нашего образованія, не былъ также книжнымъ языкомъ и развѣ онъ не былъ созданъ въ значительной степени «искусственно» и при томъ весьма небольшой группой лицъ? Я думаю, что тоже можно сказать и о нѣкоторыхъ современныхъ языкахъ. Во всякомъ случаѣ, это можно сказать о томъ, выросшемъ на почвѣ московскаго діалекта, литературномъ языкѣ, который, за окончательной гибелью въ XVII столѣтіи древняго русскаго языка, былъ предназначенъ стать единственнымъ обще-русскимъ языкомъ.

7.

Но за этимъ языкомъ стояли русская (Московская, а впоследствии и Петербургская) государственность, русское великодержавіе, какъ и за латинскимъ — Римскія. Ничего этого не имѣетъ за собою новоукраинскій «эсперанто». Въ попыткѣ украинистовъ нѣтъ главнаго предусловія успѣха подобной попытки: за нею нѣтъ органически выросшей государственности, нѣтъ государственной индивидуальности и ея главнѣйшаго творца и орудія — политически-сильнаго просвѣщеннаго класса. Въ распоряженіи украинистовъ есть только отдѣльные элементы всего этого, и то только въ зародышѣ, въ видѣ первоначальнаго эскиза, изъ котораго неизвѣстно еще что получится и, всего вѣроятнѣе, не получится рѣшительно ничего. «Интеллигенція» можетъ взять на себя отдѣльныя функціи историческаго просвѣщеннаго класса, но она никогда не сможетъ замѣнить его, въ его творческой роли, вполне. Она можетъ еще поддержать существующее, но лишь съ величайшимъ трудомъ создаетъ, какъ это требуется въ данслучаѣ, — новое. Вообще можно сказать, что интеллигенція, т. е. классъ ученыхъ, художниковъ, поэтовъ и вообще писателей, также юристовъ, чиновниковъ и высшихъ техниковъ,

можетъ продолжать существовать — и безъ аристократіи. Но ей чрезвычайно трудно возникнуть, въ качествѣ дѣйствительной силы, т. е. въ качествѣ многочисленнаго и дѣйствительно образованнаго класса, — безъ того, что называется политической, родовой или финансово-промышленной аристократіей. Вообще интеллигенціи трудно возникнуть безъ государственности, ибо не она создаетъ государственность, а наоборотъ, государственность ее . . . Вдобавокъ «украинская» интеллигенція — я имѣю въ виду Галиційскую, такъ какъ въ предѣлахъ Россіи вообще не существуетъ никакой «украинской» интеллигенціи, а есть только русская — имѣетъ слишкомъ мало корней въ «широкихъ массахъ», а не этимъ ли лозунгомъ только она и жива? Эта интеллигенція есть слишкомъ поверхностный посѣвъ. Она слишкомъ мелка и въ довершеніи всего . . . слишкомъ мало-интеллигентна. Къ тому-же, она несетъ въ себѣ самой и во всей своей судьбѣ глубочайшее противорѣчіе. Она написала на своемъ знамени непримиримую борьбу съ Польшей, а между тѣмъ она сама насквозь проникнута духомъ полонизма. Да и сама борьба на два фронта — и съ Польшей и съ Россіей — ставитъ ее въ слишкомъ трудное и тяжелое положеніе.

Можно себѣ, конечно, представить такую картину, въ которой нашъ Юго-западный край окажется единственной областью между Ураломъ и бывшей австрійской границей, гдѣ болѣе или менѣе сохранится интеллигенція, да и вообще удѣлѣтъ болѣе или менѣе прежній социальный строй. Потопъ русской Революціи несомнѣнно коснулся менѣе всего — именно этого края. Въ немъ менѣе всего пострадала организація народнаго труда, да и самъ по себѣ этотъ край — богатѣйшій въ Россіи. Все это, конечно, предусловія къ тому, что-бы государственный центръ перемѣстился — во второй разъ въ нашей исторіи — именно сюда. Болѣе того: у насъ уже теперь есть болѣе или менѣе объективныя данныя къ предположенію, что не только сохранилось, въ качествѣ крѣпкаго класса, юго-западное крестьянство — въ Центрѣ и на Востокѣ ему, повидимому, суждено въ значительной степени вымереть — но что оно уже успѣло изъ себя выдѣлить обширные контингенты населенія, специализировавшіеся на ремеслахъ и мелкой индустріи; напротивъ, на Востокѣ и въ Центрѣ погребло въ этотъ отношеніи и то немногое, что было до Революціи.

Если теперь предположить, что вышенамѣченный процессъ социальной дифференціаціи еще усилится и, при продолжающемся оскудѣніи въ Центрѣ и на Востокѣ, въ Юго-западномъ краѣ постепенно возникнетъ, на обломкахъ стараго, новый просвѣщенный политическій классъ, то теоретически нѣтъ ничего невозможнаго, что, вмѣстѣ съ рожденіемъ новой государственности, возникнетъ

въ этихъ областяхъ и новой языкъ, можетъ быть, и отличный отъ языка Пушкина и Гоголя. Но, во первыхъ, все это можетъ быть лишь дѣломъ долгихъ лѣтъ, не одного, а многихъ поколѣній. Во вторыхъ же, этотъ новый языкъ будетъ, во всякомъ случаѣ, не «украинскимъ», а русскимъ языкомъ, т. е. на немъ будутъ говорить не только на Юго-западѣ, но и на обезглавленномъ и обезлюдѣвшемъ Востокѣ, который постепенно заляется, — такъ какъ природа не терпитъ пустоты — колонизаціей съ Юго-запада. И во всякомъ-же случаѣ этимъ новымъ (третьимъ по счету) русскимъ языкомъ — не окажется языкъ г. г. Грушевскихъ и Ко.

Не будемъ однако гадать. Неизвѣстное — неизвѣстно, въ чемъ и заключается его великая мудрость, передъ которою необходимо склоняются самый острый умъ и самое чуткое предвѣдѣніе. Вспомнимъ однако, въ заключеніе, одинъ изъ удивительнѣйшихъ примѣровъ историческаго прозрѣнія. Я имѣю въ виду политическую дальновзоркость, обнаруженную въ XIII вѣкѣ византіяцами. Это они назвали восточную, Суздальскую (ставшую впоследствии Московскою), Россію — Великою Россіею (*Μεγάλη Ῥωσία*), въ противоположность Малой, Кіевской (*Μικρά Ῥωσία*), — въ эпоху, когда, казалось, еще ничто не обнаруживало грядущаго величія первой. Будемъ-же вѣрить, что византійское пророчество, столь блестяще оправдавшееся въ послѣдующіе вѣка, не потеряло еще и нынѣ своей магической силы.

8.

Если-бы украинисты говорили, обращаясь къ Москвѣ: мы — историческій центръ Русской Земли; мы — русскіе, а вы, москвиты, — «Украина», то исторически они были-бы во многихъ отношеніяхъ правы. Но они говорятъ, какъ извѣстно, совершенно обратное этимъ словамъ: они стремятся стряхнуть съ себя русское имя, то самое русское имя, которое составляетъ ихъ главнѣйшее богатство и въ которомъ заключена вся ихъ историческая судьба. Если-бы они понимали эту судьбу, то они должны были-бы называть «украинцами» не себя, а именно великороссовъ, и *opus probandi* — доказать, что они тоже русскіе — лежалъ бы на великороссахъ. Неправильной постановкой всего вопроса украинисты чрезвычайно облегчаютъ задачу своихъ противниковъ. Но по существу положеніе послѣднихъ не столь выигрышно, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ.

Я отмѣтилъ уже, что южно-русское простонародье не понимаетъ «украинскаго» языка г. г. Грушевскихъ и Ко. Наоборотъ, русскій простолюдинъ можетъ пройти отъ Влади-

востока и до бывшей австрійской границы, можетъ быть, даже до Карпатъ, и онъ будетъ вездѣ безъ труда понять, несмотря на многіе провинціализмы, которыми онъ уснащаетъ свою рѣчь. Объясняется это тѣмъ, что у насъ успѣло уже образоваться около литературнаго, въ тѣсномъ смыслѣ слова, языка и языка образованныхъ классовъ и подъ непосредственнымъ ихъ вліяніемъ — нѣчто въ родѣ *linguae vulgatae*, на которой говорило простонародье Римскаго міра послѣ разрушенія Римской имперіи, или нѣчто въ родѣ *κοινῆ*, распространившейся повсемѣстно по всему Востоку въ эпоху діадоховъ: подобною-же *lingua vulgata* или *κοινῆ* и пользуется говорящій дома на своемъ провинціальномъ *patois* или діалектѣ русскій простолюдинъ — когда онъ переступаетъ границу своей губерніи, и эту-то *linguam vulgatam* и понимаютъ у насъ повсемѣстно. Въ этомъ отношеніи Россія, конечно, въ гораздо большей степени «едина», чѣмъ, напр., Германія, гдѣ померанецъ съ большимъ лишь трудомъ понимаетъ шваба или баварца, или даже чѣмъ Франція, гдѣ нормандецъ плохо понимаетъ провансальца, не говоря уже объ Италіи, гдѣ калабрійца или сицилійца совершенно не понимаютъ въ Ломбардіи или Пьемонтѣ. Фактъ универсальности не только русскаго литературнаго языка, но и его сколка и отраженія — нашей *linguae vulgatae* — есть центральнѣйшій фактъ нашей судьбы, и, конечно, огромнѣйшія послѣдствія этого факта будутъ всегда сказываться, не смотря на столь-же огромныя разрушенія Русской революціи.

Не слѣдуетъ однако нслишне преувеличивать значеніе этого факта. Вѣдь понимать другъ друга далеко еще не значитъ — говорить на одномъ и томъ-же языкѣ. Вдобавокъ, наши унитаристы вообще не знакомы съ только что мною введеннымъ понятіемъ русской *linguae vulgatae*; они стремятся во что-бы то ни стало доказать то, что невозможно доказать и что, въ сущности, совершенно излишне, въ ихъ цѣляхъ, доказывать, а именно фактъ большого будто-бы сходства, «между русскимъ и украинскимъ языками». Ибо, если уставналивать черты сходства или различія — разумѣется, не между русскимъ и «украинскимъ» языками (послѣдняго какъ, мы видѣли, совсѣмъ не существуетъ) — но между русскимъ языкомъ, поскольку онъ есть отраженіе великорусскихъ діалектовъ, и самыми этими діалектами съ одной стороны, и бѣло — и малороссійскими *patois* съ другой стороны, то, конечно, бросается въ глаза прежде всего глубокія и рѣзкія различія между сравниваемыми лингвистическими комплексами. Я оговариваюсь, что имѣю при этомъ въ виду не мертвый остовъ, не костякъ, не скелетъ, вообще не анатомію обоихъ сравниваемыхъ комплексовъ — корни словъ въ большинствѣ случаевъ (однако не всегда) и очень часто даже письменное ихъ начертаніе у нихъ совершенно одинако-

вы.¹⁾ Но я имѣю здѣсь въ виду нѣчто неизмѣримо болѣе'глубокое, чѣмъ всѣ эти и другія анатомическія подробности, а именно живую фizioномію языка. И вотъ эта-то фizioномія южно — и западно-русскихъ *ratois* рѣзко отличается отъ таковой-же московскаго діалекта и русскаго языка. У малороссійскихъ *ratois* совершенно иной духъ, иное метафизическое содержаніе, чѣмъ у діалектовъ восточныхъ, что прежде всего обнаруживается въ фонетикѣ, рѣзко отличной отъ московской: тоже самое слово звучитъ иначе на Окѣ и на Волгѣ, чѣмъ на Днѣпрѣ. Все это ясно указываетъ не только на то, что возникшій на Днѣпрѣ этнический комплекс созданъ изъ иныхъ матеріаловъ, чѣмъ, напр., волжскій, но и на то, что Днѣпровская *Psyche* до сихъ поръ отлична отъ Волжской. Обще-русскій нивелирующій процессъ, особенно усилившійся въ XIX вѣкѣ, сдѣлалъ несомнѣнно большія завоеванія. Болѣе того: эти завоеванія несомнѣнно отразились-бы въ концѣ концовъ и на южныхъ *ratois*; они, вѣроятно, начали-бы со временемъ перерождаться (въ обще-русскомъ направленіи) или просто исчезать. Но весь этотъ процессъ былъ только въ началѣ, и грянувшая Революція, вѣроятно остановила, его.

9.

Лингвистически — «украинскій» вопросъ, какъ я уже не разъ подчеркивалъ, вполне ясенъ: народные украинскіе говоры суть не что иное, какъ *ratois* въ строго научномъ значеніи этого термина, а «языкъ» г. г. Грушевскихъ есть пока не болѣе, какъ «эсперанто». Но унитаристы сами ослабляютъ эту въ высшей степени твердую позицію: тѣмъ, что припутываютъ къ лингвистическому вопросу — этнический и обще-психологическій. Первый они большею частью отождествляютъ, сливаютъ съ лингвистическимъ, что объективно невѣрно, такъ какъ на двухъ сродныхъ языкахъ могутъ говорить довольно далекія другъ отъ друга по крови племена (напр., болгары и русскіе, финны и совершенно потерявшіе финскіе расовые признаки — венгерцы). Тѣмъ не менѣе, поскольку въ языкѣ можетъ выражаться этнологія, именно южно-русскія *ratois* являютъ до сихъ поръ разительное свидѣтельство того, что говорящее на нихъ населеніе отлично — этнически — отъ центральныхъ и восточныхъ, племенныхъ группъ русскаго міра. И это свидѣтельство сильнѣе какихъ-бы-то ни было данныхъ, добытыхъ архивными разы-

¹⁾ Если стоять на точкѣ зрѣнія исключительно корней словъ, то можно доказывать сходство и «одинаковость» русскаго языка и съ болгарскимъ и съ сербскимъ и съ польскимъ и съ другими славянскими языками: какъ извѣстно, большинство корней словъ всѣхъ этихъ языковъ — общіе съ русскимъ языкомъ.

сканіями, которыя можно-бы было привести. Впрочемъ, никакихъ серьезныхъ данныхъ въ этомъ смыслѣ и не приводится. Унитаристы легко опровергаютъ сепаратистскія потуги украинистовъ, основанныя на антропометрическихъ и краніологическихъ измѣреніяхъ. Но аргументъ, вытекающій изъ подобной «побѣды» унитаристовъ, не изъ сильныхъ. Краніологіей и антропометріей вообще нельзя ничего доказать въ расовыхъ вопросахъ или, что тоже самое, можно доказать, что угодно. Поэтому-то серьезная наука все болѣе и болѣе забываетъ эти, когда-то столь модныя, орудія своего арсенала.

Что касается этно-лингвистическаго контраста между областями Оки-Волги съ одной стороны и Днѣпра съ другой, то здѣсь дѣло не только въ финскомъ этническомъ субстратѣ населенія центральной Россіи — много тюркской крови есть и въ южно-русскомъ населеніи. И хотя славянскіе элементы несомнѣнно преобладаютъ на Юго-западѣ, развѣ мы знаемъ, что, въ сущности, представляли собою, на зарѣ нашей исторіи, эти «славянскіе» элементы? Нѣтъ! дѣло не только въ этомъ «финствѣ» и «славянствѣ», а въ чемъ-то еще болѣе глубокомъ, подпочвенномъ, материковомъ. Дѣло въ томъ, что сама почва — и въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ — была и есть на Окѣ и Волгѣ — иная, чѣмъ на Днѣпрѣ. Это-то «что-то изъ почвы» и сказывается до сихъ поръ въ Днѣпровскихъ говорахъ, если ихъ сравнивать съ восточными и центральными... Авторъ весьма интересной, по собранному въ немъ матеріалу, книги — кн. Волконскій¹⁾ совершенно справедливо отмѣчаетъ, что въ наши дни можно было слышать украинскую пѣсню въ центральной Россіи, а волжскую — въ Малороссіи. Но что-же доказываетъ это? Только то, что у насъ происходилъ, какъ я уже замѣтилъ, объединяющій, нивеллирующій процессъ большой силы и что этотъ процессъ достигъ уже весьма существенныхъ результатовъ. Но приводимый кн. Волконскимъ фактъ отнюдь не доказываетъ того, что Рзусче украинской народной пѣсни и Рзусче пѣсни волжской приблизились другъ къ другу, или, тѣмъ менѣе, слились одна съ другой. Нѣтъ! волжская и украинская пѣсня, пусть онѣ пѣлись въ одномъ и томъ-же домѣ и пусть даже ихъ звуки вылетали изъ одного и того-же горла, — были разными, очень разными пѣснями. И, прослушавъ ихъ, всякій понималъ — не разсужденіями, а живымъ непосредственнымъ ощущеніемъ — насколько различны народныя, этническія Рзусче, создавшія ихъ. Также въ архитектурѣ, въ нравахъ и обычаяхъ, во всемъ строѣ жизни, во всей ея психологіи. Развѣ можно себѣ представить Василія Блаженнаго въ

¹⁾ La vérité historique et la propagande ukrainophile, Rome, 1920.

Кіевъ? Или, напр., утопающія въ вишневыхъ садахъ малоросійскія бѣлыя мазанки — въ великорусскихъ деревняхъ, вовсе не имѣющихъ — и совсѣмъ не по «климатическимъ» только причинамъ — садовъ? И кн. Волконскій жестоко ошибается, когда онъ, напр., говоритъ, что Великорусская — она такъ и называется — сельская община и отсутствіе ея въ Малороссіи (и вообще на Западѣ Россіи) не связаны генетически съ двумя отдѣльными Рсуче нашихъ Юго-западныхъ и Сѣверо-восточныхъ областей: пусть община была введена въ Великороссіи искусственно, мѣрами правительства, но она нашла тамъ прочную опору въ самой народной Рсуче: только потому она могла тамъ распространиться повсемѣстно и стать однимъ изъ центральнѣйшихъ факторовъ великорусской жизни, предопредѣлившимъ въ большой степени всю ея судьбу. Вся наша нынѣшняя, по существу, именно великорусская, революція есть въ значительной степени лишь результатъ этого основного великорусскаго-же факта.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, въ какой сильной степени наши радикальные унитаристы — естественный королларій столь-же радикальныхъ украинистовъ — не любятъ доискиваться до болѣе глубокихъ причинъ многихъ явленій русской жизни: ослѣпленные яркимъ свѣтомъ несомнѣнно происходившаго у насъ органическаго объединяющаго процесса, они просто не замѣчаютъ явленій противоположнаго характера. Между тѣмъ явленія эти, т. е. органическая-же противоположность русскаго Западо-юга русскому Востоко-сѣверу, столь-же реальны и столь-же могучи, столь-же живучи, какъ и Всероссійскій объединяющій процессъ. Жизнь вообще и русская жизнь въ частности сложнѣе всякихъ трафаретовъ и не хочетъ улесться и въ нашъ унитаристскій трафаретъ.

Но бѣда этого трафарета и въ томъ, что онъ заставляеть относиться къ явленіямъ поверхностно — замѣчая лишь внѣшнее, такъ сказать — лишь одинъ фасадъ постройки и не углубляясь въ сущность вещей. Я, напр., уже говорилъ о томъ, что житель-простолюдинъ любой русской губерніи можетъ пройти насквозь всю Россію, и вездѣ онъ всѣхъ пойметъ и самъ будетъ понятъ всѣми, чѣмъ можетъ похвастаться не всякій простолюдинъ-итальянецъ, нѣмецъ или даже французъ. Къ этому внѣшнему «доказательству» единства русскаго народа кн. Волконскій добавляетъ и нѣкоторыя другія. Такъ, напр., онъ приводитъ такой воображаемый разговоръ: «Кто такое, спрашиваете вы — говоритъ онъ — въ миланскомъ или руанскомъ ресторанѣ. И вамъ отвѣтають: несомнѣнно — южанинъ. . . Въ Россіи-же невозможно съ перваго взгляда отличить малороссіянина отъ сѣверянина».

Всѣ подобнаго рода доводы крайне неубѣдительны. И если исключить тѣ случаи — они не такъ рѣдки — когда «хохла» (малороссіянина) можно отличить отъ жителя восточной или сѣверной Россіи съ перваго-же взгляда, то чего только нельзя доказать подобнымъ «методомъ»? Въ pendant воображаемому случаю кн. Волконскаго я могъ-бы привести одинъ реальный. Въ ресторанѣ, въ Германіи, обѣдало 5 человѣкъ: 3 русскихъ и 2 нѣмца. Къ одному изъ этихъ двухъ нѣмцевъ подходитъ знакомый, котораго тотъ спрашиваетъ, прежде чѣмъ знакомить его съ сотрапезниками: «опредѣли національность каждаго изъ моихъ друзей!» Подошедшій внимательно оглядываетъ обѣдающихъ и принимаетъ за нѣмцевъ троихъ русскихъ, а пятого сотрапезника т. е. того, кто былъ дѣйствительно нѣмцемъ, называетъ русскимъ... Впрочемъ, не давно-ли доказано и какъ разъ въ наши дни блестяще подтверждено Шпенглеромъ, что нѣтъ въ Европѣ двухъ человѣкъ, которые не были бы другъ съ другомъ сродни?..

10.

Аргументъ единства физическаго русскаго типа — даже если-бы самый фактъ этого единства былъ безспоренъ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, — является столь-же мало рѣшающимъ, какъ и ранѣе уже мною объясненный фактъ повсемѣстнаго, отъ Владивостока до Одессы, пониманія русскаго языка. Унитаристы отправляются въ данномъ вопросѣ отъ сравненія Россіи съ европейскими странами, напр., съ Италіей, — ибо сравненіе съ нею кажется имъ наиболѣе выгоднымъ для ихъ тезиса. Мнѣ-же, напротивъ, кажется, что сравненіе съ Италіей для него особенно невыгодно. Въ самомъ дѣлѣ, обособленность отдѣльныхъ областей Италіи обусловлена двумя главнѣйшими причинами, изъ которыхъ первая — чисто-географическая, вторая же — историческая. Неаполитанецъ, апуліецъ, житель Романьи и пьемонтанецъ дѣйствительно не понимаютъ другъ друга и пусть даже физически другъ съ другомъ не схожи. Но что-же изъ этого? Это объясняется тѣмъ, что они вѣками живутъ въ рѣзко другъ отъ друга обособленныхъ, отдѣленныхъ высокими и трудно переходимыми горными хребтами, долинахъ. Русскія-же природныя условія — обширная и однообразная равнина, безъ горныхъ хребтовъ и вдобавокъ съ огромными рѣками, прорѣзающими всю страну и соединяющими другъ съ другомъ самыя отдаленныя мѣстности, чего нѣтъ въ Италіи — въ высшей степени облегчали интегрирующий процессъ. Перехожу къ историческимъ причинамъ и спрашиваю: можно-ли требовать, чтобы страна, лишь вчера достигшая политическаго единства, этого необходимаго предусловія един-

ства языка, культуры, нравовъ и вообще однотипности, во всѣхъ смыслахъ, своего населенія, дошла въ нивелирующемъ процессѣ до той стадіи, на которой находится въ этомъ отношеніи другая страна, уже вѣками, какъ Россія, достигшая, въ вѣвѣстномъ смыслѣ, своего политическаго единства? Но пусть г. г. унитаристы не увлекаются сравненіями съ Италіею. Нельзя сомнѣваться, что съ желѣзными дорогами, съ развитіемъ промышленности и торговли, съ ростомъ и расширеніемъ функцій единого государства — смягчится и обособленность отдѣльныхъ мѣстностей Италіи и — конечно, не въ одно и не въ два поколѣнія — неаполитанецъ станетъ понимать жителя Ломбардіи, а житель Романьи — пьемонтанца.¹⁾

Не надо при этомъ упускать изъ виду и слѣдующаго. Болѣе яркая индивидуальность неаполитанца и жителя Умбріи или Ломбардіи, сравнительно съ индивидуальностями, скажемъ, полтавца и вятчанина, объясняется отчасти и тѣмъ, что въ первыхъ сохранился отпечатокъ цѣлаго ряда прошедшихъ и не во всемъ однородныхъ культуръ. Въ нихъ еще цѣло богатѣйшее, многихъ тысячелѣтій, наслѣдство минувшихъ поколѣній, и это-то наслѣдство и окрашиваетъ различно ихъ фязіономіи. Въ полтавцѣ-же и вятчанинѣ вовсе нѣтъ этихъ многотысячелѣтнихъ культуръ. Ихъ историческое наслѣдство сравнительно весьма легковѣсно. Это еще не дѣлаетъ ихъ похожими другъ на друга — напротивъ: они другъ на друга совсѣмъ не похожи. Но эта особенность, т. е. то, что за ними въ прошломъ нѣтъ сложнаго наслѣдія ряда чередовавшихся культуръ, сближаетъ ихъ въ томъ отношеніи, что оба они являются типами и характерами весьма неконстантными. Полтавецъ и вятчанинъ еще не успѣли выработать въ себѣ константности, т. е. закрѣпить въ себѣ въ опредѣленной и ясной, болѣе или менѣе рѣзкой, формѣ — своихъ индивидуальныхъ чертъ. И это-то крайне у насъ и облегчало интегрирующий національный процессъ.

¹⁾ Большую роль сыграетъ, несомнѣнно, въ этомъ отношеніи истекшая война, поставившая впервые лицомъ къ лицу, въ динамическомъ напряженіи, направленномъ на защиту общаго отечества, — представителей самыхъ другъ отъ друга отдаленныхъ мѣстностей политически уже пол-вѣка «объединенной», но во многихъ отношеніяхъ продолжавшей жить разьединенно, Италіи. Войны вообще являютъ крупнымъ языкообразующимъ факторомъ. Такъ извѣстно, что индустани, служащій до нашихъ дней международнымъ языкомъ для многочисленныхъ племенъ Индіи, возникъ въ лагерѣ Тамерлана. Такъ и французскій языкъ и даже сама французская нація, въ извѣстномъ смыслѣ, родились во время Крестовыхъ походовъ. Особенно важень былъ въ этомъ отношеніи Второй крестовый походъ: можно сказать, что французскій языкъ родился, въ извѣстномъ смыслѣ, подъ стѣнами Сень-Жанъ д'Акра и Іерусалима.

Но, во всякомъ случаѣ, изъ того, что неаполитанецъ не понимаетъ ломбардца, а вятчанинъ понимаетъ полтавца, еще далеко не слѣдуетъ, что послѣдніе другъ къ другу ближе по духу и крови, чѣмъ первые. По крови ломбардецъ и далеко отъ неаполитанца и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно близокъ къ нему. И буквально тоже можно сказать и о нашихъ вятчанинѣ и полтавцѣ. Что касается духа, то не имѣли-ли древле всѣ области Италіи общій языкъ формъ? И Миланъ и Неаполь знали и романику и готику и барокко, не говоря уже о древнихъ эллино-римскихъ формахъ. Другими словами, въ Италіи такъ сказать вездѣ были и есть и «Софійскіе соборы» и «Василіи Блаженные». Въ Россіи-же, въ сущности, на Востокѣ «Софійскаго собора» не было никогда, а Василій Блаженный былъ только въ Москвѣ. Между тѣмъ общій языкъ формъ есть главное: онъ то и составляетъ одно изъ важнѣйшихъ предусловій рожденія націи. И пусть хохолъ понимаетъ москаля, а калабріецъ не понимаетъ пьемонтанца, первые, въ сущности, ближе другъ къ другу по духу, темпераменту и всѣмъ *Leitmotiv* 'амъ существованія, чѣмъ вторые.

11.

Ненормальное зарожденіе — въ политикѣ чужой страны — обусловило и все дальнѣйшее глубоко неправильное развитіе украинскаго вопроса и прежде всего отклонило, такъ сказать перекосило — его географическую ось. Говоря выше о центральномъ дѣйственномъ противоположеніи русской жизни, я не случайно употребилъ выраженія Востоко-Сѣверъ и Западо-Югъ, вмѣсто общепринятыхъ: Сѣверо-Востокъ и Юго-Западъ. Какъ противоположеніе русскаго Юга русскому Сѣверу, украинскій вопросъ вызванъ искусственно. Въ этомъ смыслѣ украинское движеніе не открываетъ никакихъ горизонтовъ и не заключаетъ въ себѣ никакихъ творческихъ струй. Можно даже сказать, что въ смыслѣ этого сѣверо-южнаго противоположенія украинскаго вопроса вообще не существуетъ. Но затаянная въ немъ проблема получаетъ, напротивъ, огромнѣйшее значеніе и дѣлается вполне реальной, актуальной и чреватой очень крупными послѣдствіями, если мыслить въ немъ противоположеніе не Юга и Сѣвера, а Запада и Востока.¹⁾

¹⁾ Возможно, что въ послѣдней и окончательной своей сущности настоящее противоположеніе есть все-таки сѣверо-южное, а не какое-либо иное. Ариманъ (хаосъ) есть сѣверный духъ, а не восточный, и потусторонность представлялась древнему міру не въ образѣ Нила и Евфрата — развѣ не были ихъ наслѣдниками Алфей и Тибръ? — и даже не въ образѣ сказочнаго Гидаспа, а въ образѣ Ultima Thule и Гипербореевъ. И не такъ ли и въ новомъ мірѣ: Императорскій

Основное русское противоположеніе, психологическое противоположеніе Двухъ Россій, раскрытое мною въ другомъ мѣстѣ, можно мыслить и въ географической проэкціи. Но было-бы очень большой ошибкой и извращеніемъ высказываемыхъ здѣсь мыслей понимать ихъ слишкомъ схематически, въ данномъ случаѣ — прямолинейно топографически. Я указываю лишь на общій характеръ, лишь на основную тенденцію дѣйствующихъ на Востокъ и Западъ Россіи силъ и отнюдь не даю ихъ подробной формулы, не опредѣляю ихъ точнаго размѣра, особенно размѣра территоріальнаго. Въ «украинствѣ» есть, безспорно, и восточно-русскіе элементы и струи, какъ были и элементы западные — въ Великороссіи (см. примѣчаніе на стр. 108). Такъ, въ частности, не слѣдуетъ забывать, что именно восточно-русскіе элементы, тѣ самые элементы хаоса и анархіи, которые въ свое время вызвали зарожденіе Великорусской общины и затѣмъ продолжали вѣками жить подъ тяжелымъ давленіемъ ея деспотическаго механизма, сказались и на Украинѣ въ катастрофѣ 1649 года, стершей въ конечномъ итогѣ съ лица земли нашу древнюю Кіевскую образованность и ея языкъ. Тѣмъ не менѣе — и это-то и является въ данномъ случаѣ настоящей «тенденціей дѣйствующей силы» — основной *Leitmotiv* и истинная душа «украинства», то, что даетъ ему удѣльный вѣсъ и даетъ силу его творческимъ струямъ, то, чѣмъ оно интересно и живо, заключается въ его западныхъ, а не восточныхъ элементахъ. Я уже указалъ на нѣкоторые изъ нихъ. Малороссъ, какъ и вообще эемледѣльцы всей Западной Россіи, есть, въ противоположность общиннику-великороссу, — прирожденный собственникъ; въ этомъ отношеніи онъ гораздо болѣе похожъ на французскаго, нѣмецкаго или итальянскаго крестьянина, чѣмъ на болѣе къ нему близкихъ по крови волжанина или жителя береговъ Оки. И эта черта кладетъ особый отпечатокъ на весь строй его мысли и чувства. Но повторяю: это вовсе не специ-

Петербургъ свѣтлыхъ десятилѣтій, Петербургъ de la Grande époque былъ близокъ, совсѣмъ близокъ къ Берлину, и Вѣна была не далека отъ Парижа и даже Мадрита. Напротивъ, Фландрія, разумѣется, не во всѣхъ, а лишь въ нѣкоторыхъ ея элементахъ, безгранично далека — метафизически и психологически — отъ Провансальско-Пиренейскаго міра, хотя отстоитъ отъ него всего въ нѣсколькихъ стахъ километровъ и вѣками входитъ въ одну и ту-же, казалось-бы, культуру, даже въ одно и тоже національное тѣло. Но духъ Фландріи скорѣе сѣверный, норскій, скандинавскій. Что касается самой Скандинавіи, то въ ней есть, разумѣется, и «западные» элементы (въ Россіи она вообще всегда дѣйствовала въ качествѣ «Запада»), но все-же она по существу своего духа весьма отлична отъ Запада. Она есть именно «Скандинавія», т. е. Сѣверъ... Но я оставляю вопросъ объ этомъ большомъ, обще-еврепейскомъ, метафизическомъ и психологическомъ противоположеніи открытымъ и говорю только, что въ русской своей проэкціи оно есть противоположеніе западно-восточное.

фически-украинская, а вообще западно-русская черта, и притомъ западно-русская не въ этническомъ, а въ территориальномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ въ этомъ отношеніи являются одинаково «украинцами» не только бѣлорусъ, но и литовецъ и латышъ и эстонецъ и полякъ. Съ указанною чертою тѣсно связана другая. Малороссъ является, какъ и всѣ только-что перечисленные племена, типическимъ трудолюбивымъ земледѣльцемъ. Онъ дѣйствительно любитъ свою землю, чего отнюдь нельзя сказать, несмотря на него прославленную «жажду земли» про великоросса. Здѣсь не мѣсто разсматривать этотъ вопросъ. Скажу кратко, что несмотря на общераспространенное и рѣшительно ни на чемъ не основанное мнѣніе, великороссъ лишь по необходимости и чуть-ли не только изъ подпалки (крѣпостное право и принудительно введенное трехпольное хозяйство — въ немъ и родилась община) сталъ земледѣльцемъ. За послѣдніе сто лѣтъ, даже скорѣе за послѣдніе 50 лѣтъ, онъ распахалъ и опустошилъ огромное количество земель. Но въ сущности онъ не сдѣлался земледѣльцемъ и до сихъ поръ: голодъ былъ въ московской Руси хроническимъ явленіемъ огромнѣйшаго напряженія, и такъ это и осталось — въ Центръ и на Востокъ — до нашихъ дней.¹⁾ Да, насколько малороссъ и вообще западно-русскій крестьянинъ являются прирожденными земледѣльцами, въ той-же степени великороссъ — прирожденный-же анти-земледѣлецъ. Уже одно то, что великороссъ смогъ такъ тѣсно сжиться, слиться съ общиною — пусть введенной и принудительно —, что онъ сумѣлъ развить ее въ цѣлую систему, показываетъ, что онъ, въ сущности, совѣмъ не земледѣлецъ²⁾.

¹⁾ Это, конечно, не исключаетъ даровитости великоросса, но только — не въ земледѣльческой сферѣ. Датскій путешественникъ Навеп, посѣтившій Россію въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка, былъ пораженъ неспособностью русскихъ крестьянъ къ земледѣлію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вотъ что онъ говоритъ о нихъ: «Русскій — болѣе еврей, чѣмъ всѣ евреи, вмѣстѣ ваятые, въ томъ смыслѣ, что онъ болѣе всѣхъ людей на свѣтѣ обладаетъ коммерческимъ геніемъ. Дайте крестьянину два рубля; онъ сейчасъ-же откроетъ лавочку и въ нѣсколько дней удесятѣритъ свой капиталъ». Несмотря на нѣсколько парадоксальную форму этой сентенціи, въ ней, конечно, больше правды, чѣмъ во всѣхъ тѣхъ сантиментальныхъ глупостяхъ, которыя писались о великорусскомъ крестьянинѣ за послѣдніе 50 лѣтъ. Острый взглядъ пытливаго иностранца разглядѣлъ вѣрно. Какъ купецъ, великороссъ не уступитъ еврею, и именно хищнической, ростовщической характеръ всегда имѣло и земледѣліе великорусскихъ крестьянъ.

²⁾ Можно сказать, что анти-земледѣльческий, неземельный характеръ великорусскаго крестьянина отражаетъ весьма ярко — самъ нашъ языкъ. Русское слово «земледѣлецъ», соответствующее латинскому *agricola* и французскому *agriculteur*, есть, какъ и эти, послужившія ему образцами, имена, — сложное слово. И, какъ и большинство сложныхъ словъ, оно есть сочиненное, не родившееся органически, а потому и не яркое, книжное слово. Таково-же и однозначущее съ нимъ слово «хлѣбопа-

Я упомянулъ уже объ «утопающихъ въ вишневныхъ садахъ бѣлыхъ малороссійскихъ мазанкахъ». Безспорно, вызываемому ихъ видомъ чувству «Gemütlichkeit» — замѣтите, что этого слова вообще нѣтъ на русскомъ (т. е. великороссійскомъ) языкѣ — содѣйствуетъ въ большой степени и богатая, улыбающаяся и радостная украинская природа. Но, говоря вообще, природа Западной Россіи гораздо бѣднѣе и, въ огромномъ большинствѣ мѣстностей, — грустнѣе, угрюмѣе, безцвѣтнѣе природы Россіи восточной. Тѣмъ не менѣе весь строй и обиходъ народной жизни — народныя пѣсни и вѣрованія, нравы и обычаи, наконецъ самый home (этого слова также нѣтъ въ русскомъ языкѣ) западно-русскаго крестьянина и горожанина — въ неизмѣримо большей степени gemütlich, чѣмъ въ Центръ и на Востокѣ. Въ общемъ можно сказать, что психологія западно-руса, также поляка и литовца, есть психологія уже давно свыкшихся съ осѣдлымъ бытомъ людей; психологія-же великоросса есть до сихъ поръ, въ основной своей сущности, — психологія бродячаго племени.

И въ великорусской душѣ звучать порою, внѣ всякаго сомнѣнія, струны своеобразной могущественной поэзіи. Но въ этой душѣ есть очень много кое-чего и совершенно иного, напр., ничѣмъ порою не смягчаемой грубости, которую хочется назвать «первобытною» — хотя мы въ настоящее время уже знаемъ, что грубость не есть вовсе отличительная черта первобытныхъ племенъ. Эти-то и имѣютъ подобные черты грубости, жестокости, нравственной косности, равнодушія и порою прямо бездушія — и

еще». Но въ высшей степени характерно, что русскій языкъ такъ и не выработалъ почвеннаго, жизненнаго, фізіономическаго имени для означенія человѣка земли, соотвѣтствующаго французскому *rayon* и итальянскому *contadino*, прямо указывающимъ на признакъ земельной осѣдлости (*rays*, *contado*), или хотя-бы нѣмецкому *Bauer*, отмѣчающему яркій земледѣльческій признакъ (= сѣвецъ). Русскій-же «*rayon*» называетъ себя крестьяниномъ, т. е. христіаниномъ, именемъ, не заключающимъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на землю или земледѣліе: своего рода «гражданинъ вселенной»! Таковъ-же и эквивалентъ «крестьянина» — мужикъ. «Мужикъ» (мужъ, мужчина) просто значитъ человѣкъ, въ смыслѣ противоположенія женщинѣ (баба) и съ указаніемъ на неполноту свойствъ мужа: «мужикъ» есть нѣчто приближающееся къ «мужу», нѣчто похожее на «мужа», мужеобразное, но все-же не имѣющее всѣхъ свойствъ и чертъ мужества. Во всякомъ случаѣ, и въ словѣ «мужикъ», какъ и въ словѣ «крестьянинъ», ничто не указываетъ на землю или земледѣліе. Наоборотъ, то слово, которое, казалось бы, имѣло всѣ шансы стать у насъ эквивалентомъ *Bauer*'а и *rayon*'а (землякъ), получило совершенно иное, специфическое значеніе. Такъ отвѣчаетъ на вопросъ о характерѣ народа самъ его языкъ. . . Любопытно съ другой стороны и то, что употребляемая въ Малороссіи выраженія *землоробъ*, *хлиборобъ*, хотя они и суть, подобно «земледѣльцу» и «хлѣбопашцу», — сложныя, т. е. книжныя по происхожденію, слова, все-таки прочно укоренились въ психологіи малороссійскаго крестьянина, охотно называющаго себя этими именами.

мѣшаютъ часто добратъся до поэтической стороны великорусской души. Напротивъ, поэтическій уклонъ души малоросса сразу бросается въ глаза. Можно даже сказать, что малороссы — одно изъ самыхъ поэтическихъ племенъ въ Европѣ. Даже польскіе писатели, признающіе, что, вообще говоря, польская *Psyche* представляетъ собою амальгаму польской души съ душою малороссійской, соглашаются и съ тѣмъ, что именно въ послѣдней заключается источникъ поэтическихъ струй Польскаго міра. Болѣе яркаго доказательства присутствія особыхъ поэтическихъ силъ въ малороссійской душѣ — не возможно и требовать¹⁾. Мягкость, нѣжность, добродушіе, и, наряду съ ними, столь-же органическіе юморъ и хитреца (столь отличные отъ великорусскихъ «зубоскальства» и «смекалки») — вотъ основные черты малороссіянина, излучающіяся и среди всѣхъ вообще племенъ Западной Россіи. Въ связи съ поэтическимъ уклономъ всей западно-русской жизни находится и значительное развитіе фантазіи въ *Psyche* ея населенія. Можно сказать, что среди него еще и теперь творится эпосъ, не говоря уже о томъ, что наши западныя рѣки до сихъ поръ полны русалками, а въ лѣсахъ и въ наши еще дни «дивъ кличетъ, сидя верху древа». Напротивъ, ментальность, великоросса почти лишена фантазіи. Она часто у него столь-же бѣдна, какъ и его сѣрый, нищенскій бытъ. И потому это такъ, что его истинная религія, ощущаемая порою лишь ниже порога его сознанія, есть нигилизмъ. Наоборотъ, у малоросса, вообще у западно-руса (не въ племенномъ, а въ территоріальномъ смыслѣ, т. е. не только у славянъ) способность къ религіозному чувству, къ религіозной жизни — куда выше! Большинство святыхъ нашей церкви были западно-русы, и въ высшей степени вѣроятно, что, поскольку вообще можно было говорить о религіозности народа въ Центрѣ и на Востокѣ, эта религіозность была, во 1 хъ, весьма недавнимъ и, во вторыхъ, весьма поверхностнымъ явленіемъ и вообще проростаніемъ сверху, а не органическимъ продуктомъ народной жизни.

Въ связи со всѣмъ предъидущимъ восточно-русская *Psyche* получила — далеко не со вчерашняго дня — въ нѣкоторомъ родѣ рационалистическій уклонъ въ степени, совершенно неизвѣстной нашему Западу. Такъ-то и великороссійская грубость получаетъ порою «принципіальный», чуть-чуть что не «религіозный» характеръ: въ ней часто скрывается цѣлое «міровоззрѣніе». Съ другой стороны въ тѣсной связи съ вышеупомянутымъ рационализмомъ великорусской души находятся ея органическіе унитаризмъ и социализмъ. Вопросъ о великорусскомъ социализмѣ сложенъ. Онъ не исключаетъ столь-же

¹⁾ См. Stanislas Smolka, *Les Ruthènes*, p. 446 et passim.

крайняго и анархическаго великороссійскаго индивидуализма. Обѣ эти характеристическія и, казалось-бы, полярно противоположныя черты великороссійской Psyche взаимно обуславливаютъ другъ-друга. И въ самомъ дѣлѣ: не уживались-ли великолѣпно оба эти теченія въ общинѣ? и не была-ли — исторически — вызвана къ жизни и сама община именно анархическимъ индивидуализмомъ предъидущей эпохи (подсѣчно-заимочное хозяйство)?¹⁾ Но во всякомъ случаѣ оба эти восточно-русскія

¹⁾ Вопросъ о «соціализмѣ» общины сложенъ не только потому, что въ ней совмѣщается немало совершенно различныхъ и даже противоположныхъ другъ другу силъ и теченій, но и потому, что въ самое понятие социализма можетъ сплосъ и рядомъ вливаться совершенно различное содержаніе, не исключая диаметрально противоположныхъ сущностей и чертъ, — смотря по тому, разумѣется-ли подъ нимъ идея первенства общаго интереса предъ частнымъ (въ этомъ и заключается его живой и творческой принципъ), или стремленіе къ «соціальной справедливости», неизбежной формой котораго является «классовая борьба», обращающая самый социализмъ въ силу разрушительную и ярко анти-соціальную (владычество класса). Что касается общины, то для того, чтобы нѣсколько выпрямить связанную съ нею и весьма запутанную перспективу и для того, что-бы понимать, въ какомъ смыслѣ въ ней заключенъ «соціализмъ», важно помнить слѣдующее:

1. Живая практика Великорусской общины отнюдь не исключала, а, наоборотъ, въ высшей степени содѣйствовала самой беззащитной и радикальной «капиталистической эксплуатаціи». Извѣстная Столыпинская фраза о «ставкѣ на сильныхъ» объясняется лишь глубокимъ непониманіемъ общинныхъ отношеній. «Сильнымъ» наша община отнюдь не была страшна, и съ этой точки зрѣнія все Столыпинское аграрное законодательство было скорѣе ставкою на слабыхъ, чѣмъ на сильныхъ.

2. Но представляя собою превосходную почву для развитія крайняго и въ обстановкѣ общинныхъ отношеній — неизбежно анархическаго и паразитнаго индивидуализма (замѣчено еще Бакунинымъ — въ извѣстномъ письмѣ къ Герцену), наша община послѣднихъ десятилѣтій представляла собою вмѣстѣ съ тѣмъ и рудиментарную и грубую форму социализма (идея душевого надѣла и практика т. назыв. «общихъ передѣловъ»). Но эта идея, т. е. идея о правѣ всякой «души», отъ рожденія до смерти, на землю, была нашей исторической Великой-россійской общинѣ вполне чужда (какъ была чужда ей и практика «общихъ передѣловъ»). Общинная (душевая) теорія была у насъ выработана куда ранѣе таковой-же практики! Наша старая тягловая община XVII и XVIII столѣтій стала превращаться въ душевую лишь начиная со середины XIX вѣка, лучше сказать, въ концѣ его, и главнымъ образомъ — подъ вліяніемъ славянофильскихъ идей. Славянофилы увидели въ старой, дореформенной общинѣ то, чего въ ней совершенно не было, т. е. осуществленіе идеи соціальной уравнительности. Увидали потому, что хотѣли найти въ русской общинѣ разрѣшеніе мучившаго уже тогда Европу соціальнаго вопроса. Отраженіемъ ихъ взглядовъ и явилась извѣстная книга Гакстгаузена, имѣвшая въ свою очередь огромнѣйшее вліяніе на послѣдующее (начиная съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія) превращеніе — бюрократическимъ путемъ — нашей тягловой общины въ общину душевую: порядки, которые описывалъ Гакстгаузенъ въ своей книгѣ, были въ его время (сороковые года) фантастическими — такихъ порядковъ въ русской общинѣ его времени вовсе не существовало; но въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка эти порядки (душевой

произрастанія, т. е. и социализмъ и крайній анархическій индивидуализмъ, одинаково противны духу умѣренного, нормального индивидуализма Западной Россіи. На столько же противенъ заключенному въ ней духу своей «особности», духу мѣстной, повѣтовой и краевой, автономіи — въ немъ-то и заключена

надѣлы и общіе передѣлы) дѣйствительно стали живой реальностью. (Вопросъ о «тягловомъ» и «душевомъ» порядкѣ крестьянскаго надѣльнаго владѣнія разсмотрѣнъ подробно въ моей книгѣ: Голодная смерть подъ фирмою душевого надѣла, СПб. 1906).

3. Тѣмъ не менѣе народъ, какъ видно изъ предъидущаго, усвоилъ новые «душевые» порядки; т. е. пошелъ охотно по тому «соціалистическому», въ смыслѣ всеобщей уравнительности, уклону, на который толкнули его славянофилы. Взаимная связь между фактомъ Великороссійской бытовой общины (тягловой) и «соціалистическимъ» уклономъ русской деревенской жизни въ высшей степени сложна. Община послужила, внѣ всякаго сомнѣнія, весьма удобной формой для инфильтраціи этаго «соціализма» въ народную жизнь. Она легко приняла въ себя то содержаніе, которое хотѣли въ нее влить. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она, какъ соціально-экономическая форма, могла-бы столь-же легко принять въ себя и совершенно иное, противоположное «душевому», соціалистическому, содержаніе. Ея развитіе могло-бы столь-же свободно пойти и по совершенно иному пути. Поэтому въ развитіи нашего общиннаго «соціализма» (я здѣсь вездѣ разумѣю его въ смыслѣ идеи уравнительности) послѣднихъ десятилѣтій виновна не наша община сама по себѣ. Причина легкости практическаго усвоенія народомъ славянофильской «душевой» идеологіи заключалась прежде всего въ общихъ предрасположеніяхъ Великорусской Psyche, на что я и указалъ выше, возражая кн. Волконскому, а также въ особыхъ условіяхъ эпохи (усушаніе творческихъ источниковъ «націи» и «Имперіи» во второй половинѣ XIX вѣка). Но само собою разумѣется, что, укрупнившись въ общинѣ, «соціалистическія» струи душевого надѣла стали, въ свою очередь, служить могущественнымъ средствомъ къ еще сильнѣйшему сдвигу народной Psyche въ сторону рудиментарнаго и грубо понимаемаго социализма (т. е. социализма «уравнительности»). Но во всѣхъ этихъ весьма сложныхъ взаимодействіяхъ именно и выступаетъ особенно рѣзко коренная разница между восточной и западной Россіей: хотя тяжелый прессъ славянофильскихъ идей — онѣ въ данномъ случаѣ были и «народническими» — давилъ у насъ столько-же на Западѣ, какъ и въ Центрѣ и на Востокѣ, и «душевые» порядки были, на нашихъ глазахъ, распространены, путемъ судебно-административнаго толкованія и даже законодательства, на цѣлый рядъ формъ владѣнія, не имѣвшихъ по своему происхожденію ничего общаго съ общиною (напр., на «четвертное владѣніе», на владѣніе «малороссійскихъ казаковъ» и многія другія формы индивидуальнаго владѣнія), тѣмъ не менѣе западно-русская жизнь всегда оказывала этимъ стремленіямъ куда болѣе сильное, чѣмъ въ Центрѣ и на Востокѣ, сопротивленіе.

4. Въ общинѣ была заключена съ самаго начала (т. е. и въ «тягловой» общинѣ XVII и XVIII столѣтій) извѣстнаго рода идея «уравнительности». Но это была отнюдь не идея душевого надѣла. Тягловая община стремилась не къ соціальной, а къ хозяйственной уравнительности. Общинное распредѣленіе земли было, при неперемѣнномъ своемъ предусловіи — трехпольномъ хозяйствѣ, способомъ, чтобы каждый получалъ участіе «и въ плохомъ и въ хорошемъ». Цѣль заключалась вовсе не въ обезпеченіи всѣхъ землею, а въ хозяйственной ея эксплуатациі, которой именно и препятствовало анархическое своеволие болѣе

живая опора «украинства» — унитаристскій духъ Московскаго центра.

У малоросса, бѣлоруса, литовца, поляка, также эстонца и латыша, есть своего рода ограниченность и нѣсколько отталкивающее упрямство, которыхъ нѣтъ въ великороссѣ. Вообще можно сказать, что классическое выраженіе «широкая

ранней эпохи. Въ этотъ-то анархическомъ своеволии, т. е. въ подсѣчно-заимочномъ хозяйствѣ, и слѣдуетъ искать зародышъ нашей общины: это «соціалистическое» чудище выросло изъ яркаго анархическаго индивидуализма подсѣчно-заимочнаго хозяйства. Это хозяйство, доселѣ существующее кое-гдѣ на нашемъ крайнемъ Сѣверѣ, требовало огромнаго запаса земель, на которыхъ оно могло продовольствовать лишь крайне небольшое населеніе. Путешественники XVI—XVII вѣковъ единогласно свидѣтельствуютъ, что обширныя пространства вокругъ Москвы представляли собою настоящую пустыню зарослей и вырубовъ, съ кое-гдѣ лишь, на большомъ другъ отъ друга разстояніи, разработанными небольшими клочками пашни. Эта яркая картина подсѣчнаго хозяйства отражалась и въ другомъ типическомъ явленіи Московской Руси: повальномъ бѣгствѣ населенія изъ такъ назыв. «Центральнаго Междурѣчья», т. е. изъ областей, расположенныхъ между Верхней Волгой и Окою. Народъ бѣжалъ отъ податной тяготы, т. е., въ конечномъ итогѣ, отъ неодоходоспособности земли и обусловленнаго ею голода, бывшаго въ Московскомъ государствѣ хроническимъ явленіемъ. Съ этими-то голодомъ и бѣгствомъ населенія и боролось Московское правительство, и со второй половины XVI вѣка эта борьба приняла рѣшительный характеръ. Задача была: увеличить доходоспособность земли, установивъ одновременно бдительный контроль надъ передвиженіемъ населенія. Для достиженія первой цѣли надо было прежде всего организовать и нормировать хозяйственную территорію — такъ вводится трехпольное хозяйство, долженствовавшее замѣнить анархическое хозяйство заимокъ. Уже сама по себѣ эта мѣра вела къ интеграціи полевыхъ участковъ, т. е. къ собиранію населенія изъ «заимокъ» и «починокъ» въ села и деревни — древнѣйшій періодъ нашей исторіи не зналъ ихъ: онъ зналъ только города. Но село и деревня были нужны и въ другомъ отношеніи: односельцы, связанные круговой порукой въ уплатѣ повинностей, вынуждены были сами сѣдить другъ за другомъ, какъ бы кто не убѣжалъ. Но еще сильнѣйшую гарантію въ этомъ отношеніи представляло введенное на рубежѣ XVI и XVII столѣтій крѣпостное право, которое съ другой стороны само тѣснѣйшимъ образомъ связано съ переходомъ къ трехпольному хозяйству и образованіемъ деревень. Такъ-то постепенно и возникла тріединая принудительная организація трехпольнаго хозяйства, собиранія населенія въ деревни и помѣщичьей власти, представляющихъ собою не три отдѣльныя мѣры, а въ сущности лишь три аспекта одной и той же хозяйственной мѣры, и на почвѣ возникшихъ изъ нея отношеній и выросла община. Она неразрывно связана съ трехпольемъ и крѣпостнымъ правомъ. Лучше сказать, всѣ эти три явленія нашего прошлаго были тремя фасадами одного и того-же историческаго зданія. Введеніе общинно-крѣпостнаго трехполя — такъ пожалуй всего правильнѣе назвать занимающій насъ хозяйственно-соціальный комплексъ — было въ ту эпоху несомнѣннымъ прогрессомъ. Въ немъ выразился протестъ противъ анархическаго индивидуализма, приведшаго страну къ хозяйственному банкротству, и въ этомъ смыслѣ въ крѣпостной общинѣ заключался съ самаго начала нѣкотораго рода социализмъ, не социализмъ утопической уравнительности, не «коллективизмъ» — и производство и потребление всегда оставались въ русской общинѣ индивидуальными — но социализмъ, подчиняющій личное свое-

русская натура» мало примѣнимо къ западу отъ линіи Петербургъ-Херсонъ. Здѣсь вообще нѣтъ ни широкихъ волжскихъ горизонтовъ, ни раздолья Саратовскихъ и Самарскихъ степей. Но не эти-ли широкіе горизонты и заставляли часто Россію — расточать національные силы? А съ другой стороны: не имѣла-ли западно-русская ограниченность горизонтовъ и хотѣній ту хорошую сторону, что она концентрировала и сберегала ихъ?

12.

Итакъ въ «Украинскомъ» вопросѣ скрыта совершенно иная, неизмѣримо болѣе широкая и болѣе глубокая національно-историческая проблема: вопросъ о субстанціальномъ и органическомъ противоположеніи всего вообще (не только «славянского») русскаго Запада — русскому Востоку. Основную ошибку перспективы, заключенную въ «украинскомъ» построении этой основной проблемы русской судьбы, нѣсколько

волеі общему интересу и требующій отъ личности жертвы во имя всеобщности, олицетворяемой государствомъ. Но хотя эта тріединая организациа и была проникнута «социализмомъ общественнаго интереса» — ея цѣлью было дать странѣ недостававшій ей хлѣбъ — все-таки нельзя не замѣтить, что въ ней лежалъ съ самаго начала нѣкотораго рода — пусть весьма скрытый — зародышъ и «социализма уравнительности». Душою организациа были идея и чувство общественной солидарности — и помѣщикъ былъ не въ меньшей степени «на службѣ» у государства, чѣмъ крестьянинъ. И живая точка приложенія этой солидарности — круговая порука — и должна была влить въ національный организмъ новую жизнь, замѣнивъ собою ранѣ господствовавшее въ ней столь-же «круговое», всеобщее, своеволие. Но принципы имѣютъ свою внутреннюю логику: круговая порука, т. е. равенство отвѣтственности, уже таила въ себѣ и иной принципъ: равенство возможностей. Такъ-то «хозяйственная», органически связанная съ трехпольемъ, уравнительность участія «и въ плохомъ и въ хорошемъ» легко могла перелиться, при наступленіи извѣстныхъ условий (онѣ и наступили въ XIX столѣтіи), — въ идею и чувство иной уравнительности, уравнительности социальной. Но и съ чисто-хозяйственной точки зрѣнія проведенная столь рѣзко въ организациа XVI—XVII столѣтій «общественная солидарность» таила въ себѣ большія опасности. Читатель уже замѣтилъ, вѣроятно, что картина этой организациа напоминаетъ весьма сильно картину сельскохозяйственной Россіи при большевикахъ. И довольно схожими были и результаты обѣихъ, столь радикально проведенныхъ, принудительныхъ «солидарностей»: большевистской и старо-московской. Московская общинно-крѣпостная организациа въ общемъ не достигла своихъ цѣлей: голодъ продолжалъ оставаться въ Московскомъ государствѣ хроническимъ явленіемъ. Онъ былъ въ ней явленіемъ настолько закоренѣлымъ, что не вполне справилась съ нимъ даже Имперія. Продолжалъ въ Москвѣ по прежнему бѣжать и народъ. Разница между прошлымъ и нашими днями была лишь въ томъ, что на закатѣ Имперіи бѣгство его было узаконено, и правительство, въ лицѣ Крестьянскаго банка и Переселенческаго Управленія, явилось даже въ роли пособника этому бѣгству. Вся эта бѣгло начерченная картина лишній разъ показываетъ, до какой степени не земледѣлецъ — великороссъ.

смягчало то, что у насъ Востокъ дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ — не только въ климатическомъ — такъ сказать «сѣверенъ», а Западъ — «юженъ». Потому-то и я находилъ возможнымъ въ началѣ этого очерка, усвоивъ на нѣкоторое время «украинскую» терминологию и приблизившись въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ «украинской» точкѣ зрѣнія, говорить о сѣверо-южномъ или, по крайней мѣрѣ, югозападно — сѣверо-восточномъ противоположеніи. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ помнить — читатель вскорѣ увидитъ, какія крупныя послѣдствія связаны именно съ этою, единственно-правильною и единственно-реальною перспективою — что основное противоположеніе русской жизни, русской судьбы и русской души, въ смыслѣ «души Россіи», есть именно противоположеніе западно-восточное, а не какое-либо иное. «Хохоль» дѣйствительно во многомъ противоположенъ великороссу. Но этого мало; но важно и интересно не это! Важно, что именно тѣмъ, въ чемъ хохоль противоположенъ великороссу, онъ сходенъ со своими сосѣдями бѣлорусомъ, литовцемъ, полякомъ, также съ латышомъ и эстонцемъ. Не случайно, что именно эти этническія группы не захотѣли большевизма и что хохоль долго, пока хватало силъ, боролся противъ него. Но даже тогда, когда онъ вынужденъ былъ сложить оружіе, онъ сумѣлъ силою пассивнаго сопротивленія, живымъ инстинктомъ широкихъ массъ населенія — до известной степени смягчить и претворить, видоизмѣнить торжествующій большевизмъ. Послѣдній обернулся за Кіевомъ далеко не тѣмъ чудовищемъ, какимъ онъ родился и былъ вскормленъ въ Москвѣ. Да, линія Днѣпра есть для большевизма нѣкій мистическій предѣлъ.

И именно въ этомъ и заключается большое и дѣйственное значеніе маленькаго, ростомъ въ двѣ-три губерніи, «украинскаго» вопроса. Какъ вопросъ узко-украинскій, онъ не имѣтъ никакого смысла. Но онъ имѣтъ огромнѣйшій смыслъ, какъ вопросъ Всероссійскій, какъ вопросъ Двухъ Россій. Въ этой постановкѣ проблемы — вытекающія изъ нея послѣдствія неисчислимы и заключенныя въ ней правда и сила могутъ двигать горами.

Я спѣшу оговориться, что эта обширная проблема не исключаетъ еще и маленькой, домашней, «Украинской» проблемы. Но опять таки послѣдняя вовсе не есть національно-этническая проблема. «Украинскій», въ этомъ тѣсномъ смыслѣ, вопросъ есть вопросъ региональный, т. е. территориальный. Онъ имѣетъ въ виду не несуществующій «украинскій народъ», а вполне реальную и опредѣленную территорию и ея очень смѣшанное по характеру населеніе. Прежняя имперская связь не была одинаково выгодна для всѣхъ областей Имперіи, и въ этомъ смыслѣ маленькій Украинскій вопросъ имѣетъ такое-же за-

конное право на существованіе, какъ и вопросы о судьбѣ Прибалтійскаго, Литовскаго, Бѣлорусскаго и иныхъ «краевъ», мыслимыхъ, какъ провинціальныя (не «національныя» — они для этого не имѣютъ главнѣйшаго предусловія) автономіи. Но эти мѣстные вопросы — вопросы, въ концѣ концовъ, практической политики — не должны затемнять скрытой въ «Украинскомъ», въ обширномъ смыслѣ этого слова, вопросѣ — основной проблемы русскаго бытія: западно-восточнаго противоположенія Двухъ Россій.

13.

Изъ сдѣланной мною выше (см. гл. 11) сравнительной характеристики западно-русскаго и восточно-русскаго народа читатель уже усмотрѣлъ, что малороссъ и бѣлорусъ во многихъ отношеніяхъ психологически болѣе близки къ литовцу, поляку и латышу, чѣмъ къ своимъ «кровнымъ» родственникамъ — великороссамъ. Но моя характеристика говорить и объ иномъ. Изъ нея видно, что западно-русь является, такъ-же какъ и его сосѣди — литовецъ, полякъ и т. д., въ неизмѣримо болѣе степени «европейцемъ», чѣмъ великороссъ. Этимъ и объясняется крупная роль, которая выпала нашимъ западнымъ областямъ въ строительствѣ Имперіи, начиная съ Петра Великаго. Фактъ этотъ мало замѣченъ историками нашей культуры и государственности. Между тѣмъ онъ чрезвычайно показателенъ и краснорѣчивъ. Всѣмъ извѣстно, что Петръ и его наслѣдники повернули Россію лицомъ къ Западу и поставили краеугольнымъ камнемъ русскаго величія и русской культуры — западныя начала. Но дѣло въ томъ, что они при этомъ и въ самой Россіи опирались преимущественно на западныя ея области. И здѣсь была внутренняя логика. Эта политика велась не столько по заранее обдуманному плану, сколько вытекала изъ здороваго государственнаго инстинкта. Но она была необходимымъ pendant къ политикѣ Петербургскаго «окна въ Европу». Всѣмъ извѣстна крупная роль, которую играло въ строительствѣ Имперіи — «Имперія», въ моемъ мыслѣ, обрывается на рубежѣ царствованія Николая I и Александра II — Балтійское дворянство. Но не мало дали въ эту эпоху Россіи и «Украина» и вообще всѣ западно-русскія области — достаточно вспомнить имена Ягужинскаго, Потемкина, Разумовскихъ, Безбородко и Кочубеевъ, чтобы говорить только о наиболѣе крупныхъ дѣятеляхъ. А сколько стояло за ними второстепенныхъ! Но дѣло не только въ государственныхъ людяхъ, данныхъ Россіи ея западными областями. Вспомнимъ, что вскорѣ послѣ катастрофы 1649 года Кіевская образованность, въ лицѣ цѣлаго ряда наиболѣе блестящихъ ея представителей (Славинецкій, Лопатинскій, Яновскій, Явор-

скій, Прокоповичъ) переселилась въ Москву. Огромнѣйшее значеніе въ консолидаціи имперской жизни сыгралъ, наконецъ, самый фактъ инкорпораціи въ предѣлы Имперіи — Прибалтійскихъ губерній, Литвы и малороссійскихъ и бѣлорусскихъ земель, отторгнутыхъ Екатериною II отъ Польши. Только при этой Государынѣ дѣйствительно завершилось сліяніе «двухъ Россій», существовавшихъ раздѣльно — начиная съ XIV вѣка. Возсоединенныя и вновь присоединенныя западныя области уже самымъ фактомъ нахожденія въ предѣлахъ Имперіи сильно наклонили ея ось въ сторону Запада и къ Западу-же направили равнодѣйствующую имперской жизни. Онѣ чрезвычайно сильно вліяли на всю имперскую психологію и этимъ путемъ на самую національную душу Россіи. Имперія по самому своему существу была борьбою — отчего не сказать правды? — съ темными, разрушительными началами, съ хаосомъ и анархіей Великорусскаго духа, съ этнизмомъ Москвы. И въ этой борьбѣ надежнѣйшимъ союзникомъ Имперіи были именно наши новыя западныя области. При этомъ особую цѣнность придавало ихъ помощи и содѣйствію то, что они дѣлали и самую борьбу двухъ міровъ — не особенно замѣтною: благодаря ихъ молчаливому содѣйствію, огромнѣйшіе результаты достигались какъ бы сами собою. Такъ вовсе не великороссійскія, не «истинно-русскія» чувства права, порядка, дисциплины, лоялизма и красоты, такъ — черты настойчивости, выдержки и Ломоносовской «благородной упрямки», такъ цѣлый рядъ болѣе культурныхъ привычекъ и склонностей — становились постепенно «истинно-русскими» чувствами, чертами и привычками уже потому, что вносившіе ихъ въ обиходъ русской жизни не-великороссы были съ точки зрѣнія Имперіи, не энавшей, по крайнѣй мѣрѣ, въ потенціалѣ и идеѣ, ни вѣроисповѣдныхъ, ни національныхъ различій, такими-же «русскими», какъ и великороссы и уже, конечно, не меньшими, а даже большими — въ этомъ и заключалась живая магія «реформы Петра» — имперскими патріотами, чѣмъ они. И пусть Петровскія цѣли и даже Петровскіе методы были уже и въ старой Москвѣ, но потому-то эти цѣли и достигались Москвою въ весьма неполной мѣрѣ, что ея положительныя теченія подавлялись противоположными. И въ результатѣ Москва приблизилась вплотную къ катастрофѣ, отъ которой ее спасъ только Петр¹⁾.

¹⁾ Здѣсь умѣстно пояснить подробности, въ какомъ смыслѣ всѣ только что отмѣченныя положительныя теченія были и въ Велико-русскомъ мірѣ и существовали и въ старой Москвѣ, т. е. еще до Петра. Ибо если-бы ихъ не было вовсе, то Москва не могла-бы, безъ всякаго сомнѣнія, сыграть своей роли «Собирателя Русской земли». Чтобы понять русскую судьбу, слѣдуетъ хорошо себѣ уяснить создавшееся въ Москвѣ чрезвычайно сложное — этнически и психологически — положеніе. Сущность его заклю-

Здѣсь, конечно, прежде всего дѣйствовалъ самый духъ его подвига: зараженіе Россіи Европой. Родившаяся въ пламени Петровскаго сдвига Имперія нашла — въ этомъ и заключается ея чудо — синтезъ русской души, т. е. разрѣшеніе русскаго западно-восточнаго противоположенія. Но въ совершеніи этого чуда ей въ весьма значительной степени помогали сильные творческіе токи, шедшіе изъ нашихъ новыхъ, нынѣ въ двухъ третяхъ утраченныхъ, западныхъ областей. Русская душа перерождалась и непосредственно подъ ихъ вліяніемъ: участіе ихъ въ обще имперской жизни сливало токи западно-русской и восточно-русской души въ одинъ общеимперскій, Всероссійскій, потокъ. При этомъ

чалась въ томъ, что сама «Москва» была, какъ историческая и культурно-политическая сила, — какъ-бы островомъ въ морѣ окружавшей ее этнической стихіи. Московскій духъ, какъ и впослѣдствіи Петербургскій, — былъ противоположенъ духу этой стихіи, и Московская государственность, какъ и весь вообще Московскій укладъ, были, какъ и Петербургскіе, борьбою съ восточно-русскими хаосомъ и анархіей. Тѣмъ не менѣ послѣдніе и вообще вся окружавшая Москву этническая стихія клали на нее свой отпечатокъ, и Московскіе духъ и организація оказались въ концѣ концовъ безсильными справиться съ ними (Смутное время, продолжавшееся и при первыхъ Романовыхъ и въ концѣ концовъ разрушившее старую государственность). Центральнымъ фактомъ, ярко характеризующимъ создавшееся въ Москвѣ положеніе, было то, что Москва XIV—XVII столтій, т. е. Москва, въ смыслѣ Московскаго правительства и Московской аристократіи, вовсе и не была — этнически — великорусской силою. Центральное историческое ядро Московской аристократіи составляла группа родовъ, прибывшихъ изъ Пруссіи (нынѣшней «Восточной Пруссіи») подъ давленіемъ Тевтонскаго Ордена. Къ этому ядру присоединились немного позднѣе покинувшіе свои удѣлы князья-Юриковичи, т. е. князья норманскаго (варяжскаго) происхожденія, и князья-Гедиминовичи (литовцы). Вокругъ этихъ трехъ основныхъ категорій — отъ нихъ происходятъ всѣ наиболѣе аристократическіе русскіе роды — и сгруппировались впослѣдствіи прибывавшіе на службу къ Великому Князю выходцы изъ различныхъ странъ, преимущественно изъ Пруссіи и Швеціи, также изъ Польши, «цесарскихъ земель» (Германіи) и Венгріи, въ мѣньшемъ числѣ — татарскіе, ногайскіе и черкесскіе (кавказскіе) мурзы и князья. Изъ этого вполне ясно видно, что Московская аристократія — а она и опредѣляла въ данную эпоху характеръ, направленіе и духъ всей государственной политики — была сплошь иноземнаго и при томъ преимущественно западнаго происхожденія. Этотъ центральный фактъ нашей національной исторіи пытались опровергать, но безъ успѣха. Онъ можетъ быть вполне объективно установленъ. Правда, потомство всѣхъ этихъ выходцевъ изъ чужихъ земель постепенно русъло — однако, судя по дошедшимъ до насъ фактамъ, не столь быстро и не столь полно, какъ это можно было-бы предполагать. Но еще важнѣе то, что начавшееся на самой зарѣ нашей исторіи движеніе съ Запада продолжалось и впослѣдствіи. Такъ, рядомъ съ боярской, политической, аристократіей возникла и быстро разрослась въ Москвѣ, получивъ въ ней первостепенное значеніе, — новая военная, торговая и ремесленная аристократія Нѣмецкой Слободы. Всѣ эти факты имѣютъ для насъ ту цѣнность, что они объясняютъ русскую исторію: безъ этихъ фактовъ ея вообще, какъ я уже замѣтилъ, нельзя было-бы понять, нельзя было-бы прежде всего понять, почему именно Москва, окруженная восточ-

роль доминанты играли именно западные его струи. Втечение всего XVIII вѣка — это началось еще съ Сѣверной войны, и символомъ этого движенія и было столь осмѣянное, потому что непонятое, Екатерининское («Потемкинское») путешествіе по Днѣпру — Россія дышала преимущественно своими западными областями. Здѣсь покоилось — и съ буквальномъ, географическомъ, и въ переносномъ, духовномъ, смыслѣ — реальное основаніе Петербургской пирамиды. И это продолжалось до середины XIX вѣка, т. е. до конца «Имперіи».¹⁾ Великороссійскій черноземъ — въ XVIII и началѣ XIX вѣка три четверти его не были даже распаханы — получаетъ значеніе «типически-русской» мѣстности не ранѣе середины XIX вѣка, а «центръ населенности» переходитъ туда лишь въ самомъ концѣ его. И лишь въ эту эпоху Центръ и Востокъ дѣлаются центромъ и правительственной политики, а западные области становятся «бракованными», какимъ-то случайнымъ и постороннимъ, не-русскимъ привѣскомъ къ тѣлу Россіи. Этотъ сдвигъ на Востокъ центра тяжести Имперіи и параллельный съ нимъ сдвигъ русской государственной мысли были, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ отказомъ отъ «Имперіи» и торжествомъ этнизма, торжествомъ Великорусскаго духа. И дѣйствительно какъ разъ съ этой эпохи (середина XIX в.) начинается сначала медленное, а затѣмъ все болѣе быстрое разрушеніе самого соціально-политическаго зданія Имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разложеніе ея идеи. Русская народная душа становится снова «великороссійской», т. е. революціонеркою. Но параллельно съ этимъ революціонируется — подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, славянофильскихъ идей — и сама

ной анархическою стихіей, смогла сыграть творческую и организующую, западную, роль, въ то время, какъ государственное творчество западной Россіи, куда болѣе предназначенной для этой роли характеромъ своей народной Psyche, но имѣвшей несчастье уничтожить свою аристократію, т. е. обезглавить себя, завершилось торжествомъ восточныхъ теченій, т. е. политическимъ банкротствомъ. Правда, волны великорусскихъ хаоса и анархіи подточили въ концѣ концовъ и многовѣковое зданіе государственности Московской — элементъ порядка и устройства оказалось недостаточно и въ Москвѣ. Но все-таки она унаслѣдовала изъ прошлаго достаточно силы, чтобы, сбросивъ, въ явленіи Петра, образъ ветхаго чело-вѣка, возродиться къ новой жизни — въ образѣ Петербургской Имперіи.

¹⁾ Этотъ основной фактъ нашей «Имперіи» можетъ быть, вѣроятно, доказанъ и чисто статистическимъ путемъ. Но не имѣя подъ руками точныхъ данныхъ, я не настаиваю на этой сторонѣ дѣла. Однако по свѣдѣніямъ, собраннымъ Вокеродтомъ (Russland unter Peter dem Grossen), населеніе не-великорусскихъ областей составляло весьма замѣтную часть населенія Имперіи уже при ближайшихъ преемникахъ Петра. Если исполнить, что въ послѣдующія царствованія были присоединены часть Финляндіи (1743 г.), Курляндія, Бѣлоруссія (1772 г.), Крымъ (1783 г.), Литва и Юго-западный край (1793 г.), то къ концу XVIII вѣка % великорусскаго населенія долженъ былъ еще въ болѣе значительной степени уменьшиться въ общемъ составѣ населенія Имперіи.

имперская политика, лучше сказать — весь государственный строй: радикально перерождаются — его духъ, его внутреннее содержаніе, даже отчасти его формы и символы, и Россія поворачивается къ Европѣ спиной. И такимъ путемъ все приходитъ въ состояніе неустойчиваго равновѣсія, ликвидаціей котораго и явилась катастрофа 1917 года.

14.

«Украинизмъ» былъ изобрѣтенъ врагами Россіи — и при томъ врагами лишь по недоразумѣнію и изъ политической близорукости, за которую они теперь жестоко наказаны — какъ средство ослабленія и разрушенія Россіи. Между тѣмъ тотъ же украинизмъ, понятый какъ противоположеніе не несущаго «украинскаго народа», а всего вообще русскаго Запада — русскому Востоку, несетъ въ себѣ здоровое зерно спасенія, воссозданія и усиленія Россіи. Мы не можемъ оставаться «великороссами» — это достаточно показали событія послѣднихъ пяти, лучше сказать, пятидесяти лѣтъ. Этотъ уклонъ уже привелъ насъ къ полной гибели — развѣ не есть полное не-бытіе, Нирвана — то, что происходитъ нынѣ за Днѣпромъ? Катастрофа, съ нами происшедшая, есть именно та катастрофа, которая грозила намъ въ XVII столѣтіи и отъ которой насъ тогда спасъ Петръ. И какъ тогда, такъ и теперь насъ можетъ спасти только западный духъ, ибо не чѣмъ инымъ, какъ оскудѣніемъ этого духа въ нашихъ душахъ и въ нашей жизни мы и погибли. Но «западный духъ» есть для насъ прежде всего западно-русскій духъ. Отсюда огромнѣйшая роль, которая выпадаетъ не только въ воссозданіи русской жизни, но и въ воссозданіи самой русской души — нашимъ, увы! отчасти уже «бывшимъ», западнымъ областямъ. Я не хочу касаться здѣсь политическаго, въ тѣсномъ смыслѣ, вопроса, какъ, когда и при какихъ условіяхъ возстановится нынѣ утраченная связь многихъ изъ этихъ областей съ Москвою и что это будетъ за связъ: «имперская», или какаянибудь иная? Всѣ эти техническіе юридическіе вопросы не столь важны, ибо живое содержаніе внесетъ въ эти юридическіе формы — сама жизнь. Какъ она сложится, этого я, конечно, не знаю. Но я знаю твердо, что безъ помощи нашихъ западныхъ областей — Россіи, т. е. Русской земли и Русскаго духа, не возстановить. Но я знаю не только это. Я знаю и то, что западныя области, ихъ духъ, ихъ культура, ихъ вѣковые навыки и психологія и, наконецъ, самые ихъ люди — получать, если и не преобладающее, то, во всякомъ случаѣ, очень большое значеніе въ будущей Россіи. Мнѣ вообще кажется, что русской столицей, центромъ національныхъ духа, культуры и власти, не смогутъ остаться ни Петербургъ, ни Москва.

Я вижу будущую русскую столицу даже не въ Кіевѣ, а, напр., гдѣ нибудь возлѣ Минска, можетъ быть еще дальше на Западѣ: иначе въ поры омертвѣлаго тѣла Россіи не пройдетъ западный духъ. И это есть именно то, что въ свое время сдѣлало необходимымъ — это былъ вовсе не «капризъ» Петра — перенесеніе столицы въ Петербургъ.

Но всѣхъ этихъ, открываемыхъ «украинскимъ» движеніемъ, горизонтовъ, конечно, не видятъ, не мугутъ видѣть наши унитаристы. Пойти путемъ, который я только что намѣтилъ, значило-бы съ ихъ точки зрѣнія, — «потерять Россію», чуть-ли не «измѣнить» ей. Съ моей-же точки зрѣнія это именно и значить — быть ея вѣрнымъ сыномъ и найти ее. Ибо духъ Россіи, духъ «Имперіи» на русскомъ Западѣ, а не на русскомъ Востокѣ.

15.

Я нашелъ у кн. Волконскаго одно чрезвычайно типичное мѣсто, которое даетъ мнѣ поводъ заключить этотъ очеркъ тѣмъ-же, чѣмъ я началъ его, т. е. небольшой филологической справкой. Противопоставляя два существующія въ современномъ русскомъ языкѣ имени для обозначенія нашей страны (Русь и Россія) и образованныя отъ нихъ прилагательныя (русскій и російскій) князь поясняетъ, что послѣднее употребляется нынѣ въ торжественныхъ формулахъ официального языка, а ранѣе употреблялось «въ напыщенномъ стилѣ XVIII вѣка». Затѣмъ онъ говоритъ: «въ слово Русь вкладывается чувство любви, горести и радости; въ словѣ російскій чувствуется присутствіе имперіалистской идеи; въ словѣ-же Россія звучитъ спокойное, дѣловое обозначеніе».

Какъ характеристика психологіи того поколѣнія, къ которому мы съ кн. Волконскимъ имѣемъ несчастіе принадлежать, эта характеристика превосходна. Но вмѣстѣ съ тѣмъ князь сдѣлалъ, самъ того не подозрѣвая, въ только что цитированныхъ мною словахъ — великолѣпный анализъ всей нашей эпохи имперскаго разложенія и указалъ, самъ того не желая, на тѣ силы нашей жизни, которыя привели къ нему. Да, кн. Волконскій безусловно правъ, что большинство изъ насъ дѣйствительно думало и чувствовало такъ, какъ онъ говоритъ. Но потому-то мы и погибли, что думали и чувствовали такъ... И, во первыхъ, почтенный авторъ многого не договариваетъ въ своей блестящей, несмотря на нѣкоторую ея сбивчивость, характеристикѣ. Такъ онъ забываетъ пояснить, что давно забытое старое имя Русь было введено въ обиходъ, въ качествѣ поэтическаго архаизма, — лишь въ XIX вѣкѣ, приблизительно въ тоже время, когда у насъ возродилось — также въ качествѣ поэти-

ческаго архаизма — и имя Украина. Но поэтические архаизмы видимо *habent sua fata* — имѣютъ свою судьбу. Мы видѣли это на примѣрѣ «Украины», и тоже случилось и съ «Русью». Она не замедлила вступить въ оппозицію «Россіи» и расколола психологически на двѣ части русскую душу и русскій міръ. Князь не говоритъ прямо объ имени «Россія», что оно стало выраженіемъ «имперіалистской идеи»¹⁾ — онъ говоритъ это о прилагательномъ «россійскій». Но такъ какъ это прилагательное находится съ существительнымъ, изъ котораго оно образовано (Россія), въ ближайшемъ родствѣ, то ясно, что «имперіалистскій» смыслъ слова «россійскій» перелился, хотя-бы въ нѣкоторой степени, и въ самое имя Россія. Съ другой стороны Россія есть «спокойное, дѣловое обозначеніе». Но на языкѣ психологіи «спокойный» и «дѣловой» значить — безразличный. Такъ-то имя «Россія» понемногу отошло отъ народной души: оно стало представлять что-то — пусть хоть немного — чуждое, «имперіалистское», слишкомъ официальное и сухое и потому-то оно и потускнѣло въ народной душѣ.

Все это есть не что иное, какъ отраженіе въ самомъ языкѣ того сдвига, который одновременно происходилъ во всѣхъ сферахъ русской жизни, т. е. отраженіе разложенія Имперіи.

Я спѣшу оговориться, что процессъ омертвѣнія въ языкѣ слова «Россія», какъ обозначенія живой сущности страны и народа, далеко не дошелъ до завершения²⁾. Но если «Русь» не вполне вытѣснила въ повседневномъ обиходѣ «Россію», то производные отъ первой русскій, русскіе (въ смыслѣ существительнаго, какъ обозначеніе народа) вполне вытѣснили производное отъ второй — Россіянинъ (Россіяне). И исторія этого слова — кн. Волконскій не упоминаетъ о немъ — еще яснѣе обнаруживаетъ намѣченный мною выше національно-

1) Я не знаю, почему авторъ употребляетъ въ данномъ случаѣ этотъ нынѣ чрезвычайно модный и столь-же неясный терминъ. Характеристика кн. Волконскаго только выиграла-бы и стала-бы еще правдивѣе и ярче, если-бы онъ въ ней замѣнилъ двусмысленный (чтобы не сказать «бессмысленный») терминъ «имперіалистская идея» болѣе яснымъ: имперская идея. Въ словахъ «Россія» и «россійскій» дѣйствительно заключено не что иное, какъ наша имперская идея.

2) Къ этому слѣдуетъ добавить, что выраженіе «Россія» вполне сохранилось въ живомъ языкѣ, въ смыслѣ географическаго, территориальнаго обозначенія. «Россія» имѣетъ въ виду такъ сказать тѣло, а «Русь» — душу страны («любовь» кн. Волконскаго). Кромѣ того «Россія» имѣетъ скорѣе политическій, а «Русь» — этнический смыслъ. Поэтому-то Эстляндія была Россіей, но она не была Русью. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ «Русь» постепенно вытѣсняла «Россію» и — что особенно важно — становилась ближе, роднѣе русской душѣ. Съ этимъ и совпадалъ, можно даже сказать: въ этомъ и заключался происходившій во всѣхъ сферахъ жизни и въ самой душѣ народа — процессъ разложенія націи, процессъ разложенія Имперіи, процессъ разложенія Россіи Петра.

психологическій процессъ. Мы теперь говоримъ Россія — русскій и даже не замѣчаемъ, что эти выраженія не находятся другъ съ другомъ въ генетической связи. Между тѣмъ правильно образованнымъ отъ имени страны «Россія» именемъ народа будетъ не «русскіе», а «Россіяне»; «русскіе» — же образовано отъ имени «Русь». И дѣйствительно: когда вспыхнуло и сразу ярко разгорѣлось въ сознаниі и сердцѣ нашихъ предковъ слово «Россія», то они сразу-же назвали себя — грамматически вполне правильно — Россіянами. Это случилось при Петрѣ: имя «Россія» — ровесникъ Имперіи и по дѣйственной своей сущности однозначуще съ ней¹⁾. Имя «Россіянинъ», вѣроятно, кажется кн. Волконскому еще болѣе «напыщеннымъ», чѣмъ родственное ему прилагательное русскій. Но это-то и показываетъ, что люди его поколѣнія перестали чувствовать себя «Россіянами» и превратились въ «русскихъ». Между тѣмъ наши предки XVIII вѣка называли себя «Россіянами» именно потому, что вкладывали въ слово «Россія» — любовь. Для нихъ это слово не было «спокойнымъ и дѣловымъ» — холоднымъ словомъ. Какъ много значили слова «Россія» и «Россіянинъ» — для Петра! Вспомнимъ Полтавскій приказъ! Какую любовь, какую страсть вкладывалъ онъ въ эти имена! Поколѣніе-же кн. Волконскаго вложило любовь въ слово «Русь», и такъ-то мы перестали звать себя Россіянами и назвали себя вновь — русскими. И только въ тяжелой атмосферѣ этаго перерожденія языка, являющагося лишь симптомомъ болѣе глубокой болѣзни самой національной души, могли у насъ родиться, въ концѣ XIX вѣка, столь нелѣпые лозунги, какъ, напр., «Россія — для русскихъ». Сказать: Россія — для русскихъ — это значитъ просто не понимать, что такое Россія. Ибо «Россія», какъ показываетъ сама грамматика, можетъ-быть только для «Россіянь», а никакъ не для «русскихъ». И дѣйствительно: «Россіянами» были для нашихъ предковъ и казанскій татаринъ и прибалтійскіе уроженцы — нѣмецъ, эстонецъ и латышь — и житель западныхъ областей — полякъ и «другъ степей — калмыкъ». И это-то все и сгубилъ археологическій неологизмъ «Русь». Онъ превратилъ нашъ сознатель-

¹⁾ Имя «Россія» — это имѣетъ большое символическое значеніе для исторіи нашихъ государственности и культуры и вообще для всего явленія Россіи — не русское, а греческое имя (*Ρωσία*). Оно родилось въ Византіи еще въ X вѣкѣ, но, если не считать нѣсколькихъ изолированныхъ случаевъ его употребленія въ XVII вѣкѣ въ «книжномъ» языкѣ, то оно остается безо всякаго вліянія на русскій языкъ втеченіи восьми вѣковъ, т. е. до XVIII вѣка. И понятно, почему это было такъ: въ національной психологіи вовсе и не было концепціи «Россія» — въ предшествующіе XVIII-му вѣка. Когда-же эта концепція явилась, то воспользовались готовымъ греческимъ словомъ, и оно сразу вспыхнуло, какъ наиболѣе національное изъ всѣхъ словъ (см. также на стр. 35—36).

ный, мужественный и яркій имперскій патріотизмъ въ неопредѣленный, полу-инстинктивный, кисло-сладкій («горести и радости» кн. Волконскаго) этнизмъ.

Да, въ концепціи Россія — Россіяне была не только одна любовь: въ этой концепціи была и огромнаго напряженія сила. То, что слова Россіянинъ и російскій кажутся намъ «напыщенными», показываетъ только то, что мы перестали понимать героическое. Эпоха «напыщенного стиля XVIII вѣка» — она-же была эпохою нашей «великой трагедіи» — была прежде всего героическою эпохою. И поэтому-то, — если и не созданное этою эпохою — то, во всякомъ случаѣ, усвоенное именно ею и претворенное ею въ жизнь слово Россія было, какъ и само выражаемое имъ понятіе, героическимъ словомъ. Но по мѣрѣ того, какъ оно теряла героическій и получало, говоря языкомъ кн. Волконскаго, «спокойный, дѣловый» характеръ, переставалъ быть героическимъ — къ сожалѣнію, не дѣлаясь одновременно «спокойнымъ и дѣловымъ» — и называемый именемъ Россіи народъ. Такъ-то онъ и превратился изъ «россійскаго» въ русскій, и самъ терминъ «россійскій» сталъ звучать для него «слишкомъ официально».

16.

Въ числѣ утвержденій украинистовъ есть и такое: Московская Русь никогда не называлась однимъ общимъ именемъ съ «Украиной». Въ такой формѣ это утвержденіе есть ложь. Но такую-же, если не прямую ложь, то, во всякомъ случаѣ, большую натяжку представляетъ собою и противоположное утвержденіе унитаристовъ: Московская Русь всегда называлась общимъ именемъ съ нашими юго-западными областями. Нарѣчія никогда и всегда объясняются въ обоихъ случаяхъ лишь страстностью, запальчивостью и ожесточеніемъ спора. На самомъ дѣлѣ такая эпоха, когда съ одной стороны Московская, а съ другой — Юго-западная, Днѣпровская, Россія назывались разными именами — дѣйствительно была. Въ этомъ украинисты дѣйствительно правы, но только то имя, которое продолжало тогда жить на Днѣпрѣ, было вовсе не возрожденное въ срединѣ XIX вѣка, въ качествѣ поэтического архаизма, имя «Украина», а именно унаслѣдованное отъ древности имя «Русь». И это-то самое имя затуманилось, померкло, перестало жить на Москвѣ, постепенно исчезнувъ изъ ея обихода. Эпоха, когда происходилъ въ языкѣ и Psyche Москвы этотъ процессъ, суть XV, XVI и XVII вѣка.

Унитаристы — въ частности и кн. Волконскій — доказываютъ противоположное тѣмъ, что имя «Руси» сохранилось въ титулѣ Московскихъ государей: всея Руси Самодержецъ.

Но развѣ неизвѣстно, что всѣ вообще титулы крайне консервативны по самой своей природѣ? Развѣ не сохранилъ, напр., до сихъ поръ титулъ «короля Іерусалимскаго» — итальянскій король? Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что онъ царитъ надъ Іерусалимомъ, или что его подданные принадлежать къ «Іерусалимской» націи? Такъ-то и присутствіе въ титулѣ московскихъ Великихъ Князей и царей имени «Русь» нисколько не доказываетъ того, что московскіе цари въ XVI—XVII вѣкахъ царили надъ «Русью». Напротивъ, это имя давно уже обмирало на Москвѣ. Я вполне допускаю, что титулъ государей имѣлъ на Москвѣ такъ сказать програмное значеніе. Но въ Москвѣ смотрѣли на эту программу не съ обще-русской, а — эта психологическая тонкость чрезвычайно важна — съ московской точки зрѣнія. Другими словами, въ титулѣ государя заключался тогда на Москвѣ извѣстнаго рода, какъ мы сказали-бы теперь, — тактичeskій приемъ... Слово «русскій», конечно, сохранилось и на Москвѣ. Но это не было обозначеніемъ живой сущности страны и народа, не было живымъ именемъ націи, образовавшейся на Москвѣ. Между тѣмъ «Москва» именно и была и чувствовала себя «націей». Московскіе люди такъ и называли себя — московскими людьми. А жителей Днѣпровской Руси они называли «черкасами» и мало отличали ихъ, несмотря на единство крови и вѣры, отъ поляковъ и даже «татарвы».

Съ Петромъ умираетъ у насъ старая, «Московская», и рождается новая «нація». Какая? Русская? Нѣтъ, не русская, а «Россійская»! — слова Русь и русскій покрываются въ Петербургѣ еще болѣе густымъ туманомъ, чѣмъ они были покрыты въ царской Москвѣ. Слово «Русь» совершенно погибаетъ въ немъ, чтобы воскреснуть только чрезъ полтора столѣтія, въ срединѣ XIX вѣка. Слово «русскій» сохраняется, но дѣлается словомъ, выражаясь языкомъ Ломоносова, «средняго», если не прямо «низкаго штиля». Мы теперь смѣемся надъ «высокимъ штилемъ» нашихъ предковъ XVIII и начала XIX вѣка — онъ намъ кажется «напыщеннымъ», «неестественнымъ» и «книжнымъ». Но для нихъ этотъ «штиль» былъ естественнымъ стилемъ. Они дѣйствительно были людьми высокаго штиля; они чувствовали его въ себѣ и жили имъ. И только поэтому они могли создать «Россію». Они дѣйствительно чувствовали себя «Россіянами». Это имя заключало въ себѣ, какъ и имя Россіи, цѣлую программу и предвосхищало судьбу. Лучше сказать, это была программа, осуществленная въ судьбѣ. И поэтому-то у нихъ не могло быть никакого разрыва, какъ это сдѣлалось впоследствии, между «любовью» Руси и «официальностью» Россіи. Официальная Россія была для нихъ единственно-истинной Россіей, и потому-то они и были и чувствовали себя Россіянами. И повторяю: именно этимъ, т. е. живымъ чув-

ствомъ и сознаніемъ Россіи, они могли создать въ какихъ нибудь полвѣка — русскую славу, русскую культуру и русское величіе. Эта Россія, ихъ Россія, не могла не родить и высокій стиль.

Въ XIX вѣкѣ начинается поворотъ и какъ разъ обратный Петровскому сдвигъ: въ словѣ «Россійскій» рѣзко обозначается «оффиціальнѣй», противоположный «народному», отгѣнокъ, и отъ него отлетаетъ «любовь»; слово-же «Россіянинъ» совсѣмъ исчезаетъ изъ языка. Нарождается новая Россія, которая уже не хочетъ звать себя Россіей, а называетъ себя — «Русь»¹⁾. Такъ-то на исторіи этихъ словъ мы можемъ прослѣдить и исторію зарожденія, созрѣванія и разложенія «Имперіи» и, въ частности, весь тотъ процессъ измѣненія всего ея живого существа, идеи и дѣйствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и коренного измѣненія въ глубинѣ народной души, который я охарактеризовалъ въ концѣ 13 главы. Это былъ сдвигъ отъ націи — Имперіи къ темному этнизму и вмѣстѣ съ тѣмъ поворотъ отъ Запада на Востокъ. Но по своему историческому дѣйствию и по интимнѣйшей своей сущности этотъ сдвигъ и поворотъ были не чѣмъ инымъ, какъ возвращеніемъ отъ порядка и устроенія — въ анархію и первобытный хаосъ. Такъ-то начавшаяся съ самой зари нашей исторіи борьба этихъ противоположныхъ началъ закончилась въ 1917 году побѣдою вторыхъ.

И если слова могутъ губить, а, къ сожалѣнію, въ нихъ несомнѣнно заключается нѣкая, порою весьма могущественная, магическая сила, — то нѣтъ слова, которое причинило-бы нашему бытію, какъ націи, и вообще силѣ и правдѣ Россіи большаго вреда, чѣмъ архаическое слово «Русь». Археологическія реконструкціи всегда въ высшей степени опасны. И такую реконструкціей, въ сущности, и была вся нынѣ погибающая Россія нашихъ славянофильскихъ, сумеречныхъ десятилѣтій.

1922.

¹⁾ Этотъ процессъ продолжался — начиная съ 30-хъ и почти вплоть до 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Изъ романа Тургенева «Новъ» живописующаго революціонное движеніе 70-хъ годовъ, видно, что слово «россійскій» было тогда еще вполне обиходнымъ, не рѣзавшимъ уха, словомъ и что было еще живо, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной средѣ, связанное съ этимъ словомъ чувство Россіи и Имперіи.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
5	37	кошунсвовать	кошунствовать
6	46	любовъ	любовь
9	6	очень	очень
12	41	Выжеизложенное	Вышеизложенное
19	43	нѣмы	нѣмцы
23	34	великой Разрухи	Великой Разрухи
40	16	Эти то	Эти-то
„	42	Украинскіи	Украинскій
43	19	прежнюю силу сопро- тивленія.	прежнюю силу сопро- тивленія?
46	33	ето	это
47	26	древней Руссиі, впо- слѣдствіе	древней Руси, впо- слѣдствіи
49	32	слѣдовало	слѣдовало.
54	17	настоящее	настоящее
62	26	принесшія	принесшія,
63	6	западной	Западной
75	25	замѣчанія	замѣчанія
77	26	территоріальнамъ	территоріальномъ
78	39	то же	тоже
80	10	«Украина»	«Украйна»
83	29	обоснованіе	основаніе
84	13	tout a fait	tout à fait
„	14	litteraire	littéraire
„	18	языка, есть	языка, а есть
„	33	языкъ (кіевское) обрати- лось	языкъ (кіевское), обра- тилось
87	43	новый живой языкъ.	новый живой языкъ?
89	30	къ тому, что-бы	къ тому, чтобы
91	26	нслишне	излишне
102	21	для того, что-бы	для того, чтобы
103	9	Голодная смерть подъ фирмою душевого на- дѣла,	Голодная смерть подъ фирмою дополнитель- наго надѣла,
106	31	не имѣтъ	не имѣетъ
„	32	имѣтъ	имѣетъ
109	42	безъ уснѣха.	безъ успѣха.

Оглавленіе.

	Стр.
Двѣ Россіи	1
Юрій Самаринъ или Императоръ Николай I. ?	33
De bello Samarico	41
Нѣчто о географіи	45
Борьба за Самодержицу	50
Генеалогія русскаго Самодержавія и балансъ славянофильства . .	59
Двѣ Россіи и Украинскій вопросъ	75

Типографія Р. Ольденбургъ, Мюнхенъ.

Издательство Милавида • Мюнхенъ
(Отдѣлъ дѣтскихъ книгъ)

Готовятся къ печати:

**М. К. ПЕРВУХИНЪ: Итальянскія
сказки и легенды.**

**Его-же: Рыболовы (разсказъ для
дѣтей).**

Издательство Милавида • Мюнхенъ:
(St. Annaplatz 7)

СТИХОТВОРЕНІЯ АЛЕКСАНДРА САЛТЫКОВА

Книга II:

О д ы и Г и м н ы.

Второе дополненное издание.

Готовятся къ печати:

Книга I: Трофеи (Сонеты).

Второе дополненное издание.

Книга III: Античныя мелодіи.

Книга VI: La Gaia Scienza.